

ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА

КНИГА ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ВЗРОСЛЫХЪ.

I. Азбука.

II. Книга для чтенія.

Составила

Л. А. Зюкова.

С.-Петербургскимъ Обществомъ Грамотности
по конкурсу 1904 года
УДОСТОЕНА ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ
имени А. С. Воропова.

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. **ДОПУЩЕНА** къ классн. употребл. въ воскресн. школ. и вечернихъ классахъ для взрослыхъ.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

МОСКВА.—1905 г.

ред
491.71(07)
3-983

ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА.

КНИГА ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ВЗРОСЛЫХЪ.

1930/6

I. Азбука.

II. Книга

для чтенія.

Составила

П. А. Зюкова.

Н. И. ПЕНСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
РОССИЙСКОГО
НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

С.-Петербургскимъ Обществомъ Грамотности по конкурсу 1904 года

удостоена золотой медали

имени А. С. Воронова.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ
МОСКВА. — 1905.

История 1888 г.

ВОССТАНОВИТЕЛЬНАЯ РАБОТА

КНИГА ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ

1. Азбука.

II. Книга.

Р. И. П. Р. Д.

Дозволено цензурою. Москва, 5 апреля 1905 года.

Издательство *С. С. Смирнова*

№ 109231 *ред*

Удостоена золотой медалью

имени А. С. Водкова

Издательство *С. С. Смирнова*

КОНТРОЛЬНЫЙ

Издательство *С. С. Смирнова* Москва — 1905

С. С. Смирнов

Предисловіе.

Всѣ статьи для „Воскресной школы“ взяты мною изъ моей книги „Товарищъ“, получившей на конкурсѣ 1901 года премію имени К. Д. Ушинскаго. Но такъ какъ книга „Воскресная школа“ предназначена для обученія взрослыхъ, то статьи выбраны только тѣ, которыя могутъ быть интересны для нихъ.

Азбука составлена самая краткая: ученики воскресной школы дорожатъ временемъ, а потому приходится торопиться съ первоначальнымъ обученіемъ и давать учащимся лишь главную основу, выдвигая предъ ними только способъ соединенія звуковъ въ слова; собственная же ихъ жажда читать книги помогаетъ имъ самимъ довершить остальной трудъ.

И, какъ замѣчено уже многими, чѣмъ скорѣе дозволяютъ учащимся перейти къ связному чтенію, тѣмъ съ большимъ интересомъ они относятся къ занятіямъ и съ большей энергіей преодолеваютъ трудности.

Этой книгой я не рассчитываю удовлетворить всевозможныя требованія, предъявляемыя къ книгѣ для чтенія въ воскресной школѣ: эти требованія такъ многоразличны, что никакая книга не можетъ вмѣстить въ себѣ того, что должно отвѣчать на всѣ эти запросы. Благо и то, если она послужитъ первымъ толчкомъ къ стремленію приобрѣсти знанія объ окружающемъ мірѣ; благо, если она возбудитъ въ учащемся любовь къ чтенію,—этому разумному и здоровому развлеченію для трудящагося человѣка.

АЗБУКА.

а х ах ахъ о ох

охъ у ух ухъ у х о

у-хо ухо м у м ум

умъ м а ма ма-ма мама

у х а у-ха уха м у ха

му-ха муха.

Ахъ. Охъ. Ухъ. Умъ. Уха. Ухо. Мама.

Муха. Охъ. Умъ. Ахъ. Уха. Муха.

Д а д ад адъ да
да да мъ дамъ до до
домъ до-ма дома ду ду
ду-ма дума.

Домъ. Дома. Мама дома. Дума. Дама.
Муха. Дамъ. Умъ. Охъ. Ахъ.

р хо р хо ръ хоръ
у р а у-ра ура ра дъ
радъ ра-да ра-ма ро ро
да-ромъ.

Хоръ. Радъ. Рама. Ура. Даръ. Родъ.
Даромъ. Хоромъ. Мама рада.

И и д и и - д и и д и
и - д у и д у м и м и р ъ
мир ъ му - х а му - х и му х и
му х у .

Иду. Духъ. Мухи. Миръ. Даромъ. Домъ.
Иди. Хоромъ. Рама. Миръ.

К ма к ма к ъ ма к ъ
ра к ъ ра к и ра - к и ру - к и
му к а му - ка му ка ру ка
к у да ку - да ку - ма к ум ъ
к о му ко - му ко ра ра к и
ку да ку ма .

Кумъ. Кому. Куда. Кора. Умъ. Ахъ.
Руки. Раки. Мухи. Рам - ка. Кор - ка.

Т К О Т - К О Т Ъ р О Т Ъ К И Т Ъ
Т а К Ъ т а К Ъ т а м Ъ т о м у
т о - м у т у д а т у - д а к т о
Т И Х О Т И - Х О х а - т а
Х А Т - К а .

Такъ. Тихо. Туда. Тамъ. Кто. Хата.
Утка. Три. Катокъ. Рамка.

Н О Н О Н Ъ О Н А
о н а н а м Ъ о н и о н и
н о - р а р а - н о р а - н а т у - м а н Ъ
О Д - н а .

Намъ. Надо. Нора. Норка. Корка. Никто.
Никуда. Рано утромъ туманъ.

С у с у с ъ н о с ъ с о к ъ
с о к ъ с у д ъ с у д ъ с а д ъ
с а д ъ с а м ъ с а м а с у м а
к у - с о к ъ с и д и с и - д и с т о
с т о - р о - н а .

Судъ. Сто. Сторона. Самъ. Сиди. Сама.
Смотри. Сахаръ. Кусокъ. Утро. Утки.

П с у п с у п ъ п а
п а - п а п а - р а п а р ъ п о р а
п о - р а п у д ъ п у д ъ п у х ъ
п и р ъ п и р ъ п о - р о х ъ
п р о - с и п р и - д и п р и д у
п р о - с о п р о - с т о п р о - с т и .

Пара. Пора. Порохъ. Кто тамъ? Приходи
къ намъ. Прости ихъ.

Й а й ай о й ой мой
май рай пой дай рой
са-рай ду-май до-мой
думай сарай домой.

Иди домой! Сиди дома! Кто у васъ дома?
Дай топоръ. Купи намъ сахару. Кто
строить домъ? Кто строить сарай?

Ы т ы ты м ы мы
у с ы у-сы усы сыръ
сы-ро сыро сырой сынъ
д ы мъ дымъ са-ды сады
дыра ра н ы ра-ны но-ры
ком-на-та.

Ты. Коты. Мы. Думы. Пора домой. Иди
съ мамой. У насъ домъ съ садомъ.
Комната съ окномъ. Мудрый старикъ.

Ш на ш нашъ ко ш ка
кош-ка мошка ш у мъ
шумъ шут-ка пишу сушу
у ш и уши суши пиши
ш а ръ шаръ шарикъ
шайка.

Шутка. Душа. Тоска. Пиши хорошо!
Купи три пуда сахара. Мой руки! У насъ
одинъ домъ. Приходи къ намъ. Дай
шапку. Наши топоры. Нашъ сарай.

Ч ч ай чай чай-ка
чай-никъ чашка о ч и
очи читай что про-чти
прочту у ч у учу чу-до.
Чайка. Чайникъ. Строчка. Строчки.
Строчку. Прочти одну строчку. Напиши
одну строчку. Учи урокъ! Кто у насъ дома?

Г ша г шагъ ша г и

ша-ги шаги ноги гири

но-га рогъ рога гу-си

годъ го-родъ огородъ

гора кни-га кни-ги иг-ра

играй груша.

Стой тутъ. Дай чайникъ. Подай сахаръ.

Читай книгу. Пиши хорошо. У насъ

сырой домъ. У насъ много книгъ. Сиди

дома и учи урокъ.

Ю по ю пою даю

рою подаю читаю думаю

с ю да сю-да от-сю-да.

Л по л поль столъ
по-лы сто-лы ла-па лам-па
лапы лампы л у к ъ лукъ
слу-чай пила пилы пилу
мыло мало сало ло-па-та.

Иди сюда! Иди въ школу! Дай намъ лопату. У лисы лапы и у кошки лапы. У насъ мало соломы. Мой уши мыломъ! Куда ты? Мама дала намъ молока.

Купи чаю и сахару.

Е е й ей чей пей
лей шей не не-си несу
се-ло по-ле ко-ле-со перо
море горе ре-ме-шокъ
ремешки.

Чей ты сынъ? Лиса передушила нашихъ курь. Книгу читай, а самъ смекай. Наше село. Сестра писала намъ, что ей тамъ хорошо. У насъ три лампы.

Ж НО **ЖЪ** НОЖЪ НО-ЖИ
НОЖИКЪ НОЖ-КИ ЛОЖ-КИ
Ж У **ЖЪ** ЖУКЪ ЖУ-КИ
КО-ЖА ЖАРЪ ПОЖАРЪ
МОЖ-НО СТО-РОЖЪ ОСТО-
РОЖ-НО ЖИРЪ.

Не лей. Не пей. Принеси сюда масло и сыръ. Несите сюда соломѣ. Дайте ему кусокъ сахару. Отдай ему книгу. Отдай нашъ ножъ. Отдайте имъ четыре груши.

Ученики читаютъ.

Я ядъ яма ямка ядро
моя шея ня ня-ня няня
Таня Сеня д я дя-дя
дядя **Надя** Груня Оля
Оля Юля Поля Коля
Митя Костя мясо мята
ряса пят-но пят-ка де-ся-
токъ пря-жа.

Налей стаканъ молока. Сторожъ далъ
намъ ключъ. Ученики пишутъ. Ученикъ
пишетъ перомъ. Моя няня пила мяту.
На моей тетради пятно. Я уже читаю
и пишу.

В ро въ ровъ шовъ
вы швы два едва воръ

дворъ дворы твой свой
 воль вода волкъ волки
 воскъ весло внукъ травка
 головка весна весной.

Зво зъ возъ разъ тазъ
 глазъ мо-розъ ро-за гла-за
 за-пахъ заря зи-ма зимою
 мо-ро-зы розы раз-умъ раз-
 умно разумный забавный.

Мой дядя косиль. Ученики ходять еже-
 дневно въ школу. На полу у васъ соръ.
 Я хочу чаю. Чей платокъ? Вася и Таня
 пошли въ школу. Костя и Зина при-
 дуть сегодня вечеромъ къ намъ. Мой
 кушакъ и моя шалка на кровати.

Ё е ё её моё твоё своё
ёршь ёлка лёдъ мёдъ
тётя тётка слёзы колёса
берёза орёлъ осель ко-
вёръ козель котель тёп-
лый тёмный даётъ берётъ
несётъ идётъ поётъ шель
мель плель брель вель
нашель пришель привель
принесь.

Моя тётка умерла. Пчёлы носятъ въ улей мёдъ. У меня отъ холода текутъ слёзы. Тамъ растётъ кудрявая берёза, а тутъ зелёная ёлочка. Какой тёплый вечеръ! Кто тамъ пришель? Что ты принесь?

Щ ле щъ лещъ прыщъ
товарищъ и щ и ищи
тащи ящикъ гуща чаща
роща пища щу-ка ищу
ще-ка щёки щетина
щётка щётки трещотка.

Б зу бь зубь лобь
ба ба-ба шуба борщъ
борщъ бо-ро-да подборо-
докъ бу-ря буква братъ.

Разбуди бабушку. Убери книги и те-
тради со стола. Дай намъ по яблоку.
Моя шапка стоитъ два рубля. Щетка
стоитъ сорокъ копеекъ. Я люблю дядю.
Братъ любитъ сестру. У меня болятъ

зубы. Коля и Дуня сидятъ дома. Что ты сказалъ? Что ты сегодня читалъ?

Э ЭХЪ ЭТА ЭТО ЭТИ ЭТОТЪ
ЭТИХЪ ЭТИМЪ ЭТАЖЪ ЭКИ-
ЦАЖЪ.

Ъ ЪМЪ ЪЛЬ ЪДА ЪДУ
ЪХАТЬ ПОЪЗДЪ ПОЪХАЛИ
ПОДЪЪХАЛИ СЪЪЛЬ СЪЪЛИ
СЪЪМЪ ПОДЪЪЗДЪ СЪЪХАЛЬ
БЪДА ОБЪДЪ БЪДНЯКЪ БЪД-
НЫЙ ОБЪДКИ ВЪСЫ ВЪ-
ТЕРЬ ДЪЛО НЕДЪЛЯ ЛЪСЬ
ЛЪТО МЪСТО НЪТЬ ПЪСНЯ
РЪДКО ТЪЛО.

Дѣти сѣли за столъ и сѣбли всю кашу. У нашего подѣзда стоитъ тройка лошадей. Изъ чего это сдѣлано? Наша жиличка вчера сѣхала отъ насъ. Гдѣ вы живёте? Мы живёмъ на Московской улицѣ. Завтра надо выѣхать рано утромъ. Я знаю, что ты ещё не обѣдалъ.

Собака дали обѣдки пирога.

Б братъ братъ хватъ
хватъ шесть шесть путь
мать кость пять десять
девять гость гвоздь уголь
уголь соль моль пыль
боль конь конь день
пень камень воль воль-но
довольно больно сильно
только сколько лью пью

ШЮ ЛЬЕМЪ ПЬЕМЪ ШЬЕМЪ
СЕМЬ СЕМЬЯ БРАТЯ ПЛАТЯ
ВОРОБЬИ СОЛОВЬИ ЧЬЯ ЧЬЁ
ЧЬИ РУЧЕЙ РУЧЬИ НОЧЬ
НОЧЬЮ ОСЕНЬ ОСЕНЬЮ.

Осенью каждый день идетъ дождь. Всюду
стоятъ лужи. Небо сѣрое, мрачное. Ду-
етъ холодный вѣтеръ. Скучная осень!
Ночью свѣтитъ луна. Ночью на небѣ
звѣзды. Звѣзды и днёмъ на небѣ, но
только ихъ не видно. У насъ семья
большая. Мои братья всѣ женаты.

Ц ОТЕЦЪ ОТЕЦЪ КУПЕЦЪ
ПАЛЕЦЪ БРАТЕЦЪ ОВЦА
ЛИЦО ЯЙЦО ЦАПЛЯ ЮТЦЫ

купцы братцы пальцы
сердце солнце церковь.

Ф **Ө** графъ графинь
Тома Теодотъ Теодоръ гри-
фель фунтъ кофе кофта
фонарь ариѳметика.

Мой отецъ купецъ. Моего брата зовуть
Теодоръ, а твоего Теодотъ. У нашего
дяди есть садъ. У вашего дѣда былъ
большой домъ. Я учу ариѳметику. Вѣкъ
живи, вѣкъ учись!

І ій синій третій уз-
кій лѣтній зимній осен-
ній весенній свѣжій рус-
скій Василій Григорій.

ія

Марія Лидія Турція

іе

спасеніе терпѣніе пове-
деніе прилежаніе.

Аа Бб Вв Гг Дд Ее

Жж Зз Ии Іі й Кк Лл

Мм Нн Оо Пп Рр Сс

Тт Уу Фф Хх Цц Чч

Шш Щщ ъ ы ь ЪѢ

Ээ Юю Яя Өө.

Aa Bb Cc Dd

Ee Ff Gg Hh

Ii Jj Kk Ll

Mm Nn Oo Pp

Qq Rr Ss Tt Uu

Vv Ww Xx Yy Zz

aa bb cc dd

ee ff gg hh

Дни недѣли.

Въ недѣлѣ семь дней: понедѣльникъ, вторникъ, среда, четвергъ, пятница, суббота и воскресенье. Шесть дней люди работаютъ, а седьмой день — воскресенье — праздникъ. Въ воскресенье мы идемъ въ церковь, молимся Богу. Кромѣ воскресенья, бываютъ и еще праздники.

Годъ.

Въ году двѣнадцать мѣсяцевъ. Мѣсяцы называются такъ: январь, февраль, мартъ, апрѣль, май, июнь, июль, августъ, сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь.

Четыре времени года.

Въ году двѣнадцать мѣсяцевъ. Эти двѣнадцать мѣсяцевъ дѣлятся на четыре времени. Четыре времени года называются такъ: весна, лѣто, осень, зима. На каждое время года приходится по три мѣсяца.

Мѣсяцы.

Зимніе мѣсяцы: декабрь, январь, февраль.

Весенніе мѣсяцы: мартъ, апрѣль, май.

Лѣтніе мѣсяцы: июнь, июль, августъ.

Осенніе мѣсяцы: сентябрь, октябрь, ноябрь.

Солнце печетъ, липа цвѣтетъ, рожь поспѣваетъ...
Когда это бываетъ?

Пусты поля, мокнетъ земля, дождь поливаетъ...
Когда это бываетъ?

Снѣгъ на поляхъ, ледъ на рѣкахъ, вьюга гуляетъ...
Когда это бываетъ?

Таетъ снѣжокъ, ожилъ лужокъ, день прибываетъ...
Когда это бываетъ?

П о с л о в и ц ы.

Сперва азъ да буки, а потомъ и науки. Вѣкъ живи, вѣкъ учись. Учись смолоду, не умрешь съ голоду. Книгу читай, а своимъ умомъ смекай. Хлѣбъ съѣдай, водой запивай, Богу молись, за работу берись.

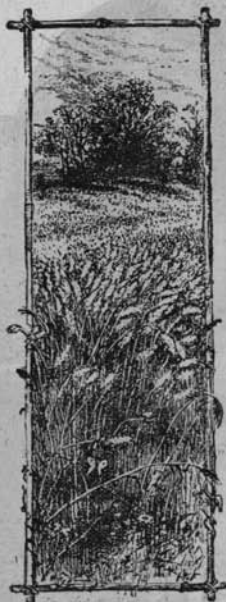
Трудъ человѣка кормить, а лѣнь портить. Кто лѣнивъ, тотъ и сонливъ. Кто рано встаетъ, тому Богъ даетъ. Лѣнь дѣла не дѣлаетъ, безъ хлѣба обѣдаетъ. Терпѣніе и трудъ все перетрутъ.

Работай до поту, такъ поѣшь въ охоту. Гулявши много смолоду, умрешь подъ старость съ голоду. Ищи себѣ прибыли, а другому не желай гибели. Хлѣбъ-соль ѣшь, а правду рѣжь.

Доброму человѣку Богъ продлить вѣку. Худо тому, кто добра не дѣлаетъ никому. Живи не такъ, какъ хочется, а какъ Богъ велитъ. Какъ поживешь, такъ и прослывешь. Что посѣешь, то и пожнешь.

Въ горѣ не унывай, а на Бога уповай. Наша доля — Божья воля. Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ. За правое дѣло стой смѣло. Все минется, одна правда останется. Правда свѣтлѣе солнца.

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

Н и в а.

Нива моя, нива,
Нива золотая!
Зрѣешь ты на солнцѣ,
Колосъ наливая.

По тебѣ отъ вѣтру,
Словно въ синемъ морѣ,
Волны такъ и ходять,
Ходять на просторѣ.

Надъ тобою съ пѣсней
Жаворонокъ вьется;
Надъ тобой и туча
Грозно пронесется...

Зрѣешь ты и спѣешь,
Колосъ наливая,

О людскихъ заботахъ
Ничего не зная.

Унеси ты, вѣтеръ,
Тучу градовую!
Сбереги намъ, Боже,
Ниву трудовую!

Ю. Жадовская.

Рождество Богородицы.

Въ городѣ Назаретѣ жили благочестивые люди: Иоакимъ и Анна. Оба они были уже стары, а дѣтей у нихъ не было. Они усердно молили Бога, чтобы Онъ даровалъ имъ дитя, и обѣщали посвятить его Богу.

Господь послалъ имъ эту радость: у нихъ родилась дочь, которую они назвали Марією. Дѣва Марія впоследствии сдѣлалась Матерью Господа нашего Иисуса Христа и Заступницею рода христіанскаго.

Введение во храм Пресвятой Дѣвы Маріи.

Благочестивые родители Дѣвы Маріи, Іоакимъ и Анна, дали обѣщаніе посвятить свое дитя Богу. И когда Пресвятой Дѣвѣ Маріи исполнилось три года, родители повели Ее во храмъ Іерусалимскій; ихъ провожало много народа. Съ пѣніемъ священныхъ псалмовъ дошли всѣ до храма.

Тутъ трехлѣтняя Отроковица Сама, безъ посторонней помощи, прошла всѣ 15 ступеней.

Навстрѣчу Пречистой Дѣвѣ Маріи вышелъ священникъ Захарія, благословилъ Ее и, по внушенію Святаго Духа, ввелъ Ее въ самую главную часть храма, куда и самъ онъ имѣлъ право входить только разъ въ годъ.

Іоакимъ и Анна, исполнивъ свой обѣтъ, возвратились домой, а Пресвятая Дѣва Марія осталась жить при храмѣ. Она обучалась тутъ рукодѣлію и чтенію священнаго писанія и всегда отличалась Своею благочестивою жизнью.

Храмъ Божій — самое драгоцѣнное сокровище наше.

Войдите въ храмъ Божій, прислушайтесь къ церковному пѣнію и молитвамъ, — и вы найдете все, о чемъ слѣдуетъ вамъ молиться предъ Господомъ Богомъ. Вы услышите молитвы и пѣснопѣнія, въ которыхъ узнаете вопль вашей собственной грѣшной и кающейся души; услышите, какъ Церковь просить всего добраго и полезнаго душамъ нашимъ, ангела, вѣрнаго наставника и хранителя нашего, избавленія насъ отъ всякой скорби, гнѣва и нужды, прощенія и оставленія грѣховъ, заступленія и спасенія насъ благодатною помощію; она испрашиваетъ намъ мирной и непостыдной христіанской кончины и добраго отвѣта на страшномъ судѣ Христовомъ.

Въ храмѣ мы молимся устами Церкви, молимся переданными намъ изъ вѣка въ вѣкъ словами святыхъ и богомудрыхъ отцовъ.

Не забывай же никогда храма Божія.

Сельскій вечеръ.

Солнышко заходитъ, и темнѣетъ день;

Отъ горы упала на селенье тѣнь;

Лишь церковный куполь солнцемъ озаренъ,

И открыта церковь, и несется звонъ.

Колоколь къ вечернѣ христіанъ зоветъ:

Завтра воскресенье — отдыхъ отъ работъ.

И, услыша въ полѣ колокола зовъ,

Селянинъ къ селеню ужъ погналъ воловъ.

А въ селеньѣ церковь ужъ полна людей

И блеститъ огнями множества свѣчей.

Свѣчи трудовыя ярче звѣздъ горять,

И молитву люди въ простотѣ творять.

Изреченія изъ Псалтири.

Хвалите Господа съ небесъ, хвалите Его въ вышнихъ. Хвали, душе моя, Господа. Господи, приближище былъ еси намъ въ родъ и родъ. Буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка. На всякъ день благословлю Тя и восхваляю имя Твое въ вѣкъ и въ вѣкъ вѣка.

Щедръ и милостивъ Господь, долготерпѣливъ и многомилостивъ. Благослови, душе моя, Господа и не забывай всѣхъ воздаяній Его. Господи, избави насъ и очисти грѣхи наша имене ради Твоего. Не остави мене, Господи, Боже мой, не отступи отъ мене.

Всякое дыханіе да хвалитъ Господа.

Благовѣщеніе Пресвятой Дѣвѣ Маріи.

Пресвятая Дѣва Марія жила при храмѣ около одиннадцати лѣтъ. Въ это время родители Ея умерли.

Оставшись сиротою, Дѣва Марія дала обѣтъ всю жизнь Свою посвятить Богу и не выходить замужъ.

Когда Ей исполнилось 14 лѣтъ, то священники, по обычаю того времени, объявили Ей, чтобы Она оставила храмъ и вышла замужъ. Но Пресвятая Дѣва Марія объявила священникамъ о томъ, какой обѣтъ Она дала Богу.

Тогда священники обручили Ее родственнику Ея, восьмидесятилѣтнему старцу Іосифу, чтобы онъ заботился о Ней.

Іосифъ жилъ въ городѣ Назаретѣ и занимался плотничествомъ. Пресвятая Дѣва Марія, поселившись въ его домѣ, занималась рукодѣльемъ, а въ свободное время читала божественныя книги.

И вотъ однажды, когда Дѣва Марія читала священное писаніе, явился къ Ней архангелъ Гавріиль и произнесъ:

„Радуйся, Благодатная, Господь съ Тобою! Благословенна Ты между женами!“

Пресвятая Дѣва смутилась и подумала: „Что это значитъ?“

Тогда архангелъ Гавріиль сказалъ Ей, что Она Своею благочестивою жизнью заслужила у Бога благодать, и Ей Господь пошлетъ Свою милость: у Нея родится сынъ Іисусъ, Который будетъ Спасителемъ міра.

Дѣва Марія сказала архангелу:

„Какъ это можетъ случиться, когда я не знаю мужа?“
Архангелъ на это отвѣчалъ:

„Духъ Святый найдетъ на Тебя, и сила Всевышняго осѣнитъ Тебя, посему и рождаемое будетъ свято и назовется Сыномъ Божиимъ“.

Пресвятая Дѣва Марія со смиреніемъ приняла вѣсть архангела, и онъ отошелъ отъ Нея.

Рождество Христово.

Пресвятая Дѣва Марія жила у старца Іосифа, родственника своего, въ городѣ Назаретѣ.

Царь той страны пожелалъ узнать, сколько у него подданныхъ, и для того приказалъ, чтобы каждый человекъ записался въ томъ городѣ, откуда онъ родомъ.

Старецъ Юсифъ былъ родомъ изъ города Виелема, и потому онъ и Пресвятая Дѣва Марія пошли въ городъ Виелеемъ. Когда они пришли туда, то въ городѣ всѣ дома были заняты, и негдѣ имъ было переночевать; поэтому Юсифъ и Марія помѣстились за городомъ въ пещерѣ, въ которую пастухи загоняли свои стада въ ненастную погоду.

Здѣсь, въ пещерѣ, ночью у Пресвятой Дѣвы Маріи родился Младенецъ Іисусъ. Она спеленала Его и положила въ ясли.

Пастухи со своими стадами были въ полѣ. Вдругъ явился имъ ангелъ Господень, и необыкновенный свѣтъ осіялъ всѣхъ. Пастухи испугались и пали ницъ. Ангелъ сказалъ имъ: „Не бойтесь, я возвѣщаю вамъ великую радость, которая будетъ всѣмъ людямъ. Нынѣ

родился Спаситель, Который есть Христосъ Господь. И вотъ вамъ знакъ: вы найдете Младенца въ пеленахъ, лежащаго въ ясляхъ“.

И внезапно явилось множество ангеловъ, которые пѣли: „Слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ, къ человѣкамъ благоволеніе“.

Когда ангелы скрылись, пастухи пошли въ Вифлеемъ. Въ пещерѣ они нашли Марію и Іосифа и Младенца, лежащаго въ ясляхъ. Пастухи поклонились Ему и рассказали Іосифу и Маріи о томъ, что было возвѣщено имъ ангелами.

И всѣ слышавшіе дивились тому, что рассказывали пастухи. А Марія сохраняла всѣ слова въ сердцѣ Своемъ.

Срѣтеніе Господне.

Въ сороковой день послѣ Рождества Христова, Іосифъ и Марія принесли Младенца Іисуса во храмъ, чтобъ испросить Ему благословеніе Божіе.

Здѣсь, во храмѣ, встрѣтили ихъ прежде всѣхъ старецъ Симеонъ и пророчица Анна. Старецъ Симеонъ былъ человѣкъ праведный и благочестивый; ему было предсказано отъ Господа, что онъ не умретъ до тѣхъ поръ, пока не увидитъ Христа Спасителя.

Когда Іосифъ и Марія принесли Младенца Іисуса во храмъ, то Симеонъ, по внушенію Божію, взялъ Его на руки, благословилъ Бога и сказалъ:

„Нынѣ отпускаеши раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, съ миромъ, ибо видѣли очи мои спасеніе Твое“.

Эти слова означали то, что теперь онъ можетъ спокойно умереть, потому что видѣлъ Христа Спасителя.

И пророчица Анна славилъ Господа и говорила о Немъ всѣмъ, которые вѣрили, что явится Спаситель міра.

Иосифъ и Марія принесли въ жертву Богу двухъ птенцовъ голубиныхъ и, когда исполнили все, что слѣдовало по закону, возвратились въ домъ свой, слава Бога.

Крещеніе Господне.

Когда Иисусу Христу исполнилось тридцать лѣтъ Его земной жизни, Онъ пошелъ изъ города Назарета къ рѣкѣ Іордану, гдѣ Іоаннъ крестилъ приходившихъ къ нему.

Иисусъ Христосъ принялъ крещеніе отъ Іоанна, и въ это время на Него сошелъ Духъ Святой въ видѣ голубя, и послышался голосъ Бога Отца:

„Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ Которомъ Мое благоволеніе“.

Праздникъ Крещенія Господня называется также и Богоявленіемъ.

Преображеніе Господне.

Однажды Иисусъ Христосъ съ тремя Своими учениками: Петромъ, Іаковомъ и Іоанномъ, пошелъ на гору Фаворъ помолиться. Спаситель долго молился, а ученики отъ усталости заснули.

Во время молитвы лицо Иисуса Христа просіяло, какъ солнце, а одежды стали бѣлы, какъ снѣгъ. И явились къ Нему Илія и Моисей и стали съ Нимъ бесѣдовать.

Отъ сильнаго свѣта и сіянія проснулись апостолы и были поражены этимъ чудомъ.

Въ это время свѣтлое облако осѣнило всехъ, и послышался голосъ: „Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ Которомъ Мое благоволеніе. Его слушайте“.

Апостолы въ страхѣ пали ницѣ. Но Іисусъ Христосъ подошелъ, дотронулся до нихъ и сказалъ: „Встаньте, не бойтесь“. Ученики поднялись и увидѣли предъ собою Спасителя въ обыкновенномъ Его видѣ.

Входъ Господень въ Іерусалимъ.

На другой день послѣ воскрешенія Лазаря, Іисусъ Христосъ пошелъ на праздникъ Пасхи въ городъ Іерусалимъ. Не доходя до города, Онъ послалъ двухъ Своихъ учениковъ въ ближнее селеніе и сказалъ имъ:

„Тамъ вы найдете осленка, привязаннаго возлѣ дома; отвяжите его и приведите ко Мнѣ; а если кто спроситъ, зачѣмъ вы берете осленка, то скажите, что онъ нуженъ Господу“.

Ученики пошли въ селеніе и нашли тамъ осленка, привязаннаго у воротъ дома; они отвязали его. Въ это время хозяева спросили ихъ: зачѣмъ берете осленка? Они отвѣчали такъ, какъ повелѣлъ имъ Іисусъ, и тѣ отпустили ихъ.

Ученики привели къ Іисусу Христу осленка и покрыли его своими одеждами.

Іисусъ Христосъ сѣлъ на осленка.

Между тѣмъ, прошла молва, что Господь ѣдетъ въ Іерусалимъ. Множество народа вышло къ Нему навстрѣчу. Увидя Іисуса Христа, всѣ стали славить Бога за тѣ чудеса, которыя Онъ сотворилъ имъ.

Многіе снимали съ себя верхнія одежды и постилали ихъ по дорогѣ; другіе рѣзали пальмовыя вѣтви и бросали по дорогѣ. И всѣ восклицали: „Осанна¹⁾

¹⁾ Спасеніе.

Сыну Давидову! Благословенъ грядущій во имя Господне! Осанна въ вышнихъ!“

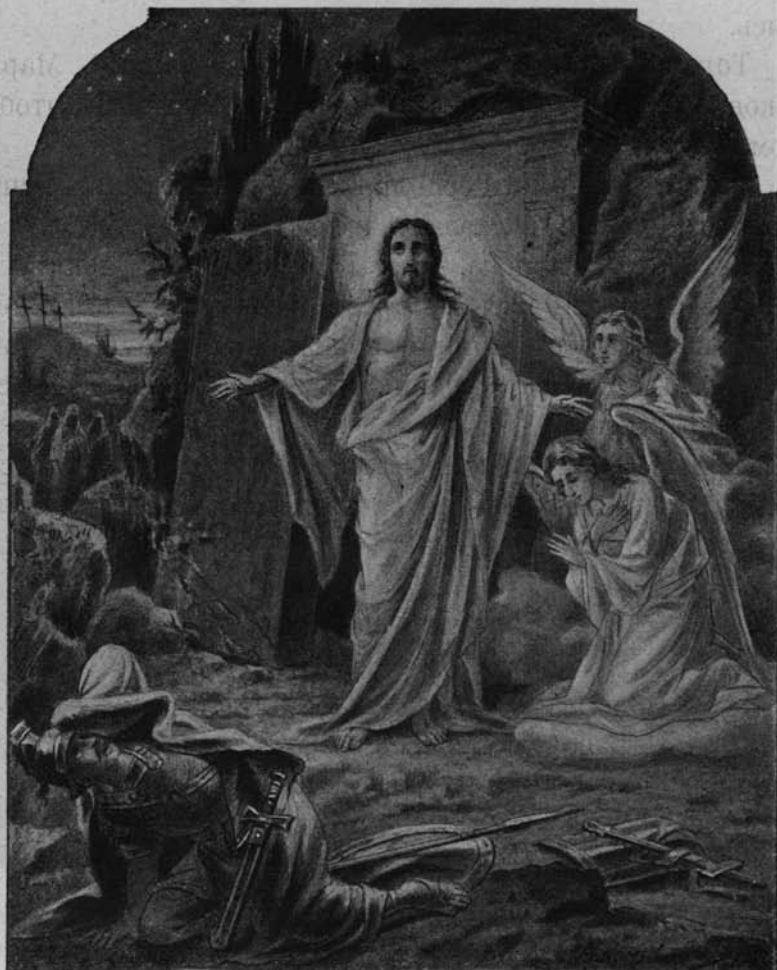

Такъ торжественно, окруженный множествомъ народа, въѣхаль Иисусъ Христосъ въ городъ Иерусалимъ, гдѣ предстояло Ему принять крестныя страданія и смерть.

Воскресеніе Христово.

Въ Страстную пятницу Іосифъ Аримаѳейскій снялъ со креста пречистое тѣло Іисуса, обвилъ его плащаницею и положилъ въ новомъ гробѣ, приваливъ боль-

шой камень къ двери его. А начальники іудейскіе запечатали его и приставили воиновъ стеречь входъ ко гробу.

По прошествіи же субботы, на разсвѣтѣ перваго дня недѣли, сдѣлалось великое землетрясеніе, и Господь силою Своего Божества воскресъ изъ мертвыхъ. Ангель Господень, сошедшій съ небесъ, отвалилъ

камень отъ двери гроба и сѣлъ на немъ. Видъ его былъ какъ молнія, и одежда его бѣла какъ снѣгъ.

Воины, стоявшіе на стражѣ у гроба, отъ страха попадали на землю, а потомъ, очнувшись, разбѣжались.

Тогда пришли къ гробу Марія Магдалина, Марія Иаковлева и Саломія съ миромъ и ароматами, чтобы помазать тѣло Христа.

Увидѣвъ ангела Господня, жены-мироносицы испугались. Но ангель сказалъ имъ:

„Не бойтесь; я знаю, что вы ищете Иисуса распятаго. Его здѣсь нѣтъ: Онъ воскресъ, какъ сказалъ. Подойдите, посмотрите мѣсто, гдѣ лежалъ Господь. И пойдите скорѣе, скажите ученикамъ Его, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ“.

Жены-мироносицы поспѣшили передать эту радостную вѣсть ученикамъ Иисуса Христа, и первыя сказали имъ: „Христось воскресъ!“

Христось воскресъ!

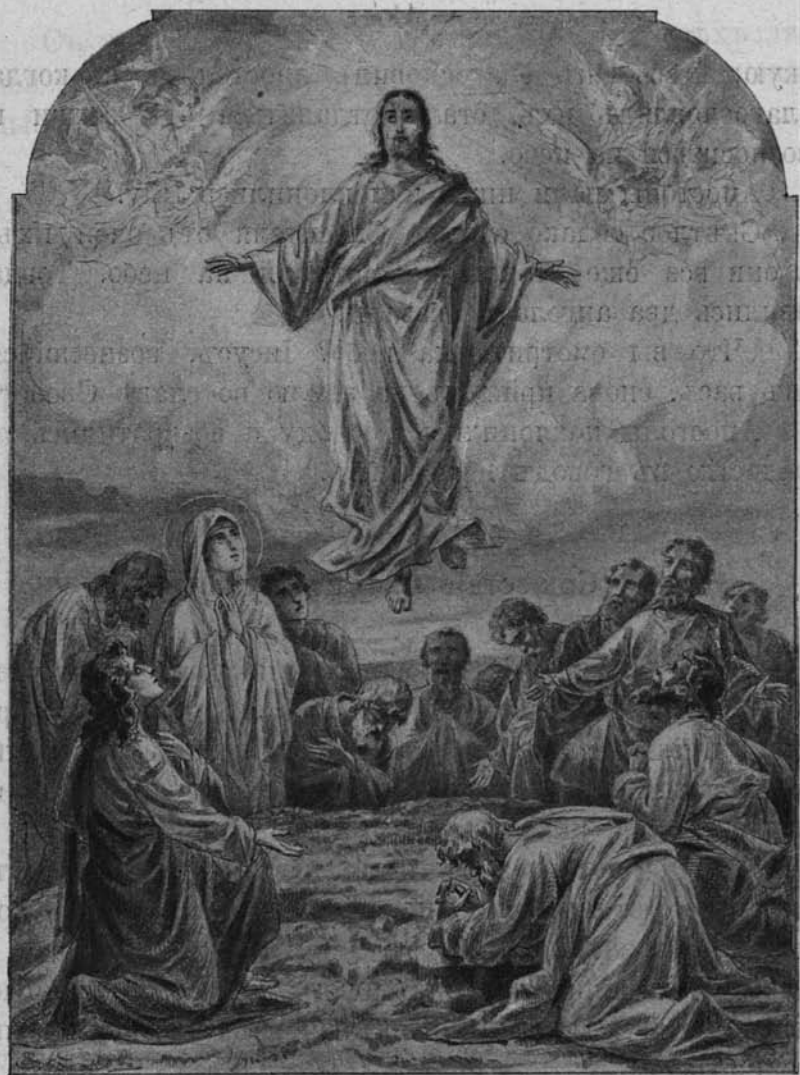
Повсюду благовѣсть гудить,
Изъ всѣхъ церквей народъ валить:
Заря глядитъ уже съ небесъ.

Христось воскресъ! Христось воскресъ!

Съ полей ужъ снятъ покровъ снѣговъ,
И рѣки рвутся изъ оковъ,
И зеленѣетъ ближній лѣсъ...

Христось воскресъ! Христось воскресъ!

Вотъ просыпается земля,
И одѣваются поля:
Весна идетъ, полна чудесъ...
Христось воскресъ! Христось воскресъ!

Вознесение Господне.

Вскреси изъ мертвыхъ, Иисусъ Христосъ много разъ являлся Своимъ ученикамъ и поучалъ ихъ.

Въ сороковой день послѣ воскресенія, Иисусъ Христосъ пошелъ съ учениками Своими на гору Елеон-

скую; здѣсь Онъ благословилъ апостоловъ и, когда благословлялъ ихъ, сталъ отдаляться отъ земли и возноситься на небо.

Апостолы пали ницъ и поклонились Ему.

Свѣтлое облако скрыло Спасителя отъ очей ихъ, а они все еще стояли и смотрѣли на небо. Тогда явились два ангела и сказали:

„Что вы смотрите на небо? Иисусъ, вознесшійся отъ васъ, снова придетъ на землю во славу Своею“.

Апостолы поклонились Господу и возвратились съ радостію въ городъ Іерусалимъ.

Сошествіе Святаго Духа.

Послѣ Вознесенія Господня апостолы жили въ Іерусалимѣ; они ежедневно собирались въ одну горницу и тамъ молились. Такъ было и на пятидесятый день послѣ воскресенія Христова: всѣ апостолы и Матерь Божія находились въ одной горницѣ.

Вдругъ послышался какой-то шумъ; будто отъ сильнаго вѣтра, и наполнилъ весь тотъ домъ, въ которомъ были апостолы.

И показались надъ головою каждаго огненные языки, и Духъ Божій сошелъ на всѣхъ бывшихъ въ горницѣ.

Въ это время возлѣ дома собралось много народа, и были тамъ люди разныхъ племёнъ, говорившіе на разныхъ языкахъ. Апостолы вышли къ нимъ и стали рассказывать обо всемъ, что произошло, при чемъ говорили на разныхъ языкахъ, такъ что люди разныхъ племенъ хорошо ихъ поняли, и всѣ прославили истиннаго Бога.

Съ тѣхъ поръ апостолы стали поучать всѣхъ людей христіанской вѣрѣ, и каждому народу проповѣдывали на его языкѣ.

Праздникъ Сошествія Святаго Духа на апостоловъ называется иначе Пятидесятницей или Троицей.

Успеніе Пресвятой Богородицы.

За три дня передъ кончиною Пресвятая Дѣва Марія была извѣщена архангеломъ Гавріиломъ о томъ, что Ей предстоитъ умереть.

Къ этому дню все апостолы, по всемогущей волѣ Божіей, собрались изъ разныхъ странъ въ городъ Іерусалимъ; не было только апостола Θомы.

Пречистая Богоматерь, окруженная апостолами, мирно и радостно скончалась, точно уснула. Апостолы похоронили Ее въ Геѳсиманіи, недалеко отъ города Іерусалима.

Черезъ три дня послѣ погребенія Божіей Матери пришелъ и апостоль Θома.

Узнавъ, гдѣ похоронили Богоматерь, онъ пошелъ ко гробу Ея и, желая поклониться Пречистому тѣлу, отвалилъ камень. Но въ гробъ не было тѣла Бого-

матери: Господь Иисусъ Христосъ воскресилъ Матерь Свою и взялъ Ее на небо.

Воздвиженіе Креста Господня.

Тотъ крестъ, на которомъ былъ распятъ Иисусъ Христосъ, находился въ землѣ почти триста лѣтъ. Царица Елена, мать греческаго императора Константина, отправилась въ городъ Іерусалимъ, чтобы непременно отыскать крестъ Господень.

Послѣ долгихъ трудовъ, съ помощію Божіею, обрѣли его въ землѣ.

Но онъ былъ найденъ вмѣстѣ съ двумя другими крестами, на которыхъ были распяты разбойники. Чтобы узнать, который крестъ Господень, стали прикладывать ихъ къ мертвецу; отъ прикосновенія одного креста мертвецъ ожилъ: всѣ увидѣли, что этотъ крестъ и есть крестъ Господень.

Тогда его воздвигли, т.-е. подняли, для поклоненія всѣмъ христіанамъ.

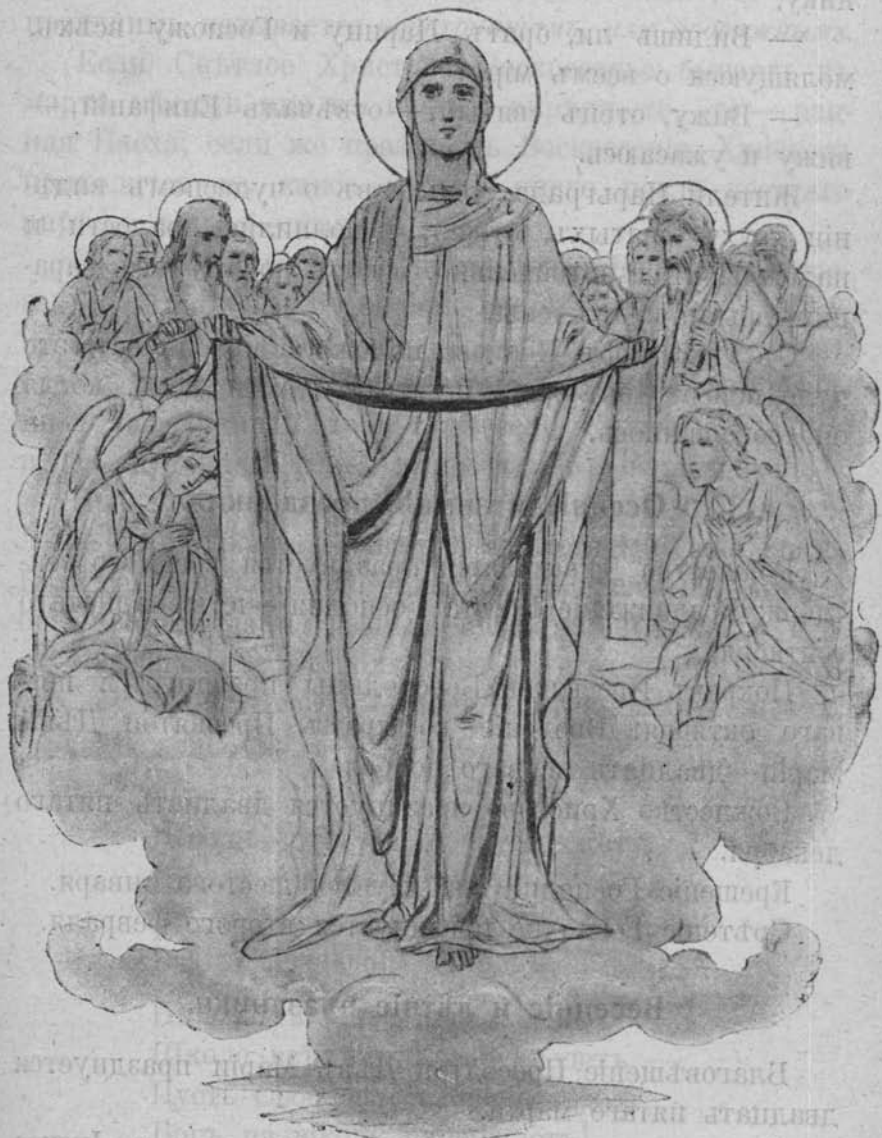
Въ память этого радостнаго для всѣхъ христіанъ событія и установленъ навсегда праздникъ Воздвиженія Креста Господня.

Покровъ Пресвятыя Богородицы.

Тысячу лѣтъ тому назадъ православное греческое государство было въ большой опасности отъ нападенія сарацинъ. Жители Царьграда въ страхѣ молились Богу и просили помощи Заступницы усердной, Пресвятой Дѣвы Маріи.

За всенощной, во Влахернской церкви Пресвятой Богородицы, много было молящихся, въ томъ числѣ одинъ святой, котораго звали Андреемъ Юродивымъ. Онъ былъ нищій, велъ самую строгую и благочестивую жизнь, постоянно молился Богу и угождалъ Ему многими добрыми дѣлами.

Съ Андреемъ вмѣстѣ стоялъ въ церкви и ученикъ его Епифаній. Святой Андрей съ вѣрою молился о спасеніи города и всей страны, и вдругъ, поднявъ глаза, увидѣлъ на воздухѣ Пречистую Дѣву, окруженную ангелами, пророками и апостолами. Она молилась о спасеніи міра и омофоромъ Своимъ осѣняла (или покрывала) молящихся.

Андрей съ сердечнымъ умиленіемъ сказалъ ученику:

— Видишь ли, братъ, Царицу и Госпожу всѣхъ, молящуюся о всемъ мірѣ?

— Вижу, отецъ святой, — отвѣчалъ Епифаній, — вижу и ужасаюсь.

Жители Царьграда, услышавъ о чудесномъ видѣніи двухъ святыхъ мужей, исполнились радости и надежды. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ того сарацины были побѣждены.

Съ тѣхъ поръ Церковь положила праздновать это чудо перваго октября, — въ тотъ самый день, когда оно совершилось.

Осенніе и зимніе праздники.

Рождество Дѣвы Маріи празднуется восьмого сентября; Воздвиженіе Креста Господня—четырнадцатаго сентября.

Покровъ Пресвятой Богородицы празднуется перваго октября; Введеніе во храмъ Пресвятой Дѣвы Маріи—двадцать перваго ноября.

Рождество Христово празднуется двадцать пятого декабря.

Крещеніе Господне празднуется шестого января.

Срѣтеніе Господне празднуется втораго февраля.

Весенніе и лѣтніе праздники.

Благовѣщеніе Пресвятой Дѣвѣ Маріи празднуется двадцать пятого марта.

Пасха, или Воскресеніе Господа нашего Иисуса Христа, бываетъ иной годъ въ мартѣ мѣсяцѣ (не ранѣе 22 числа), а иной годъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ

(не позже 25 числа). Такъ какъ праздникъ Пасхи приходится не всегда на одно и то же число, то этотъ праздникъ называется *переходящимъ*, или *подвижнымъ*.

Если Свѣтлое Христово Воскресенье бываетъ въ мартъ мѣсяцъ или въ началѣ апрѣля, то это — ранняя Пасха; если же праздникъ Воскресенія Христова приходится на какое-нибудь число послѣ десятаго апрѣля, то это — поздняя Пасха.

За недѣлю до Пасхи празднуется Вербное воскресенье, или Входъ Господень въ Иерусалимъ.

Праздникъ Вознесенія Господня бываетъ черезъ сорокъ дней послѣ Пасхи; а такъ какъ Пасха — праздникъ переходящій, то и Вознесеніе Господне бываетъ въ разныя числа мая мѣсяца или въ началѣ іюня.

Праздникъ Сошествія Святаго Духа на апостоловъ, или Троица, бываетъ на десятый день послѣ Вознесенія и, значить, тоже подвижной праздникъ; онъ приходится на разныя числа мая и іюня.

Преображеніе Господне празднуется шестого августа, а Успеніе Божіей Матери — пятнадцатаго августа.

Ш к о л а.

Школа — путь къ добру и свѣту,

Школа знанія даетъ:

Въ ней всегда на все отвѣты

Всякъ желающій найдетъ.

Въ школъ наше просвѣщенье,

Школа всѣхъ къ добру ведетъ, —

Пусть Свое благословенье

Богъ на школу ниспошлетъ!

(Стихотвореніе это сочинено слѣпой крестьянской дѣвушкой, учившейся въ пріютѣ для слѣпыхъ).

Поученіе Владимира Мономаха.

Дѣти мои, или кто другой, прочитавши эту грамотку, не смѣйтесь, а примите ее въ сердце.

Прежде всего будьте вѣрны своему слову. Разъ встрѣтили меня послы братьевъ на Волгѣ. „Присоединись къ намъ,—говорили братья:—выгонимъ ростиславичей и займемъ ихъ волость; если не пойдешь съ нами, то и мы не будемъ помогать тебѣ“.—Гнѣвайтесь, пожалуй,—отвѣчалъ я,—не могу итти съ вами: я цѣловалъ крестъ, давая клятву жить въ мирѣ“. Послѣ этого въ горести раскрылъ я Псалтирь, и мнѣ выпало мѣсто: „Что печалишься, душа моя? Что смущаешься“.. и прочее.

Дѣти, ради Бога, не лѣнитесь, не тяжка заповѣдь Божія: слезы и милостыня—вотъ все, что спасетъ васъ.

Самое главное: не забывайте убогихъ, но сколько можете, по силѣ, кормите; и сироту и вдовицу оправдайте сами, не давая сильнымъ обидѣть человѣка.

Ни праваго, ни виноватаго не убивайте и не дозволяйте убивать, хотя бы и заслуживали смерти: не погубите никакой души христіанской.

Болѣе всего, не имѣйте гордости въ своемъ сердцѣ и умѣ: всѣ мы смертны, сегодня живы, а завтра въ гробѣ. Все, что намъ дано, не наше, а поручено намъ на мало дней.

Въ дому своемъ не лѣнитесь: надо всѣмъ надзирайте сами, не полагайтесь на тиуновъ и на отроковъ, чтобы приходящіе къ вамъ не посмѣялись надъ домомъ вашимъ и надъ обѣдомъ.

Напойте и накормите бѣднаго; а болѣе всего чтите гостя, откуда бы онъ ни пришелъ, будетъ онъ простой

человѣкъ, или знатный, или посоль; если не можете одарить его, то хоть напоите и накормите.

Больного посѣтите; мертвыхъ провожайте: мы и сами смертны; не пропустите ни одного человѣка безъ привѣта,—всякому скажите доброе слово.

Что знаете добраго, того не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь. Лѣность—мать всякаго порока; съ нею человѣкъ забудетъ и то, что умѣетъ, а чего не умѣетъ, тому не научится; но если служите добру, то не будьте лѣнны ни на какое доброе дѣло. Чтобъ не застало васъ солнце въ постели.

А вотъ расскажу вамъ о моихъ трудахъ и ловахъ. Изъ Чернигова въ Кіевъ поспѣвалъ я къ отцу до вечерни; а всѣхъ моихъ походовъ было 83 большихъ, а другихъ меньшихъ и не припомню. Двадцать разъ безъ одного заключилъ я съ половецкими князьями миръ при отцѣ и безъ отца, и давалъ имъ много отъ себя скота и платьевъ, пустилъ же изъ оковъ болѣе 100 ихъ лучшихъ князей.

А вотъ какъ трудился я на охотѣ. Съ отцомъ ловилъ я туровъ и всякихъ звѣрей: по сту уганивалъ въ лѣто. По 10 и 20 дикихъ коней вязалъ я своими руками; два тура метали меня на рогахъ вмѣстѣ съ конемъ; олень бодалъ; одинъ лось топталъ ногами, другой бодалъ; кабанъ сорвалъ у меня мечъ съ боку, медвѣдь прокусилъ у колѣна попону, лютый звѣрь вскочилъ ко мнѣ на колѣни и коня повалилъ со мною, а Богъ все сохранилъ меня цѣлымъ.

Много разъ падалъ я съ коня, два раза разбилъ себѣ голову, повреждалъ и руки и ноги, не жалѣлъ своей жизни, не щадилъ головы своей.

Что бы нужно было дѣлать моему отроку, то дѣлалъ я самъ; на войнѣ и на ловахъ, ночью и днемъ,

въ лѣтній зной и въ зимній холодъ, не давалъ я себѣ покоя; не надѣялся ни на посадниковъ, ни на бирючей, — самъ дѣлалъ все, что нужно, наблюдалъ за порядкомъ въ до́му: и о ловчихъ, и о конюхахъ, и о соколахъ, и о ястребахъ самъ заботился; такъ и худого смерда и убогой вдовицы не далъ я въ обиду сильнымъ; и за церковною службою самъ смотрѣлъ.

Не осудите, дѣти мои, или если прочтетъ кто другой: я не думаю хвастать, а только благодарю Бога, что Онъ сохранилъ меня столько лѣтъ и создалъ меня не лѣнивымъ, а способнымъ на всякое человѣческое дѣло.

Д в а б о г а ч а .

Когда при мнѣ превозносятъ богача, который изъ громадныхъ своихъ доходовъ удѣляетъ цѣлыя тысячи на воспитаніе дѣтей, на лѣченіе больныхъ, на прирѣніе старыхъ, — я хвалю и умиляюсь.

Но, и хваля и умиляясь, не могу я не вспомнить объ одномъ убогомъ крестьянскомъ семействѣ, принявшемъ сироту-племянницу въ свой разоренный домишко.

— Возьмемъ мы Катюку, — говорила баба, — послѣдніе наши гроши на нее пойдутъ, не на что будетъ соли добыть, похлебку посолить....

— А мы ее.... и не соленую, — отвѣтилъ мужикъ, ея мужъ.

Далеко богачу до этого мужика!

Х р и с т о с ъ в о с к р е с е !

Лѣтъ сорокъ тому назадъ пришлось мнѣ пробыть нѣсколько мѣсяцевъ въ Якутскѣ, гдѣ архіереемъ въ

то время былъ преосвященный Иннокентій. Были мы въ Свѣтлое Христово Воскресенье въ соборѣ,— губернаторъ, чиновники, купцы. Народу собралось видимо-невидимо. Служилъ самъ владыка.

Послѣ обѣдни онъ благословилъ всѣхъ насъ, со всѣми похристосовался.

„Ну, говорить, а теперь прошу за мной!“

Губернаторъ, чиновники и всѣ мы недоумѣвали, куда онъ ведетъ насъ. Смотримъ, а онъ изъ церкви прямо въ острогъ; съ каждымъ заключеннымъ христосуется и каждого даритъ на праздникъ отъ скудныхъ средствъ своихъ. И что за лицо у него было при этомъ! Ясное, тихое, покойное!

Невольно и мы полѣзли въ карманы и выложили, кто что могъ. Набралось много денегъ, которыя всѣ и пошли въ пользу арестантовъ. Тогда только владыка, еще разъ благословивъ всѣхъ, отпустилъ насъ по домамъ.

С п а с и т е л ь .

Научи меня, Боже, любить
Всѣмъ умомъ Тебя, всѣмъ помышленьемъ,
Чтобъ и душу Тебѣ посвятить,
И всю жизнь съ каждымъ сердца биеньемъ;
Научи Ты меня соблюдать
Лишь Твою милосердную волю;
Научи никогда не роптать
На свою многотрудную долю.
Всѣхъ, которыхъ пришелъ искупить
Ты Своею пречистою кровью,
Безкорыстной, глубокой любовью
Научи меня, Боже, любить.

Н и щ і й.

Я проходилъ по улицѣ. Меня остановилъ нищій, дряхлый старикъ. Онъ протягивалъ мнѣ грязную руку; онъ стоналъ и просилъ о помощи.

Я сталъ шарить у себя въ карманахъ. Ни кошелька, ни часовъ, ни даже платка: я ничего не взялъ съ собою. А нищій все ждалъ, и протянутая его рука слабо колыхалась и вздрагивала.

Потерянный, смущенный, я крѣпко пожалъ эту грязную, трепетную руку.

— Не взыщи, братъ: нѣтъ у меня ничего, братъ.

Нищій уставилъ на меня свои воспаленные глаза. Его синія губы усмѣхнулись, и онъ въ свою очередь стиснулъ мои похолодѣвшіе пальцы.

— Что же, братъ,—прошамкалъ онъ,—и на томъ спасибо! Это тоже подаяніе, братъ...

Я понялъ, что и я получилъ подаяніе отъ моего брата.

Н и щ і е.

И вечерней и ранней порою
Много старцевъ, и вдовъ, и сиротъ
Подъ окошками бродить съ сумою,
Христа ради на помощь зоветъ.

Надѣваетъ ли сумку неволя,
Неохота ли взяться за трудъ,—
Тяжела и горька твоя доля,
Безпріютный, оборванный людъ!

Не откажутъ тебѣ въ подаяньи,
Не умрешь ты безъ крова зимой,—
Жаль разумное Божье созданье,
Человѣка въ грязи и съ сумой!..

Никитинъ.

Кусокъ хлѣба.

Небольшой польскій городъ стоитъ надъ рѣчкой. На рѣчку ходять изъ города за водой. Въ рѣчкѣ любятъ купаться и дѣти. Тутъ же поблизости — небольшой оврагъ, поросшій густою травою и высокимъ репейникомъ.

Въ оврагѣ часто прячется отъ людей босоногая дѣвочка, лѣтъ девяти. Она одѣта въ старую юбчонку и въ грязную рубашонку. Волосы у ней растрепаны, — она смотритъ звѣркомъ, засѣвшимъ въ траву. Дѣвочка эта безъ рода, безъ племени и безъ пристанища; кормится она тѣмъ, что удастся стащить, да корками хлѣба, которыя швыряютъ ей, какъ голодной собачонкѣ. Не принимаютъ дѣвочку въ свои игры и дѣти, — дразнятъ ее босоногой воровкой. Потому-то и прячется она отъ людей въ оврагѣ.

Однажды пришелъ къ рѣчкѣ мальчикъ съ ведрами на плечахъ. Мальчикъ этотъ былъ сирота, жилъ онъ въ чужой семьѣ и работалъ, сколько хватало силенки.

Тамъ, гдѣ обыкновенно берутъ воду, теперь купались дѣти, и вода замутилась. Мальчикъ пошелъ повыше, къ оврагу.

Хорошо тутъ было, — тихо, спокойно. Мальчикъ поставилъ ведра, усѣлся на травѣ, досталъ изъ кармана ломоть хлѣба и сталъ неторопливо ѣсть. Въ оврагѣ что-то зашевелилось.

Мальчикъ оглянулся и увидѣлъ дѣвочку-босоножку; она жадно глядѣла на ломоть хлѣба. Мальчикъ всталъ, зачерпнулъ воды полныя ведра, поднялъ на коромысло и пошелъ. На ходу онъ бросилъ недоѣденный кусокъ хлѣба и крикнулъ: „На!“

Кусокъ лежитъ на травѣ,—голодная дѣвочка его не поднимаетъ... Глаза у ней сверкають злостью. Отошелъ немного мальчикъ, оглянулся, а кусокъ все на травѣ остается.

Мальчикъ опустилъ на землю ведра, вернулся назадъ, поднялъ кусокъ, подошелъ къ дѣвочкѣ, положилъ ей хлѣбъ на колѣни и ласково промолвилъ:

— Ъшь хлѣбъ,—вѣдь тебѣ хочется ѣсть.

Дѣвочка робко взяла хлѣбъ въ руки, хотѣла поднести его ко рту,—вздригнула и залилась слезами.

— Не плачь, Бранка! — участливо сказалъ мальчикъ.— Ъшь хлѣбъ, а завтра я еще тебѣ принесу,— не плачь, ѣшь!

— Долго рыдала дѣвочка. Все горе, что накипѣло въ ея одинокой душѣ, всѣ обиды людскія,— все вылилось въ рыданіи ребенка. Долго плакала Бранка; наконецъ, успокоилась немного, взяла хлѣбъ, ласково посмотрѣла на мальчика и принялась ѣсть, улыбаясь сквозь слезы.

— Не плачь,— сказалъ на прощанье мальчикъ,— завтра непременно принесу хлѣба.

Съ этого часа Бранка перемѣнилась. Она не хочетъ, чтобъ люди гнали ее, какъ собаку. Правда, она еще маленькая, но все же можетъ что-нибудь заработать; она перестанетъ воровать; перемѣнится къ ней тогда и люди. Вѣдь вотъ Дробышъ, что далъ ей хлѣба, только немного старше ея, а работаетъ же и свой хлѣбъ ѣсть.

Когда на другое утро Дробышъ пришелъ къ оврагу за водой, онъ не узналъ Бранки: одежда на ней была въ порядкѣ, въ глазахъ свѣтилась радость. Дробышъ принесъ дѣвочкѣ хлѣба, печенаго картофеля и не-

мнѡжко масла. Бранка никогда еще не видала такихъ лакомствъ.

— Ъшь, Бранка!— ласково сказалъ мальчикъ.

Но дѣвочка медлила.

— Ты это украль?—нерѣшительно спросила она.

Мальчикъ нахмурился.

— Я никогда не ворую!—обиженно сказалъ онъ.— Хлѣба и картофеля я выпросилъ у хозяйки, а масла купилъ на свои собственные деньги. Ъшь, завтра опять принесу.

Когда мальчикъ ушелъ, Бранка, погода немного, побѣжала въ городъ, вошла въ первый дворъ и спросила, не дадутъ ли ей какой работы. Дѣвочку заставили полоть гряды, и она цѣлый день проработала на огородѣ. Ее досыта накормили, а вечеромъ дали немного и денегъ.

Не помнила себя отъ радости Бранка, купила пряниковъ и бѣгомъ пустилась къ своему оврагу.

Утромъ пришелъ за водой Дробышь и опять принесъ Бранкѣ картофеля и хлѣба. Весело улыбается Бранка: и она сегодня угоститъ своего друга.

— На, ѣшь,—говоритъ она, подавая мальчику гостинецъ.

Но нахмурился мальчикъ...

— Ты это украла?..

— Нѣтъ,—сказала Бранка,—я вчера работала на огородѣ, и воровать теперь никогда не стану.

Къ осени нанялась Бранка въ услуженіе, и ѣла ужъ хлѣбъ не даромъ. И она теперь ходитъ съ маленькими ведрами за водой на рѣчку. И взрослые и дѣти перестали обижать Бранку.

Когда Бранкѣ случится сойтись съ Дробышемъ на рѣчкѣ, она рассказываетъ ему все, что у ней на душѣ.

Она станетъ теперь работать изо всѣхъ силъ, только бы хоть изрѣдка встрѣчаться съ нимъ. И сирота-Дробышъ, какъ сестру родную, полюбилъ Бранку, и ему было скучно, когда нѣсколько дней не повстрѣчается съ нею.

Прошла осень и зима; весна наступила.

Дѣти сидятъ у рѣчки, подлѣ оврага; на травѣ стоятъ двѣ пары ведеръ.

— Вотъ, Дробышъ, здѣсь ты мнѣ бросилъ, какъ собакѣ, кусокъ хлѣба, а потомъ подаль его ласково, какъ человѣку. Твой хлѣбъ не пропасть даромъ: я теперь совѣмъ другая, и во всю жизнь не забуду твоего куска хлѣба...

* * *

Любите всѣхъ, весь Божій міръ!

И кто пришелъ во имя Бога,—

Пускай отъ вашего порога

Не отойдетъ убогъ и сиръ...

Отчего бываетъ бѣдность и горе.

У владыки въ первый день Пасхи собралось къ обѣду много знатныхъ людей. За обѣдомъ гости вели промежъ себя разговоръ о богатствѣ и бѣдности, о счастливой и несчастливой жизни людской: отчего несчастье и бѣдность въ людяхъ? придетъ ли время, когда всѣ будутъ счастливы?

— Несчастье и бѣдность посылаются отъ Бога,— сказалъ одинъ,— добрымъ для испытанія, злымъ для исправленія.

— Каждый своего счастья кузнецъ: несчастье и бѣдность всякъ самъ себѣ создаетъ,—сказалъ другой:—

одинъ несчастенъ отъ лѣности и пороковъ, другой—отъ ненасытности желаній.

— Что вы, владыко, скажете объ этомъ?—спросили гости.

— Дѣти мои! — сказалъ престарѣлый владыка. — На землѣ и во всемъ мѣрѣ все отъ Бога, — это такъ. Но Богъ всѣхъ равно любитъ—и праведныхъ, и грѣшныхъ, и ко всѣмъ милостивъ; да и трудно намъ, грѣшнымъ, судить, кого и за что Богъ милуетъ и наказуетъ: судьбы Божіи непостижимы.

„И то правда, что мало кто изъ людей знаетъ, въ чемъ истинное счастье человѣка, и часто, очень часто бываетъ, что человѣкъ, всю жизнь гоняясь за призрачнымъ счастьемъ, самъ себѣ создаетъ тяжкія страданія. Все это такъ.

„Но много нужды и горя люди терпятъ и другъ отъ друга. Объясню вамъ это на примѣрѣ.

„Нашу скромную трапезу можно уподобить великому человѣческому обществу. Разныя кушанья поставлены были на столъ передъ нами, всѣ мы брали въ мѣру себѣ, и всѣ, слава Богу, сыты и довольны другъ другомъ.

„Но представьте себѣ, что каждый изъ насъ, по жадности или изъ зависти, или по дурному расчету, не заботясь о сосѣдѣ, захотѣлъ бы одинъ захватить себѣ все, что попадетъ подъ руку и что приготовлено для всѣхъ: всѣмъ тогда было бы плохо. Одинъ захватилъ бы себѣ цѣлый пирогъ, другой взялъ бы весь супъ, третій—зелень, четвертый—пирожное, пятый—фрукты. Одинъ захватилъ бы очень много, другой очень мало, а иному — особенно, кто послабѣе и поскромнѣе—и ничего, пожалуй бы, не досталось. И при томъ еще, всѣ и каждый остались бы недовольны

другъ другомъ, другъ на друга роптали, держали бы въ сердцѣ другъ на друга злобу. Славный бы вышелъ обѣдъ!

„Но мы не такъ поступили: каждый изъ насъ уступалъ другому, зная, что и другой намъ уступить. Мы давали другъ другу, чтобы и самимъ получать въ свой чередъ.“

„Мы все другъ другу обязаны, и не терпимъ ни въ чемъ недостатка: мы все насытились, мы уважаемъ и любимъ другъ друга,—мы довольны и веселы.“

„Такъ могло бы и такъ должно бы быть и въ жизни, за трапезою, приготовленною для всехъ людей милостивымъ Богомъ“.

Грушевое дерево.

Старикъ Матвѣевъ сидѣлъ на крыльчкѣ своего дома: во дворѣ играли его внучата; они только что получили отъ дѣдушки по двѣ груши, ѣли ихъ и не могли нахвалиться сочными, вкусными плодами этого дерева, которое росло тутъ же, во дворѣ.

— Хотите, я расскажу вамъ исторію нашего грушеваго дерева?—сказалъ дѣдушка, обращаясь къ дѣтямъ.

Дѣти собрались возлѣ дѣда и уселись на ступенькахъ крыльца: они любили, когда дѣдушка рассказывалъ имъ свои, всегда интересныя, исторіи.

— Пятьдесятъ лѣтъ назадъ я былъ еще совсемъ молодымъ человѣкомъ. Отецъ и мать мои умерли въ одинъ годъ, и я остался одинъ-одинешенекъ на блѣдомъ свѣтѣ. Отъ родителей мнѣ досталась старая избенка и при ней маленькій дворикъ; хозяйства не было никакого, а денегъ и подавно. Я считалъ себя

последнимъ бѣднякомъ и не зналъ, какъ мнѣ начинать жизнь и за что взяться. Разъ, стою я во дворѣ и печально поглядываю вокругъ себя. Подходить ко мнѣ старикъ-сосѣдъ; онъ не то, чтобъ очень богатый былъ человѣкъ, но все же жилъ въ достаткѣ, — хозяйство у него было большое.

— Что пригорюнился, добрый молодецъ?—сказалъ онъ мнѣ съ ласковой усмѣшкой.

— Да вотъ смотрю на свою бѣдность да убожество: ничего-то у меня нѣтъ...

— Что жъ ты получилъ отъ своихъ родителей?

— Да ровно ничего!

— И отъ Бога ты ничего не получилъ?

— Отъ Бога?... А развѣ Богъ кидаетъ съ неба кошельки съ деньгами?

— А тебѣ денегъ нужно?

— А то какъ же! Что же я безъ денегъ могу начать дѣлать?

— Гмъ... Ну, горюишь же ты!.. Ну, знаешь что: я тебѣ помогу. Дай мнѣ твою правую руку и позволь мнѣ ее отрубить,—я заплачу тебѣ сотню рублей. Вотъ и будутъ у тебя деньги!

— Что это вы, дѣдушка Иванъ!—говорю я ему.— Какъ это можно дать руку отрубить?

— Ага! Значить, она стоитъ тебѣ больше сотни рублей. Ну, давай лѣвую за сто рублей.

— И лѣвую не дамъ: какъ же я буду безъ руки работать?

— Такъ давай мнѣ свои глаза. Сколько хочешь?

— Дѣдушка! да куда же я буду годиться безъ глазъ?

— А я тысячу рублей далъ бы тебѣ...

— И за десять тысячъ я ихъ не отдамъ!

— Ну, позволь отрубить тебѣ ноги...

Тутъ, наконецъ-то, я понялъ, къ чему ведетъ свою странную рѣчь старикъ-сосѣдъ... И стыдно мнѣ стало, что я пожаловался на родителей своихъ, будто ничего отъ нихъ не получилъ.

Старикъ замѣтилъ, что я понялъ его рѣчь, и, покачивавъ головой, произнесъ:

— То-то, милый! Смотри, какое богатство дали тебѣ твои родители. А здоровье и сила у тебя есть?

— О, слава Богу!—воскликнулъ я отъ души.

— Благодари же всегда Бога за свое здоровье и силу, которую Онъ далъ твоему тѣлу: это лучше, чѣмъ кошелекъ съ деньгами.

Мнѣ стало не только стыдно, но и страшно: вѣдь я осмѣлился не только жаловаться на своихъ родителей, но и ропталъ на Бога...

— Ахъ, Боже мой!.. — могъ я только выговорить и горько заплакалъ.

Сосѣду, видно, жаль меня стало.

— Ну, горюнь, полно убиваться! И бѣдный человекъ можетъ сдѣлаться зажиточнымъ, лишь бы онъ сумѣлъ воспользоваться тѣмъ, что далъ ему Богъ. Слыхалъ я, какъ одинъ грамотей читалъ въ книгѣ: здоровье — отъ Бога; богатство — отъ рукъ человѣка. Правда, великая это правда! То еще не бѣда, что у тебя нѣтъ денегъ: деньги можно достать отовсюду...

Старикъ помолчалъ-помолчалъ, точно обдумывая что-то, потомъ, повернувшись, чтобъ уходить, онъ прибавилъ:

— Даже на томъ мѣстѣ, гдѣ ты стоишь, можно достать деньги, да и не одну сотню рублей...

— Гдѣ, гдѣ, дѣдушка Иванъ?—закричалъ я, едва вѣря своимъ ушамъ.

— Въ землѣ, милый, въ землѣ...—сказалъ уже на ходу старичокъ.

Сосѣдъ ушелъ; я опять остался одинъ-одинешенекъ. А въ головѣ только и мыслей было: деньги можно достать отовсюду; деньги въ землѣ, — тамъ, гдѣ ты стоишь,—въ землѣ...

Пошелъ я въ избенку, разыскалъ тамъ старый заступъ и давай копать землю во дворѣ: деньги вѣдь въ землѣ!

Рыль-рыль... нѣтъ клада, нѣтъ денегъ!

А сосѣдъ изъ-за плетня выглядываетъ.

— Что, милый, дѣлаешь?.. И самъ усмѣхается.

Досада меня такая взяла, — и отвѣчать не хочется.

— Видно, кладъ ищешь? Ну, что жъ, не нашель? Ничего, погоди, кладъ тебя самъ найдетъ.

И подаетъ это онъ мнѣ деревцо, протягиваетъ черезъ плетень. Взялъ я деревцо, а что съ нимъ дѣлать,—и не знаю.

— Возьми, милый, да скажи: Господи, благослови! да и посади въ ту яму, что вырылъ: деньги придуть къ тебѣ изъ-подъ земли.

Послѣ того частенько заходилъ ко мнѣ умный сосѣдъ и все наставлялъ меня, какъ и за какую работу мнѣ браться. А потомъ къ себѣ сталъ на помощь звать; хоть семья у него и большая была, да и хозяйство тоже не малое: и пашня, и луга, и огороды, и фруктовый садъ.

Сначала, цѣлый годъ я все у него въ саду работалъ; научился деревья колировать, привыкъ за ними ухаживать, какъ за дѣтьми малыми; понять, какое дерево что любить: одному нужна навозная земля, другому — песочекъ, третьему глинки немного

подбавить, а на зиму надо ихъ соломою обернуть, — одѣть, значить, въ теплую шубу.

Вечеромъ приду, бывало, домой да и къ своему деревцу загляну: все ли у него есть? да такъ ли, какъ слѣдуетъ? А на весну попросилъ у дѣдушки Ивана прищепы, да и приколировалъ къ своей грушкѣ.

Въ другой годъ я работалъ на огородѣ и въ лугахъ; присмотрѣлся и тутъ хорошо, какъ и что дѣлается по-настоящему.

Сосѣдь-то мой на работѣ строгій былъ: бывало, растолкуеть, что слѣдуетъ, а тамъ ужъ и смотри въ оба, чтобъ все было сдѣлано такъ, какъ онъ велѣлъ. Ну, я работать-то не лѣнился, и здоровьемъ меня Богъ наградилъ: всякая работа такъ и горѣла у меня въ рукахъ!

Одна бѣда: денегъ старикъ давалъ совѣмъ мало, такъ мало, что послѣдній батракъ у него зарабатывалъ больше, чѣмъ я. Дастъ, бывало, когда-ни-когда рублишку, да и приговариваетъ: „Это, милый, отъ меня тебѣ за стараніе; а за труды твои земля тебѣ заплатитъ: земляца, милый, все отдастъ“.

Проработалъ я еще три года у него на пашнѣ.

Въ послѣднюю весну зацвѣла моя грушка, да такъ густо да славно! Войдешь во дворъ, — сердце радуется: стоитъ мое деревцо, какъ невѣста молодая въ уборѣ; а пчелки по цвѣточкамъ такъ и вьются голубушки: все зумъ-зумъ-зумъ! жужжать Божіи работницы, и себѣ медокъ собираютъ и мнѣ работу исполняютъ: съ цвѣтка на цвѣтокъ пыль переносятъ, а отъ этой самой пыли въ цвѣточкахъ завязь дѣлается; завязь разрастется, — груши будутъ.

Такъ оно и вышло: облетѣли цвѣточки, остались на ихъ мѣстѣ шишечки; шишечки стали толстѣть,

расти,—груши будутъ! Тутъ я сталъ присматривать, чтобъ гусеницы не завелись. Встану, бывало, до свѣту да и огляжу все деревцо, а потомъ иду спокойно на работу: знаю, что днемъ возлѣ моей грушки будутъ хлопотать другіе Божіи работнички — воробышки да ласточки; они вѣдь гусеницамъ спуску не даютъ! Малыя пичуги, а тоже въ хозяйствѣ помогаютъ... Не разоряйте, дѣтушки, ихъ гнѣздъ!

Вотъ, осенью, когда свезли хлѣбъ съ поля на гумно, сталъ я собирать груши съ своего милаго деревца.

Подошелъ, перекрестился... а сосѣдъ глядитъ изъ-за плетня.

— А сказалъ ты: Господи, благослови?

— Не успѣлъ еще, дѣдушка...

— То-то, милый! Ты подходи къ дару Божьему съ молитвою. Земля труда не забываетъ, а Богъ — молитвы.

И что жъ вы думаете? Въ первый же годъ моя грушка дала мнѣ плодовъ на цѣлыхъ три рубля! Я не пробоваль, но люди, что покупали у меня въ городѣ груши, говорили, что онѣ очень сладки, сочны и душисты.

Пошелъ я поблагодарить дѣдушку Ивана за деревцо и прищепу, даю ему рубль, а онъ, не глядя на меня, взялся за шапку и говорить мнѣ:

— Пойдемъ-ка, милый, со мною въ поле.

Иду я, а рубль держу въ рукѣ. Пришли на пашню.

— Вотъ, милый, погляди: это—моя земля, а вотъ эти двѣ десятинки — твои... Ты славно работаль всѣ пять лѣтъ; деньгами я тебя не награждалъ: коли по малости давать, что жъ ты на нихъ сдѣлать можешь? Купилъ бы кафтанъ новый, сапоги со скрипомъ,—ну, и безъ этого обойдется дѣло! А за тѣ деньги, что

тебѣ слѣдуетъ получить за всѣ пять лѣтъ, я вотъ продаю тебѣ эти двѣ десятины земли: теперь и ты хозяинъ. Весною скажешь: Господи, благослови! да и вспаши ярину такъ, какъ ты пахалъ у меня. Земля ужъ въ долгу у тебя не останется: она труда нашего не забываетъ, а Богъ молитвы наши помнитъ. Такъ-то, милый!..

Поклонился я тутъ до земли своему строгому да ласковому сосѣду-наставнику, расплакался отъ радости, сталъ ему руку цѣловать, да рубль-то свой и выронилъ на землю. А дѣдушка Иванъ усмѣхается, руками отмахивается и со смѣхомъ говорить мнѣ:

— Возьми, возьми ты свой кладъ! Чего онъ на землѣ валяется? Ишь ты, видно и вправду: гдѣ ты стоишь, тамъ и деньги лежать. Богатый ты, горюнь!.. Благодари Бога и родителей, что наградили тебя; здоровье—отъ Бога, богатство жъ—отъ рукъ человѣка.

— Ахъ, дѣдушка Иванъ! Вѣчно буду Бога молить за родителей и за васъ. Богъ и родители дали мнѣ здоровье и силы работать, а вы научили, наставили меня на путь истинный. И дѣтямъ и внукамъ прикажу о васъ молиться...

Старикъ Матвѣевъ всталъ съ крылечка, выпрямился, сколько позволяла ему спина, согнутая трудами и долгой жизнью, осѣнилъ себя широкимъ крестнымъ знаменіемъ и съ глубокимъ чувствомъ произнесъ:

— Помяни, Господи, наставника моего и второго отца, раба Твоего Іоанна.

Дѣти тоже поднялись со ступенекъ и, глядя на своего дѣдушку, всѣ перекрестились.

— А что же дальше-то было, дѣдушка? — спросилъ его старшій внукъ, Ваня, мальчикъ двѣнадцати

лѣтъ, который во все время разказа не спускалъ глазъ съ дѣда.

— Что дальше-то было?.. Пойдемъ подъ грушу, тамъ и доскажу.

Всѣ двинулись на любимое мѣстечко дѣдушки; подъ грушей стояла скамейка, на которой старикъ сиживалъ всякій вечеръ, любуясь заходящимъ солнцемъ.

— Дальше, дѣтушки, все пошло лучше да лучше. Обработалъ я свою пашенку; послалъ мнѣ Господь урожай; хлѣбъ я продалъ, на тѣ деньги избенку поправилъ, лошадь купилъ. Зимой въ извозъ пошелъ. А еще черезъ годъ женился. Жена огородъ завела; корову купили. Потомъ Богъ дѣтей послалъ; дѣтки стали подрастать, стали намъ помогать; прикупили мы тогда землицы, а она, наша матушка-кормилица, не забывала нашихъ трудовъ, все намъ отдавала съ прибылью...

Такъ и живемъ, благодареніе Богу, до сихъ поръ: нужды не знаемъ, васъ, дѣтокъ, питаемъ да отъ васъ радости ожидаемъ.

— А груша-то, дѣдушка, груша-то что же?—воскликнула десятилѣтняя востроглазая Параша, которая была какъ будто недовольна, что дѣдушка уже все разсказалъ и теперь молча глядитъ на нихъ своими ласковыми глазами.

— Груша-то?.. А вотъ она, наша голубушка! Все стоитъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ я когда-то кладъ искалъ, и каждый годъ мнѣ изъ земли кладъ достаетъ. Много-много лѣтъ я продавалъ ея плоды въ городѣ, и не одну сотню рублей она мнѣ принесла. А теперь вотъ и она ужъ состарилась,—утомилась и она работать; теперь ея грушекъ хватаетъ только для

васъ, а въ городъ ужъ нечего возить. Кушайте себѣ на здоровье! Какъ подрастете, сами посадите по деревцу—и себѣ на радость, и дѣтямъ вашимъ на утѣху.

— Дѣдушка! — заговорилъ Ваня. — Какъ это дѣдушка Иванъ сказалъ тебѣ про землю?

— Земля заплатитъ, земля все отдастъ.

— Нѣтъ, еще что-то, дѣдушка... еще какъ-то...

— Еще?.. Ахъ, да! — Земля труда не забываетъ, а Богъ—молитвы.

— Да, да! вотъ это самое: земля труда не забываетъ, а Богъ—молитвы.

И Ваня шопотомъ повторилъ эти слова еще нѣсколько разъ: видно, хотѣлось ему крѣпко помнить умныя слова добраго наставника.

Птичка.

„Ахъ, зачѣмъ, пѣвунья-птичка,

Птичка милая моя,

Ты такъ рано прилетѣла

Въ наши дальніе края?

Заслонили солнце тучи,

Небеса заволокли,

И камышъ сухой и звонкій

Клонить вѣтеръ до земли.

Вотъ и дождикъ—посмотри-ка—

Хлынулъ точно изъ ведра!

Скучно!.. Холодно,—какъ будто

Не весенняя пора“...

— Не для солнца, не для неба

Прилетѣла я сюда;

Въ камышахъ сухихъ и звонкихъ

Не совью себѣ гнѣзда.

Я совью его подъ кровлей
Горемыки-бѣдняка:
Богомъ я ему въ отраду
Послана издалека.

Въ часъ, какъ онъ, вернувшись съ поля
Въ хату бѣдную свою,
Ляжетъ грустный на солому,—
Пѣсню я ему спою.

Для него я эту пѣсню
Принесла изъ-за морей;
Никогда ея не пѣла

Для счастливыхъ я людей.

Въ ней повѣдаю я много
Про иной, счастливый свѣтъ,
Гдѣ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ,
Ни тревогъ, ни горя нѣтъ.

Эта пѣсня примиренье
Въ грудь усталую пролетѣтъ,
И съ надеждою на Бога
Бѣдный труженикъ уснетъ.

Плещеевъ.

Добрый человѣкъ.

Какъ у нашего сосѣда
Шла разумная бесѣда,—
Толковали за чайкомъ
И о томъ, и о другомъ:

Какъ ума нажать вѣрнѣе?

Кто на свѣтъ всѣхъ добрѣе?

— Вотъ Кузьмичъ...—одинъ сказалъ:—

Я добрѣй души не зналъ!

Въ храмъ идетъ, а самъ дорогой

Смотритъ, гдѣ стоитъ убогій;

Нищихъ тьма къ нему валить,—
Всѣхъ накормить, напоить!

Тутъ другой промолвилъ слово:

— Тоже знай давать толково...

Вотъ Степанъ Ильичъ—такъ тотъ

По грошамъ не раздаетъ,

А дарить онъ нищей братъ

То мучки, то крупъ, то платье.

— Что объ этомъ толковать?—

Молвилъ третій.—Какъ ни взять,—

Ершь сырой, въ ухѣ ль,—все рыба;

Кто даетъ, тому спасибо!..

Вотъ къ чему я рѣчь веду:

Научить бы насъ труду,—

Какъ съ умомъ за дѣло взяться,

Чтобы нищимъ не остаться.

Кто наукой вразумить,

Дѣтокъ въ школѣ приютить,

Взрослымъ парнямъ дастъ подмогу

Честно выйти на дорогу,—

Про того скажу во вѣкъ:

Впрямъ то—добрый человекъ!

Водовозовъ.

Михаиль Васильевичъ Ломоносовъ.

Въ 1711 году на далекомъ и угрюмомъ сѣверѣ, въ деревнѣ около города Холмогоры, въ семьѣ бѣднаго рыбака родился сынъ Михайло. Радовался отецъ, что у него будетъ помощникъ, что теперь онъ не одинъ будетъ выплывать на рыбную ловлю въ бурное Бѣлое море; радовалась и мать его, думая, что ей придется утѣшаться сыномъ, когда подрастетъ онъ, станетъ добрымъ молодцемъ, удалымъ парнемъ,—

женится и возьметъ въ домъ невѣстушку; а невѣстушка будетъ по хозяйству справляться, отцу-матери во всемъ повиноваться... Много надеждъ появилось у бѣдныхъ людей съ рожденіемъ сына. Не знали они, что совѣмъ особую участь назначилъ Господь ихъ ребенку: не рыбакомъ суждено ему быть, а ученымъ человѣкомъ; не отцу-матери только помогать, но служить службу великую всему своему родному народу.

Но какъ же сынъ рыбака, живя въ глухой деревушкѣ, сдѣлается ученымъ? Возможно ли это? Вѣдь даже грамотѣ тамъ трудно научиться: двѣсти лѣтъ тому назадъ въ селахъ не было школъ, а училища были только въ трехъ городахъ: въ Москвѣ, Кіевѣ и Петербургѣ. Но отъ Денисовки, гдѣ росъ Михаилъ Ломоносовъ, это вѣдь цѣлыя тысячи верстъ...

Желѣзныхъ дорогъ тогда нигдѣ на свѣтѣ еще не было; да и не въ обычаѣ было мужику деревенскому поступать въ училище, искать науки: въ тѣ времена учились только дѣти знатныхъ людей, чиновниковъ и священниковъ, а крестьянину даже грамота считалась лишней наукой.

Не такова, однако, была судьба Ломоносова, чтобы оставаться при томъ занятіи, которымъ добывали себѣ хлѣбъ его родители и родственники.

Уже въ дѣтствѣ онъ проявилъ необыкновенную склонность къ ученью, и въ то время, какъ его сверстники играли въ бабки да въ лапту, онъ сидѣлъ у дьячка и съ трудомъ, но настойчиво учился читать церковныя книги. Это ученье продолжалось нѣсколько лѣтъ: много было непонятнаго для мальчика, а дьячокъ не особенно могъ помочь своему пытливому ученику. Но прошли года, и Михаилъ Ломоносовъ одолѣлъ книжную премудрость; уже въ четырнадцать лѣтъ

онъ, во время богослуженія, читалъ съ амвона церковныя книги,—и такъ толково и внятно, что людъ деревенскій заслушивался, а старики только головами качали отъ удивленія.

Однако, не только грамотой занимался Ломоносовъ: онъ и на рыбную ловлю ѣздилъ съ отцомъ, и всѣ работы по дому и крестьянскому хозяйству исполнялъ; но всегда, что бы онъ ни дѣлалъ, у него была одна мысль, одна забота: гдѣ бы ему и какъ бы еще чему поучиться? Священныя книги, какія были у дьячка, онъ всѣ перечелъ; многое зналъ наизусть, особенно псалмы Давида. Больше нечего ему было читать; больше нечему и не у кого было здѣсь учиться.

И когда онъ спрашивалъ у людей бывалыхъ, гдѣ бы можно было еще поучиться, всѣ отвѣчали, что только въ Кіевѣ, въ Москвѣ да въ Петербургѣ есть училища,—тамъ де и ученые люди живутъ, и книжекъ тамъ многое множество... Но какъ туда попасть? Долго думалъ объ этомъ Михаилъ Ломоносовъ; наконецъ, рѣшился итти туда, въ далекую сторону, гдѣ живутъ ученые люди, гдѣ учатся другіе и гдѣ его научать всему... Итти, конечно, пѣшкомъ. А какъ узнать дорогу? Разспрашивать нельзя, нельзя и говорить никому о своемъ намѣреніи, иначе отецъ не пуститъ, назоветъ все это безуміемъ.

Пришлось тайно уйти изъ родного дома.

Морозной ночью, съ котомкой за плечами, гдѣ лежало нѣсколько кусковъ хлѣба, рубаха и Псалтирь, Михаилъ Васильевичъ ушелъ въ свой далекій-далекій путь, на новую жизнь,—на другую работу...

По дорогѣ онъ нагналъ обозъ съ рыбой, шедшій въ Москву; юноша присоединился къ нему, не говоря,

однако, куда и зачѣмъ онъ идетъ. Длинна и мучительна была дорога; пришлось терпѣть и холодъ, и голодъ, и страшную усталость.

Наконецъ, прибыли въ Москву. Не мало и тутъ бродилъ Ломоносовъ по огромному городу, допрашивая всѣхъ и каждаго: гдѣ училище и какъ туда попасть. Многіе смѣялись надъ нимъ, узнавъ, что онъ хочетъ учиться: ему было уже 17 лѣтъ, и росту онъ былъ высокаго, — помочь же никто не взялся. Послѣ долгихъ странствованій по чужому городу, случайно повстрѣчался онъ съ землякомъ, который служилъ у купца приказчикомъ; тотъ отнесся къ юношѣ сочувственно и, узнавъ объ его желаніи учиться, сталъ хлопотать о немъ у знакомыхъ монаховъ Заиконоспасскаго монастыря, при которомъ и было училище.

Вскорѣ Ломоносовъ былъ принятъ въ число учениковъ Заиконоспасскаго училища. Кончились одни страданія, — начались другія: науки, которымъ обучали въ этомъ училищѣ, были трудныя, — Ломоносовъ же только умѣлъ читать. Приходилось и день и ночь сидѣть за книгами и тетрадями, одолѣвать разомъ и писанье, и ариѳметику, и латинскій, и греческій языки. А чуть покажется въ классѣ, — на него со всѣхъ сторонъ сыплются насмѣшки, обидныя прозвища: „Верзила, двадцатилѣтній болванъ пришелъ съ дѣтьми учиться!“

Но ничто не могло поколебать твердой рѣшимости великаго труженика: науки онъ одолѣвалъ, на насмѣшки же не обращалъ вниманія. Вскорѣ онъ прошелъ все, чему учили въ Заиконоспасскомъ училищѣ, — и всегда во всѣхъ наукахъ былъ первымъ ученикомъ и отъ всѣхъ учителей заслужилъ самыя лестныя похвалы.

Когда здѣсь все уже было выучено имъ, Ломоносовъ сталъ проситься въ Кіевскую академію, гдѣ проходились другія науки. Его перевели туда; только одинъ годъ пробылъ онъ тамъ — и окончилъ академію. Послѣ этого его отправили въ Петербургъ, гдѣ онъ тоже приобрѣлъ славу необыкновенно способнаго ученика.

Черезъ два года начальство командировало его за границу, чтобъ тамъ у самыхъ лучшихъ профессоровъ онъ могъ выучиться всему, что только люди знаютъ.

Пять лѣтъ пробылъ Михаилъ Васильевичъ за границей, въ разныхъ чужихъ земляхъ, прошелъ много наукъ и вернулся въ Россію самымъ образованнымъ, самымъ ученымъ человѣкомъ. Ему въ это время было уже 32 года.

15 лѣтъ Ломоносовъ учился неутомимо, не обращая вниманія на бѣдность и голодъ, которые преслѣдовали его всюду, не боясь никакихъ трудностей въ наукахъ, преодолевая ихъ все съ терпѣніемъ и любовью. Ничто не могло остановить Ломоносова, — такъ велико было его стремленіе къ наукѣ.

Насколько Михаилъ Васильевичъ любилъ науки, высказалось въ одномъ его стихотвореніи, гдѣ онъ такъ говоритъ:

Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастный случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха;
Науки пользуютъ вездѣ:

Среди народовъ и въ пустынь,
Въ градскомъ шумѣ и наединѣ,
Въ покоѣ сладкомъ и въ трудѣ...

Когда Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ возвратился въ Россію, онъ занялъ почетное мѣсто между самыми учеными людьми; его назначили профессоромъ Академіи Наукъ въ Петербургѣ, и онъ сталъ обучать русское юношество всему тому, что самъ зналъ. Кромѣ того, онъ написалъ много ученыхъ сочиненій, которыя даже за границей считались весьма важными, и имя Ломоносова прославилось.

Много пользы принесъ онъ родному русскому народу, много поработалъ онъ для его просвѣщенія, и заслуги Михаила Васильевича Ломоносова высоко цѣнились, даже и теперь не забыты и цѣнятся всѣми людьми, которые понимаютъ пользу ученія. Сама Государыня Екатерина Великая, бывши однажды въ гостяхъ у Ломоносова, ласково говорила съ нимъ и внимательно выслушивала все то, что онъ ей объяснялъ и показывалъ. До такого почета дожилъ сынъ рыбака — „архангельскій мужикъ!“

Въ 1765-мъ году, 54-хъ лѣтъ отроду, скончался этотъ великій труженикъ и знаменитый русскій ученый; чуть не весь Петербургъ провожалъ его тѣло въ Александро-Невскую лавру, и всѣ сожалѣли, что умеръ такой дѣятельный и полезный человѣкъ.

Теперь на могилѣ его стоитъ бѣлый мраморный памятникъ. И какъ на этомъ памятникѣ, такъ и въ душѣ всякаго образованнаго русскаго человѣка ясно начертано это дорогое и великое русское имя: Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ.

Школьникъ.

Ну, пошелъ же, ради Бога!

Небо, ельникъ и песокъ —

Невеселая дорога...

Эй, садись ко мнѣ, дружокъ!

Ноги босы, грязно тѣло,

И едва прикрыта грудь...

Не стыдися! Что за дѣло?

Это—многихъ славныхъ путь.

Вижу я въ котомкѣ книжку:

Такъ, учиться ты идешь...

Знаю, батъка на сынишку

Издержалъ послѣдній грошъ.

Знаю, старая дьячиха

Отдала четвертачокъ,

Что проѣзжая купчиха

Подарила на чаекъ.

Или, можетъ, ты дворовый

Изъ отпущенныхъ?.. Ну, что жъ!

Случай тоже ужъ не новый,—

Не робѣй, не пропадешь!

Скоро самъ узнаешь въ школѣ,

Какъ архангельскій мужикъ,

По своей и Божьей волѣ,

Сталъ разумень и великъ.

Не безъ добрыхъ душъ на свѣтѣ,—

Кто-нибудь сvezетъ въ Москву,

Будешь въ университетѣ:

Сонъ свершится наяву!

Тамъ ужъ поприще широко:

Знай работай да не трусь!..

Вотъ за что тебя глубоко

Я люблю, родная Русь:

Не бездарна та природа,

Не погибъ еще тотъ край,

Что выводитъ изъ народа

Столько славныхъ, то и знай!

Некрасовъ.

Садъ и лѣсъ.

Хотя садъ, какъ и лѣсъ, состоитъ изъ деревьевъ, но онъ не похожъ на лѣсъ уже тѣмъ, что его насадили люди, а лѣсъ выросъ безъ труда и заботъ человѣка.

Чтобъ развести садъ, надо приложить много труда, знанія и времени: для каждаго деревца выкапываютъ отдѣльную ямку, сажаютъ туда молоденькій ростокъ, потомъ забрасываютъ яму рыхлой землей; лѣтомъ молодыя деревья надо поливать, землю вокругъ нихъ вскапывать, разрыхлять, чтобъ дождевая вода проходила до самыхъ корней, уничтожать гусеницъ, чтобъ онѣ не объѣдали листочковъ; сухія вѣтки надо отпиливать, а деревцо привязать къ толстой палкѣ, крѣпко врытой въ землю, чтобъ вѣтеръ его не раскачивалъ или не сломилъ его. Вотъ сколько заботъ требуютъ садовыя деревья!

Лѣсныя же не утруждаютъ собой человѣка: свалится съ сосны или съ ели шишка, изъ нея выкатятся зернышки, лягутъ на мягкую сырую землю, а вѣтеръ прикроетъ ихъ ли-

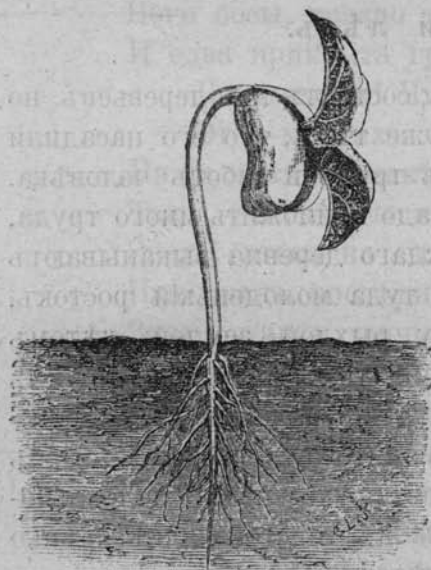
Прорастающее сѣмя.

стьями, пылью,—они и пустятъ корешки въ землю, а ростокъ—вверхъ; если не затопчутъ его люди или скоть, то деревцо и будетъ себѣ расти, расти поти-

хоньку да помаленьку. Лѣтъ черезъ двадцать прекрасное дерево стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ упало зернышко.

И такъ какъ зернышекъ въ лѣсу падаютъ тысячи, то и деревьевъ вырастаетъ такое множество, что иной лѣсъ тянется на нѣсколько верстѣ.

Садъ же занимаетъ небольшое пространство; если

Первые листики.

онъ раскинулся на три

десятины, то мы уже съ удивленіемъ говоримъ: какой большой садъ! Не садъ въ три десятины великъ, а великъ тотъ трудъ, который понадобился, чтобъ насадить тысячи двѣ деревьевъ. Но человекъ не жалѣетъ труда. Въ саду онъ разводитъ фруктовыя, или плодовые деревья, какъ-то: яблони, груши, вишни, сливы, абрикосы. Эти деревья — любимцы чело-

вѣка: они доставляютъ ему вкусные, сочные плоды. Если хорошо ухаживать за садомъ, вести дѣло умѣючи, то можно получать порядочный доходъ и жить безбѣдно: садъ прокормитъ не только своего хозяина, но и десятокъ рабочихъ съ ихъ семействами.

Садоводству учатся у садовниковъ; наука эта не трудная, понять ее можетъ всякій человекъ. Требуется только любовь къ дѣлу да аккуратность въ уходѣ за растеніями.

Л ъ с а.

Въ Россіи много лѣсовъ. Лѣса бываютъ разные: на сѣверѣ, гдѣ стоитъ долгая и холодная зима, растутъ только сосны да ели; южнѣе, гдѣ лѣто продолжается уже не два, а три мѣсяца, тамъ растутъ березы, осины, вязы; еще южнѣе, гдѣ лѣто жаркое, а весна и осень теплая, растутъ и дубы, и клены, и ясени.

Сосны и ели не имѣютъ листьевъ, а вмѣсто нихъ — колючія хвои, которыя и зимою зеленѣютъ; поэтому сосны и ели называются хвойными деревьями. Въ холодной Сибири, кромѣ сосенъ и елей, растутъ еще пихты и кедры, — тоже хвойныя деревья.

Вѣтка сосны.

Хвойныя лѣса называются еще краснолѣсьемъ, потому что у всѣхъ хвойныхъ деревьевъ красноватая кора; а когда заходитъ солнце и его лучи освѣтятъ стволы хвойнаго лѣса, то деревья кажутся совсѣмъ красными, точно огненные.

Лѣсъ, который состоитъ только изъ сосенъ, называется боромъ.

Деревья, покрытыя листьями, какъ напр.: дубы, березы, клены, ясени, осины и т. п., называются лиственными деревьями; и лѣса, состоящіе только изъ лиственныхъ деревьевъ, называются лиственными лѣсами.

Кора на лиственныхъ деревьяхъ темная (за исключеніемъ только коры березы и осины); поэтому лиственные лѣса называются иначе чернолѣсьемъ.

Въ хвойныхъ лѣсахъ травъ мало; растеть только грубый, жесткій верескъ, и мѣстами попадаетъ нѣжный, мягкій мохъ.

Зато самыя лучшіе грибы—бѣлые и боровики—растутъ подь соснами да подь елями. Въ лиственныхъ же лѣсахъ, кромѣ множества цвѣтовъ и травъ, растутъ еще и кусты.

Лиственный лѣсъ рѣдко когда состоитъ изъ деревьевъ одной породы; чаще бываетъ такъ, что въ одномъ и томъ же лѣсу попадаютъ и осины, и березы, и ольха, а кое-гдѣ выгянетъ и колючая сосенка, или развѣсистая елочка протянетъ далеко свои

вѣтви. И все они мирно живутъ цѣлые десятки лѣтъ другъ подлѣ друга; въ тихую погоду ласково шепчутся своими трепещущими листочками, а въ бурю дружно зашумятъ и закачаютъ вѣтвями и верхушками.

Мирно живутъ эти великаны растительнаго царства, пока не явится къ нимъ человекъ со своими страшными орудіями: топоромъ и пилою. Тогда—горе деревьямъ! Великаны валятся на землю, какъ подкошенная трава, и умираютъ, не доживъ своего вѣка...

Польза отъ лѣсовъ.

Велика польза людямъ отъ лѣсовъ!

Изъ дерева выдѣлываются вещи, нужныя всемъ людямъ въ повседневной жизни: посуда, мебель, орудія.

Дерево нужно для постройки избъ и домовъ; даже каменнаго дома не построишь безъ дерева.

А сколько шпаль нужно для желѣзной дороги, сколько столбовъ для телеграфа!

На все это идутъ крупныя, крѣпкія деревья; но самыя крупныя и изъ крѣпкихъ самыя крѣпкія деревья приберегаются для постройки кораблей и пароходовъ.

Всеякому понятно и само собою ясно, что на все эти надобности люди употребляютъ многое-множество деревьевъ.

Но придетъ ли кому въ голову и повѣрить ли кто-нибудь, что на такія мелкія и незамѣтныя вещи, какъ: полѣнья, щепки, спички и гвоздики для сапогъ,—идетъ столько же лѣсу, какъ и на постройку кораблей, желѣзной дороги, избъ, домовъ и мебели? А, между тѣмъ, это такъ.

Да, эти мелочи незамѣтны, но онѣ нужны всякому, и всѣ безъ исключенія употребляютъ ихъ: всѣмъ нужно топить печи, всякому нужно зажечь свѣчу или лампу, каждый человѣкъ нуждается въ обуви.

И всѣ эти необходимѣйшіе для нашей повседневной жизни предметы даетъ лѣсъ,— тотъ самый лѣсъ, который вырастаетъ безъ малѣйшаго участія и труда человѣческаго, а растетъ единственно по волѣ и мудрой заботливости о нашемъ благѣ Всеблагаго Промыслителя и Создателя всего міра!

Господь создалъ и распространилъ по лицу земли обширные и могучіе лѣса и предоставилъ ихъ человеку. Отъ человѣка же требуется только одно: чтобы онъ не разорялъ, не портилъ того, что Богъ создалъ на всеобщую пользу. Лѣса надо очень беречь, какъ драгоценный даръ Божій, и пользоваться ими съ расчетомъ: не вырубать ихъ до послѣдняго дерева и не вытаптывать скотомъ молодого лѣса, чтобы не остаться странѣ безъ этого необходимаго и всѣмъ потребнаго дара Господня.

Древесныя породы чернолѣся.

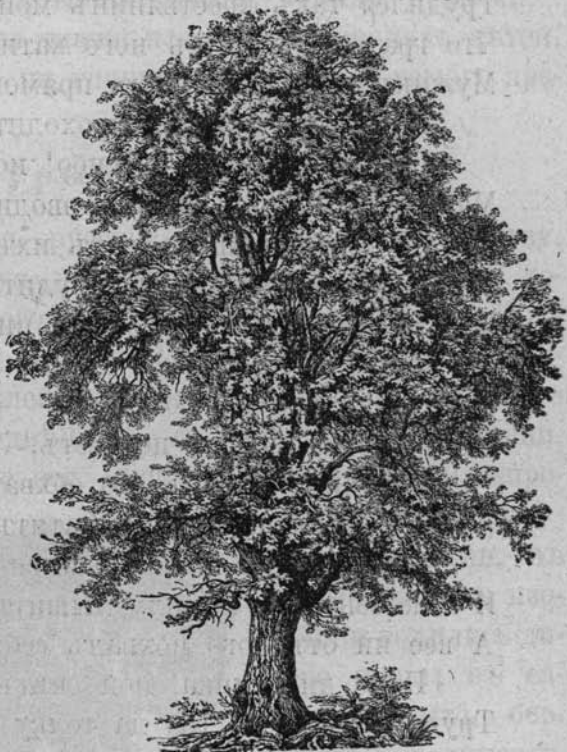
По большей части чернолѣсье состоитъ изъ смѣшенія разныхъ древесныхъ породъ. Но иногда попадаются мѣста, гдѣ преобладаетъ одна какая-нибудь порода.

Когда разнородныя деревья растутъ вмѣстѣ и составляютъ одну зеленую массу, то всѣ кажутся равно хороши, но въ отдѣльности одни другимъ уступаютъ.

Хороша развѣсистая бѣлоствольная береза, но еще лучше кудрявая, кругло-листная, сладко-душистая липа.

Хорошъ и кленъ со своими лапами-листами.

Коренасть, крѣпокъ, высокъ и могучъ бываетъ многостолѣтній дубъ. Осина и по наружному виду и по внутреннему достоинству считается послѣднимъ изъ строевыхъ деревьевъ. Незамѣчаемая никѣмъ, трепетнолистная осина бываетъ красива и замѣтна только осенью: золотомъ и багрянцемъ покрываются ея рано удающіе листья.

Ярко отличающаяся отъ зелени другихъ деревьевъ, придаетъ она много прелести и разнообразія лѣсу во время осенняго листопада.

Обезьяна.

Какъ хочешь ты трудись,
Но приобрьсть не лѣстись
Ни благодарности ни славы,
Коль нѣтъ въ твоихъ трудахъ ни пользы,
ни забавы.

Крестьянинъ на зарѣ съ сохой
Надъ полосой своей трудился;
Трудился такъ крестьянинъ мой,
Что градомъ потъ съ него катился:
Мужикъ работникъ былъ прямой!

Зато, кто мимо ни проходить,
Отъ всёхъ ему: спасибо! исполать!..

Мартышку это въ зависть вводитъ:
Хвалы приманчивы, — какъ ихъ не пожелать?

Мартышка вздумала трудиться,
Нашла чурбанъ и — ну надъ нимъ возиться!

Хлопотъ

Мартышкѣ полонъ ротъ:

Чурбанъ она то понесетъ,

То такъ, то сякъ его обхватить,

То поволочить, то покатить, —

Рѣкой съ бѣдняжки льется потъ;

И наконецъ она насилу дышитъ, —

А все ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ!

И не диковинка, мой свѣтъ:

Трудишься много ты, да толку въ этомъ нѣтъ.

Крыловъ.

Лѣсные обитатели.

Въ лѣсу живутъ пестрыя, красивыя, разноголосыя породы птицъ. Многочисленное крылатое мелкое пѣвчее племя наполняетъ воздухъ разными голосами и оживляетъ тишину лѣсовъ. На сучьяхъ и въ дуплахъ деревьевъ птицы вьютъ свои гнѣзда, кладутъ яйца и постоянно выводятъ дѣтей.

Для той же цѣли поселяются въ дуплахъ куницы и бѣлки, враждебныя птицамъ, и шумные рои дикихъ пчелъ.

Травъ и цвѣтовъ мало въ большомъ лѣсу.

Въ такомъ чернолѣсѣ живутъ болѣе или менѣе постоянно медвѣди, волки, зайцы, куницы и бѣлки.

Хищныя птицы также въ лѣсахъ выводятъ дѣтей, устраивая гнѣзда на главныхъ сучьяхъ у самаго древеснаго ствола.

Бурыи медвѣдь.

1. Это — нашъ русскій звѣрь по преимуществу. Всѣмъ обитателямъ лѣсной полосы Россіи очень хорошо знакомъ „косолапый Михаилъ Ивановичъ Топтыгинъ“. Русскій мужичокъ съ незапамятной, исконной старины заклеилъ его названіемъ „медоваго вѣдуна“ или „медвѣдя“, — съ того самаго времени, когда еще чуть не вся Русь скрывалась подъ непро-

ходимыми дремучими лѣсами, въ которыхъ въ изобиліи водились дикія пчелы въ самодѣльных бортахъ—въ дуплахъ высокихъ столѣтнихъ сосенъ и липъ.

„Михаилъ Ивановичъ“ изстари былъ большой „вѣдунъ“ и любитель меда въ этихъ природныхъ ульяхъ.

Сравнивая медвѣдя съ другими жителями нашихъ лѣсовъ, невольно дивишься его своеобразной фигурѣ, во всѣхъ мелочахъ хорошо приспособленной къ лѣсной жизни.

Его неуклюжая, неповоротливая фигура не способна гоняться, бѣгать за добычей; но онъ легко

прокладываетъ дорогу даже въ самомъ дремучемъ, непроходимомъ лѣсу.

Заднія ноги медвѣдя немного длиннѣе переднихъ, и вотъ почему онъ охотно встаетъ на нихъ и ловко

дерется и бьетъ передними. Переднія лапы медвѣдь употребляетъ вмѣсто рукъ: онъ хватаетъ ими добычу и наноситъ страшные удары, въ особенности благодаря толстымъ и крѣпкимъ когтямъ. Съ помощью

этихъ когтей онъ легко взлѣзаетъ на деревья, отыскивая борти дикихъ пчель.

Голова „косолапаго Мишки“ почти постоянно нагнута къ землѣ — и не даромъ: какъ охотничья собака, онъ постоянно ищетъ нижнимъ чутьемъ. Ягоды, птицъ, звѣрей, — все онъ чуетъ издали и до всего добирается съ помощью этого чутья. Носъ его, весьма подвижной, постоянно обнюхиваетъ воздухъ или землю: не принесетъ ли откуда-нибудь вѣтеръ запаха живой или мертвой добычи?

Его глаза видятъ зорко днемъ и ночью; слухъ его очень тонокъ, чутье сильно развито, а вкусъ весьма прихотливъ и разнообразенъ.

2. Медвѣдь любитъ лѣсныя ягоды и въ концѣ лѣта не только утоляетъ голодь, но и съ наслажденіемъ лакомится голубикой, черникой, брусникой; онъ любитъ и кедровые орѣхи и, когда они поспѣютъ, взлѣзаетъ на деревья, сбиваетъ передними лапами спѣлыя шишки; затѣмъ слѣзаетъ съ дерева и, какъ человекъ, собираетъ шишки въ охапку и отправляется съ ними на заднихъ лапахъ туда, гдѣ онъ запримѣтилъ плоскіе камни; на нихъ онъ катаетъ эти шишки такъ, что онѣ трещатъ, и орѣхи сыплются изъ нихъ. Тогда „Мишка“ начинаетъ жевать ихъ, поѣдая безъ разбора, съ кожурой, и причмокивая отъ удовольствія.

Медвѣдь также любитъ муравьевъ и поѣдаетъ ихъ съ наслажденіемъ. На своемъ пути онъ постоянно все осматриваетъ ради любопытства, а главное — съ цѣлью поживиться какимъ-нибудь лакомымъ кусочкомъ.

И вотъ, если онъ по пути встрѣтитъ муравейникъ съ крупными лѣсными муравьями, то тотчасъ же принимается за работу. Съ легкимъ, довольнымъ ворчаньемъ онъ разрываетъ кучу. Бѣдные муравьи

снують, копошатся, бѣгаютъ въ страшной суматохѣ, а „Михаилъ Ивановичъ“ прехладнокровно лижетъ ихъ языкомъ, облизываетъ ихъ съ лапъ, мокрую лапу накладываетъ на муравейникъ и слизываетъ съ нея набѣжавшихъ и приставшихъ муравьевъ.

Но, разумѣется, это лакомое блюдо не можетъ сравниться съ медовыми сотами, — и если „Михаилу Ивановичу“ удастся добраться до борти съ медомъ, то для него настаетъ истинный праздникъ. Онъ разламываетъ сильными лапами и острыми, крѣпкими когтями дупло, въ которомъ пчелы завели гнѣздо и, несмотря на ихъ нападенія, визжа и сгребая съ морды постоянно насѣдающихъ насѣкомыхъ, ломаетъ и ѣстъ соты цѣликомъ, вмѣстѣ съ пчелами, съ мелкими обломками дерева, съ пчелинымъ клеемъ и со всѣмъ, что удалось ему выворотить изъ дупла. Всѣ эти примѣси нисколько его не беспокоятъ: сладкій медъ все сдабриваетъ, а желудокъ „Михаила Ивановича“ все перевариваетъ.

3. Но и ягоды, и муравьи, и медъ, — все это только лакомство; а настоящимъ угощеніемъ у медвѣдя считается лошадь — все равно, какой бы то ни было породы, только бы она досталась какъ можно легче и безопаснѣе. Наши бѣдныя крестьянскія лошадки, стреноженныя на ночь, считаются для него самой легкой добычей. Подкравшись къ такой лошаdkѣ, „Михаилъ Ивановичъ“ сшибаетъ ее съ ногъ однимъ ударомъ крѣпкой передней лапы, затѣмъ убиваетъ ее и, схвативъ зубами за шею, волочить прыжками въ лѣсъ.

Точно такъ же онъ распоряжается съ коровой: нападаетъ на нее, подкрадываясь исподтишка. На стадо онъ почти никогда не бросается, въ особенности тамъ,

гдѣ оно находится подъ охраною собакъ и быковъ. Роговъ бычачьихъ „Михаилъ Ивановичъ“ сильно боится.

На сѣверѣ Россіи, въ Сибири, онъ охотится на сѣвернаго оленя и лося, или сохатаго. Но достаточно этому крупному звѣрю встать въ оборонительное положеніе и показать медвѣдю свои огромные рога, чтобы тотъ обратился въ постыдный бѣгъ.

Онъ страшно также боится клыковъ старыхъ кабановъ — „сѣкачей“, какъ ихъ называютъ въ Сибири. Если медвѣдь замѣтитъ, что вмѣстѣ съ маленькими кабанятками и ихъ маткой ходитъ сѣкачъ, то онъ — издали еще — поворачиваетъ морду назадъ и удираетъ

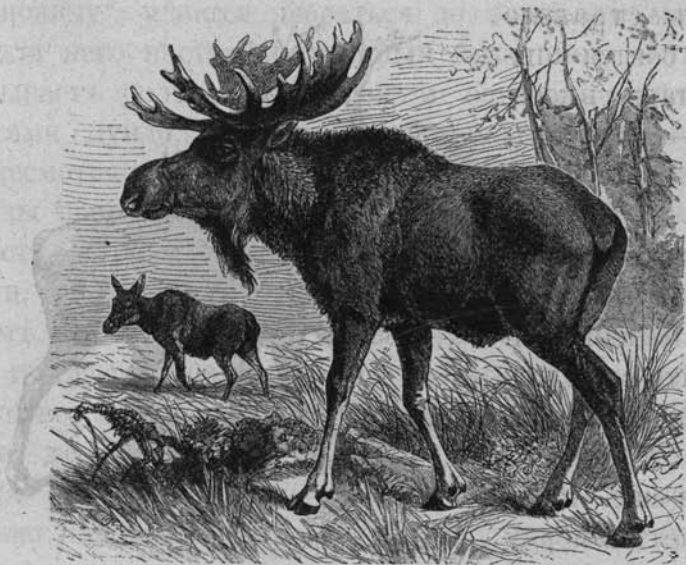
Сѣверный олень.

безъ оглядки. Если же сѣкача нѣтъ, а кабанятки съ матерью гуляютъ гдѣ-нибудь на скалистыхъ сибирскихъ горахъ, то „Мишка“ подкрадывается къ нимъ и сверху сбрасываетъ на нихъ тяжелые камни.

Благодаря своей силѣ, медвѣдь считается лѣснымъ царемъ. И ни одинъ лѣсной звѣрь не выказываетъ такой храбрости въ борьбѣ, какъ медвѣдь: онъ смѣло идетъ на охотника и его собакъ. Малѣйшая рана нанесенная ему охотникомъ, приводитъ его въ ярость, въ бѣшенство, и онъ, забывая о смерти, бросается прямо на ножъ или рогатину, только бы отмстить

своимъ врагамъ. Въ особенности мстительна бываетъ медвѣдица, если убьютъ у нея медвѣжонка.

4. Этой мстительностью медвѣдя и его вспыльчивымъ характеромъ пользуются люди для того, чтобы, не подвергая свою жизнь опасности во время охоты на медвѣдя, извести своего врага, губителя „лошадухекъ и коровушекъ“. Вотъ какъ это дѣлается.

Лось.

Около борти, у самаго отверстія этого природнаго улья, вѣшаютъ на крѣпкой веревкѣ тяжелый чурбанъ, на обоихъ концахъ усаженный желѣзными шипами.

„Мишукъ“ взлѣзаетъ на такое дерево и — прямо носомъ къ борти; но дурацкій чурбанъ виситъ какъ разъ на пути его желанія. Онъ тихонько, вѣжливенько оттолкнетъ его лапой и тотчасъ мордой въ душло; а чурбанъ тихонько стукъ его по мордѣ и — „Мишенька взволнуется“.

„Какъ! Какъ онъ смѣетъ, дурацкій чурбанъ, бить его прямо по мордѣ, его — лѣснаго царя!..“

Онъ размахивается и со всей силы своего негодованія ударяетъ чурбанъ своей крѣпкой лапой — и тотчасъ же суетъ морду въ дупло. Чурбанъ, разумѣется, прилетитъ къ нему скорехонько и — по словицѣ: „какъ аукнется, такъ и откликнется“ — стукнетъ „Михаила Ивановича“ уже по виску и при томъ весьма убѣдительно.

„Мишенька“ отшатнется, голова его на мигъ затуманится, но со своимъ обычнымъ упрямствомъ онъ опять за свое дѣло, — и опять проклятый чурбанъ виситъ у него передъ носомъ.

„Хорошо же! — думаетъ „Мишка“: — я тебя такъ трахну, что отъ тебя однѣ щепки останутся... Ты моей силы еще не пробоваль!“

И съ ревомъ и яростью „Мишка“ дѣйствительно хватитъ чурбанъ на славу такъ, что онъ даже взлетитъ кверху, — и „Мишенька“ успѣетъ просунуть въ дупло не только морду, но и лапу. Но только-что онъ торопливо приметя за свое дѣло, какъ опять чурбанъ точно съ неба налетитъ — и трахъ его по чемъ попало!

Ну! Тутъ ужъ „Михаилъ Ивановичъ“ совсѣмъ выйдетъ изъ себя, потеряетъ всякое разсужденіе, взреветъ отчаянно и, забывъ, что передъ нимъ простой, глупый чурбанъ, начнетъ драться съ нимъ, какъ съ разумнымъ господиномъ: онъ непременно докажетъ ему, что онъ сильнѣе его, — онъ отмститъ ему.

Но чѣмъ сильнѣе и старательнѣе онъ отталкиваетъ чурбанъ, тѣмъ тотъ убѣдительнѣе колотитъ его. И такой поединокъ обыкновенно кончается тѣмъ, что

„Михаилъ Ивановичъ“ съ разбитой мордой и отуманенной головой летить съ дерева кувыркомъ, безъ памяти, прямо на землю, а на землѣ ожидаетъ его окончательная гибель: тамъ воткнуто множество заостренныхъ кольевъ, которые доканчиваютъ то, что началъ чурбанъ.

Трудолюбивый медвѣдь.

Увидя, что мужикъ, трудяся надъ дугами,
Ихъ прибыльно сбываетъ съ рукъ
(А дуги гнуть съ терпѣньемъ и не вдругъ),
Медвѣдь задумалъ жить такими же трудами.

Пошелъ по лѣсу трескъ и стукъ,

И слышно за версту проказу.

Орѣшника, березняка и вязу

Мой Мишка погубилъ несмѣтное число,

А не дается ремесло!

Вотъ идетъ къ мужику онъ попросить совѣта

И говоритъ: „Сосѣдь! Что за причина эта?

Деревья я-таки ломать могу,

А не согнуть ни одного въ дугу!

Скажи: въ чемъ есть тутъ главное умѣнье?“

— Въ томъ, — отвѣчалъ сосѣдь, —

Чего въ тебѣ, кумъ, вовсе нѣтъ:

Въ терпѣньѣ.

Крыловъ.

В о л к ъ .

Скажите, кто не знаетъ волка? Это извѣстный всему свѣту страшный „сѣрый бирюкъ“, которымъ няньки пугаютъ капризныхъ и надоѣдливыхъ дѣтей. О немъ, объ этомъ сѣромъ дикарѣ, сложилось мно-

жество сказокъ, и нельзя не замѣтить, что въ нихъ оказывается волку не много чести: жадный, прожорливый, но простоватый и недогадливый, онъ часто попадаетъ въ бѣду, отъ которой если и спасается, то съ большимъ урономъ для себя.

Изъ всѣхъ русскихъ звѣрей-хищниковъ волку надо отдать первое мѣсто послѣ медвѣдя по величинѣ и силѣ.

Онъ можетъ долго и быстро бѣгать на своихъ крѣпкихъ и длинныхъ ногахъ, при чемъ легко перепрыгиваетъ черезъ заборы и широкія канавы. Сила его такова,

что онъ уноситъ въ зубахъ, въ прыжку, взрослую овцу, взбросивъ себѣ ее на спину. Его зубы настолько крѣпки и сильны, что ими онъ сразу переламываетъ переднія ноги нападающей на него собакѣ. Зубы его—это главное орудіе защиты и нападенія.

По характеру своему волкъ—животное угрюмое, трусливое и любитъ жить въ одиночку; но зимою, когда трудно становится добывать пропитаніе, волки собираются въ стаи, штукъ по двадцати. Они становятся тогда храбрыми и опасными, рѣшаются нападать даже на стада коровъ или табуны лошадей. Но такое нападеніе окончивается всегда пораженіемъ нападающихъ: коровы становятся въ тѣсный кружокъ, рогами впередъ, и на всякую попытку волковъ под-

скочить къ нимъ отвѣчаютъ боданьемъ; послѣ многихъ прыжковъ сѣрые бродяги удаляются, злобно щелкая зубами, но несолоно хлебавши. Лошади тоже составляютъ оборонительный кругъ, но такъ, что встрѣчаютъ нападающихъ волковъ ударами заднихъ ногъ; когда отъ этихъ крѣпкихъ ударовъ лошадиныхъ копытъ у волковъ искры посыплются изъ глазъ, они съ воемъ бросаются въ бѣгство, а лошади гонятся за ними, бьютъ ихъ передними ногами и отчаянно кусаютъ.

Жадность и обжорство волка вошли въ поговорку: онъ можетъ съѣсть разомъ большую овцу, барана или даже молодую свинью. Насытившись, онъ становится соннымъ и идетъ домой, озираясь и облизываясь, подозрительно косясь по сторонамъ. Но если въ это время судьба пошлетъ ему легкую добычу, то, повѣрьте, онъ по пути не упуститъ и ея, — придушить и зазѣвавшагося зайца, и заигравшуюся мышъ, и тетерьку на яйцахъ. Если онъ прокрадется темной осенней ночью въ овечью хлѣвушку, то непременно передушитъ нѣсколько овецъ, одну за другой, хотя съѣсть ихъ всѣхъ онъ и не можетъ.

За такое его губительство и человекъ и собака, — другъ и вѣрный сторожъ хозяина и его добра, — ненавидятъ волка и всячески преслѣдуютъ и изводятъ его. Охотятся на волковъ больше зимой; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такимъ способомъ: въ большихъ саняхъ усаживаются три-четыре охотника; они берутъ съ собою поросенка въ мѣшкѣ, а сзади саней привязываютъ на длинной и крѣпкой веревкѣ комъ сѣна или мочалы. Поросенокъ визжитъ, комъ сѣна волочится, прыгаетъ по дорогѣ, и голодные волки

бросаются на него, думая, что это и есть поросенокъ; охотники въ это время стрѣляютъ въ нихъ.

Собака въ одиночку не можетъ справиться съ волкомъ, но все же рѣдкая отступаетъ передъ нимъ, — она храбро выходитъ на смертный для нея бой, и только крупная порода волкодавовъ можетъ справиться съ бирюкомъ.

Въ нѣкоторыхъ странахъ волковъ уже истребили совершенно, но у насъ, въ Россіи, ихъ водится еще очень много — и въ степныхъ и въ лѣсистыхъ мѣстахъ, и много бѣдъ творятъ эти угрюмые и хищные бродяги.

Волкъ и котъ.

Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ,

Не въ гости, но животь спасая;

За шкуру онъ свою дрожалъ:

Охотники за нимъ гнались и гончихъ стая.

Онъ радъ бы въ первыя шмыгнуть тутъ ворота,

Да то лишь горе,

Что всѣ ворота на запорѣ.

Вотъ видитъ волкъ мой на заборѣ

Кота

И молвить: „Васенька, мой другъ! скажи скорѣе,

Кто здѣсь изъ мужиковъ добрѣе,

Чтобы укрыть меня отъ злыхъ моихъ враговъ?

Ты слышишь лай собакъ и страшный звукъ
роговъ?

Все это вѣдь за мной!“ — „Проси скорѣй Степана:

Мужикъ предобрый онъ“, — котъ-Васька говорить.

— „То такъ, да у него я ободралъ барана“.

— „Ну, попытайся жъ у Демьяна“.

- „Боюсь, что на меня и онъ сердить:
Я у него унесъ козленка“.
- „Бѣги жь, вонъ тамъ живетъ Трофимъ“.
- „Къ Трофиму? Нѣтъ, боюсь и встрѣтиться я
съ нимъ:
Онъ на меня съ весны грозитъ за ягненка!“
- „Ну, плохо жь! Но авось тебя укроетъ Климъ“.
- „Охъ, Вася, у него зарѣзалъ я теленка...“
- „Что вижу, кумъ? ты всѣмъ въ деревнѣ
насолилъ!“—

Сказалъ тутъ Васька волку:—
„Какую жь ты себѣ защиту здѣсь сулилъ?
Нѣтъ, въ нашихъ мужичкахъ не столько мало
толку,

Чтобъ на свою бѣду тебя спасли они.
И правы, — самъ себя вини:
Что ты посѣялъ, то и жни“.

Крыловъ.

Л и с и ц а .

„Лисанька-лиса — всему міру краса!“ говоритъ нашъ народъ. Красота лисицы—въ ея пушистой рыжеватой шерсти, и особенно красивъ ея хвостъ, подобнаго которому нѣтъ ни у одной собаки и ни у одного нашего пушного звѣря; красивы также ея быстрыя увертливья движенія. Но ея острая морда съ оскаленными зубами, ея злобные глаза, ея длинныя и тонкія ноги совсѣмъ некрасивы; и если чело-вѣкъ, которому она сильно вредитъ своимъ хищничествомъ, все-таки относится къ лисѣ не съ ненавистью, какъ напр., къ волку, то это потому, что въ лисицѣ замѣчается много ума, смѣтки, сообразительности, а люди это цѣнятъ даже въ звѣряхъ.

Красива лисица, когда она бѣжитъ по гладкому снѣжному полю, красива ея красноватая шкура на этомъ бѣлоснѣжномъ широкомъ полѣ. Шумъ и гамъ, лай собакъ и звукъ роговъ гонятся за нею. Вотъ-вотъ одна породистая борзьяка уже настигаетъ ее... Вотъ она схватитъ ее за хвостъ! Но въ одно мгновенье хитрая лисанька поворачиваетъ этотъ хвостъ на сторону, а сама кидается въ противоположную сторону, — и обманутыя ею собаки проносятся мимо; когда же опять повернуть на ея слѣдъ, то она несется уже далеко впереди нихъ.

Жадность у лисицы и прожорливость ея почти такія же, какъ у волка; она ничѣмъ не брезгуетъ: зайца закусываетъ саранчой, послѣ утки съ удовольствіемъ счавкаетъ рака, который нечаянно уцѣпился за ея хвостъ, пока она полоскалась въ водѣ, подкрадываясь къ сонной уткѣ; не попадется крупной добычи, — она и мышку изловить, ящерицѣ спуску тоже не дастъ; ежа будетъ катать лапкой до тѣхъ поръ, пока бѣдняга не ослабѣетъ и не развернетъ своего клубочка, и тутъ острая морда лисы съ оскаленными зубами впивается ему въ животъ, и въ одну минуту отъ ежика остается только шкурка, покрытая иглами, да лапки съ коготками.

А сколько бѣдъ она творитъ въ курятникахъ!

И ничѣмъ нельзя огородить курятникъ такъ, чтобы въ него не пробралась осторожная, хитрая и „ползучая“ лисанька.

Вотъ у кавказскаго крестьянина курятникъ огороженъ каменной стѣной. Но это все равно: лисанька перелѣзетъ черезъ всякую стѣнку. Положимъ, возлѣ стѣны растеть колючій терновникъ и цѣпкая ежевика; но развѣ она слѣпая дура, чтобы не сумѣть отогнуть все вѣтки съ иглами и не наступить на нихъ, не наколоть свои нѣжныя, пушистыя лапки? Да, наконецъ, можно вѣдь и подрыться подъ стѣнку курятника, какъ бы глубоко ни лежали камни. Она сейчасъ же бойко начнетъ рыть, рыть и выбрасывать землю и меньше чѣмъ въ десять минутъ очутится въ курятникѣ. Осмотритъ, обнюхаетъ, встряхнется и стремглавъ кинется прежде всего на пѣтуха, дремлющаго на насѣстѣ; она знаетъ, что, если ей удастся сперва придушить горластаго пѣтуха, то крика куръ ужъ ей нечего бояться.

И, дѣйствительно, пѣтуха она сцапала такъ быстро и такъ деликатно, что несчастный „пѣтушокъ-золотой гребешокъ“ не успѣлъ и пикнуть; затѣмъ придушила двухъ куръ и остановилась. Вѣроятно, она разсуждаетъ при этомъ такъ: за пѣтуха и двухъ куръ не сильно вступятся, а если я придушу цѣлый курятникъ, то, пожалуй, и до моей норы доберутся, и тогда не сносить мнѣ моей головушки.

И вотъ тихо, безъ шума, она утаскиваетъ одну за другой двухъ куръ и пѣтуха. Она тщательно скрываетъ слѣды преступленія, задѣлываетъ прорытый ею ходъ такъ, что бѣдный крестьянинъ на другое утро долго почесываетъ себѣ голову и недоумѣваетъ: куда же дѣвались его курочки и пѣтухъ?

Любитъ лиса и полакомиться: сладкіе фрукты и сочный виноградъ. яйца куропатки,— все это очень ей по вкусу; но лучше всего — медъ! Вотъ только

пчелы... Лисанька очень хорошо знаетъ, что это за народъ. Его лучше не тронь и ступай дальше. Но лиса, добравшись до улья, не можетъ удержаться и пройти мимо. Она садится невдалекѣ отъ улья, смотритъ и облизывается, а пчелы какъ нарочно жужжать, снуютъ, пролетаютъ мимо и все проходятъ въ улей. Такъ бы и полетѣла за ними! Тамъ, въ ульѣ, все, вѣроятно, полно меду,—самаго сладкаго, ароматнаго меду! Проходитъ больше получаса. Лисанька все колеблется между медомъ и пчелинымъ жаломъ. Наконецъ, подумала: „Э, да что же? Развѣ въ первый разъ возиться съ этой мелюзгой! Скорѣе впередъ“,— и вдругъ быстро, стремглавъ кинулась къ улью и опрокинула его.

Цѣлая туча пчелъ поднялась изъ него и облѣпила ее всю. Она жамкнула разъ и два самую середину сотовъ, облизываясь отбѣжала на нѣсколько шаговъ и начала кататься по землѣ и счищать пчелъ, впившихся въ ея морду. Не прошло и пяти минутъ, какъ всѣ пчелы, запутавшіяся въ ея шубѣ были передавлены; притомъ жала ихъ не могли причинить много уколовъ въ ея длинномъ пушистомъ мѣху, а морда... Да, морда ужасно саднить!

Но лисанька знаетъ, что если тереть ужаленное мѣсто о землю, то боль становится не такъ чувствительной. И она третъ, съ усердіемъ третъ и, вѣроятно, думаетъ: „Нѣтъ розы безъ шиповъ. Ну, да ладно! Я же не мало передавила и ихъ! Будутъ меня помнить!..“ На другой день ея морду всю раздуло, и она могла смотрѣть только однимъ глазомъ, да и то не всѣмъ.

Такъ охотится и лакомится лѣтомъ лиса. Но вотъ настаетъ зима —тяжелая безкормица и долгій постъ.

Зимой нѣтъ ни тетеревова, ни куропатокъ, ни даже дрянной трясогузки. Всѣ куда-то попрятались.

Бѣжить лисанька зимой по лѣсу, бѣжить, торопится,—какъ вдругъ хлопъ!.. Щелкнула пружина, и лисанькину ножку сдавилъ большой капканъ, который поставилъ охотникъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ никакъ не ожидала лисанька бѣды.

Лисица громко взвизгнула, дернула нѣсколько разъ ногу, но она—ни съ мѣста: капканъ держитъ ее исправно.

Туда—сюда... мечется, прыгаетъ лисанька и, наконецъ, отъ нестерпимой боли и отъ испуга забываетъ всю свою осторожность и начинаетъ неистово визжать и лаять.

А этого только и ждутъ ея лѣсные враги—всѣ птицы и пичужки, которымъ она такъ досадила въ своей жизни.

Съ крикомъ и гамомъ они слетаются со всѣхъ сторонъ и поднимаютъ такой неистовый крикъ, отъ котораго просыпается весь лѣсъ, всѣ его звѣри и птицы. Всѣ радуются бѣдѣ, всѣ торжествуютъ побѣду надъ хитрымъ, такъ сильно досаждавшимъ имъ хищникомъ.

Какъ будто сознаютъ, что хищничество должно преслѣдовать и истреблять даже въ жизни звѣрей...

Домашняя собака.

1. Изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ, прирученныхъ въ незапамятное время первобытнымъ человекомъ, легче всего, вѣроятно, приручилась собака. Въ отдаленные вѣка она слѣдовала по пятамъ человека-охотника, подбирая и доглядывая всѣ остатки его

добычи, которую онъ не могъ всю съѣсть; уже и тогда она съ жадностью рылась въ кухонныхъ кучахъ и всякихъ отбросахъ, которые древній человѣкъ оставлялъ отъ своего скуднаго обѣда.

Человѣкъ привыкъ къ этому спутнику, а такъ какъ собака, несмотря на свой хищный нравъ, не причиняла ему никакого вреда, то онъ и не гналъ ее отъ себя. Собака же, понимая всю выгоду своей близости къ человѣку, жалась поближе къ его жилью или сопровождала охотника въ его перекочевкахъ съ мѣста на мѣсто. Такъ какъ всякая охота человѣка доставляла и ей сытость, то она весело отправлялась съ нимъ на поиски добычи; владѣя отъ природы тонкимъ чутьемъ, она помогала отыскивать звѣря, выгоняла изъ затаенныхъ уголковъ лѣса дичь и всячески подслуживалась охотнику, чтобы получить потомъ и свою долю. И человѣкъ награждалъ ее за ея услуги и помощь; со временемъ онъ понялъ, что эта помощь велика: если случалось, что раненый имъ звѣрь нападалъ на него, то собака съ остервенѣніемъ вступала съ нимъ въ борьбу и спасала отъ гибели человѣка. Чувство благодарности къ ней за свое спасеніе заставляло человѣка ласкать собаку, кормить ее; это, въ свою очередь, привязывало собаку къ человѣку.

Такъ постепенно шло сближеніе двухъ друзей, и жизнь ихъ въ концѣ концовъ стала неразлучной: охотникъ безъ собаки не добудетъ много дичи; пастухъ безъ собаки не убережетъ стада отъ хищника-волка; земледѣлецъ и житель города держать собакъ для охраны своего добра. А сколько еще другихъ занятій выдуманно для собакъ!

2. Вотъ въ нѣмецкомъ городѣ по улицамъ движется маленькая телѣжка, вся уставленная жестя-

ными кувшинами съ молокомъ; за ней идетъ старуха, которая по временамъ останавливаетъ телѣжку то у одного дома, то у другого, беретъ кувшинъ молока, уходитъ въ дверь дома, долго оттуда не возвращается, а телѣжка стоитъ. Кто же ее оберегаетъ?

Да не кто другой, какъ большая собака, впряженная въ эту же телѣжку! Она и возитъ молоко, она его и охраняетъ. И пусть-ка попробуетъ другая собака подойти къ молоку, — ого, какое грозное рычанье раздастся! Настоящій хозяинъ, да и только: не тронь, моль, моего молока!

Возвращается хозяйка съ пустымъ кувшиномъ, ставитъ его на телѣжку, и отправляются они дальше.

Наконецъ, развезутъ все молоко, заѣдутъ еще въ лавки, купятъ, что надо по хозяйству, и старушка усаживается въ телѣжку; а собака легкой рысцой направляется въ деревушку, находящуюся вблизи города.

3. А вотъ на далекомъ сѣверѣ, въ странѣ вѣчнаго снѣга, гдѣ зимою стоятъ лютые морозы, эскимось собрался въ гости къ своему сосѣду; сосѣдь этотъ живетъ совѣмъ недалеко — всего за двѣсти верстъ...

У насъ къ такому сосѣду нечего думать и на лошади доѣхать, а эскимось вытаскиваетъ изъ юрты длинныя легонькія саночки, сзываетъ штукъ десять своихъ полуголодныхъ собакъ, впрягаетъ ихъ и только гикнетъ, какъ вся стая бросается стремглавъ и мчится по безконечному снѣжному полю съ быстротою вѣтра.

Случается, что жильѣ сосѣда, къ которому отправляется эскимось, въ бурю занесло совѣмъ снѣгомъ, такъ что и слѣда этого жилья не видать, и не при-

мѣтитъ его человѣчьему глазу. Собаки, добѣжавъ до такого мѣста, останавливаются, какъ вкопанныя, и начинаютъ махать хвостами. Эскимось уже знаетъ, что это значить, встаетъ, беретъ лопату и разгребаетъ снѣгъ, подъ которымъ оказывается жильё со-сѣда.

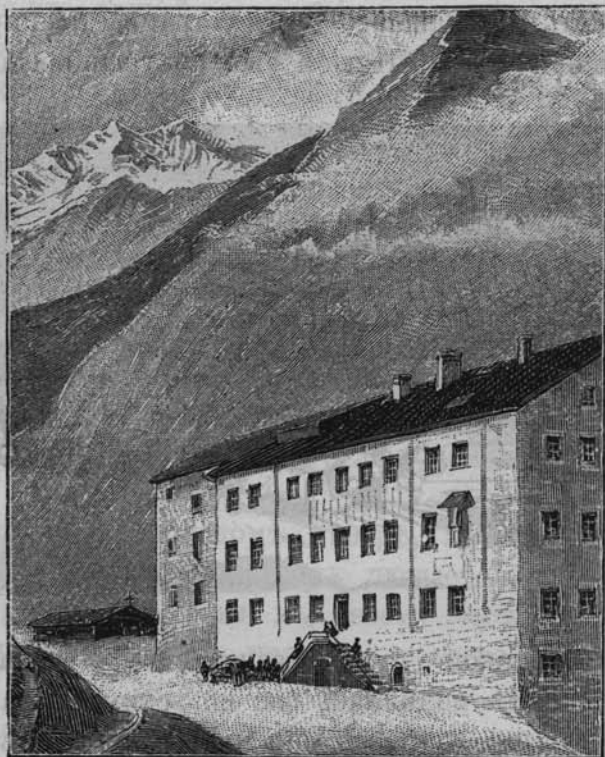
Въ честь пріѣхавшаго гостя устраивается пирушка: достаютъ изъ ямъ зарытую и уже полусгнившую рыбу,

отъ которой такой „духъ“ разить, что у всякаго чело-вѣка тошнота поднялась бы; но эскимосы такую-то рыбу и любятъ, — свѣжей они не стануть и ѣсть, а непременно прежде зарюють ее въ землю, чтобъ она тамъ хорошенько прогнила и стала „вкусной“. Ъдятъ эскимосы свою полусгнившую „вкусную“ рыбу да похваливаютъ; рыбы кости, головки и хвостики выбра-сываютъ собакамъ, — вотъ и весь кормъ этихъ бы-стрыхъ бѣгуновъ. Да и этотъ кормъ имъ достается не часто, — такъ не часто, что они, получая его, крѣпко запоминають то счастливое мѣсто, гдѣ случилось имъ

сладко попировать. И через годъ даже узнаютъ это мѣсто, и сквозь снѣгъ пронохаютъ его.

4. Собаки бываютъ разныхъ породъ, и каждая порода отличается отъ другой не только по виду, но и по своимъ способностямъ. Изъ всѣхъ породъ самая

замѣчательная — сенъ-бернарды. Собаки этой породы очень крупны и необыкновенно умны. Ихъ выучили разыскивать въ горахъ подъ снѣгомъ замерзающихъ людей.

На высокихъ Альпійскихъ горахъ, въ Швейцаріи, есть монастырь святого Бернарда. Горы эти поднимаются высоко-высоко и покрыты круглый годъ снѣгомъ.

Самый легкій вѣтеръ скоро превращается здѣсь въ снѣжную бурю. Прохожій, мало знающій горныя тропочки, во время такой бури скоро сбивается съ дороги, быстро устаетъ и чувствуетъ необычайную сонливость; стоитъ ему поддаться этой сонливости, и онъ, засыпая, начинаетъ замерзать. Или же, въ вихрѣ бури, онъ поскользнется, оступится съ узкой горной тропинки и падаетъ куда-нибудь на уступъ горы; тамъ его, израненнаго, заноситъ снѣгомъ.

Каждое утро изъ монастыря выходитъ два-три монаха; при нихъ—нѣсколько сенъ-бернардскихъ собакъ. Собаки долго принюхиваются къ воздуху, потомъ разбѣгаются въ разныя стороны.

Вотъ одна уже принялась разрывать лапами снѣгъ; тамъ, подъ снѣгомъ, лежитъ человѣкъ; онъ не замерзъ еще: снѣгъ прикрылъ его,—снѣгъ и сохранилъ его отъ смерти. Собака начинаетъ лизать лицо и руки этого человѣка и согрѣваетъ его своимъ дыханіемъ. Человѣкъ открываетъ, наконецъ, глаза; надъ нимъ—громадная собака, а на шеѣ у нея—бочонокъ съ виномъ.

Согрѣвшимися руками онъ открываетъ бочонокъ, собака смиренно стоитъ прямо надъ нимъ; человѣкъ выпиваетъ вина, и оно живительно согрѣваетъ его.

Тогда умное животное начинаетъ лаять, виляя хвостомъ,—лаять не на человѣка, а въ ту сторону, гдѣ идутъ оставшіе отъ нея монахи. Тѣ торопятся, приходятъ и помогаютъ очнувшемуся человѣку подняться или же берутъ его на носилки и несутъ въ монастырь. Сенъ-бернардъ идетъ впереди нихъ, выбирая самую удобную и безопасную дорогу.

Другой сенъ-бернардъ спустился по уступамъ горы и разыскалъ свалившагося и израненнаго человѣка.

Этотъ бѣдняга не открываетъ глазъ, не протягиваетъ рукъ къ бочонку съ виномъ... Сень-бернардь воображаетъ, что тутъ дѣло совсѣмъ плохо, и бѣжитъ обратно къ монахамъ; громкимъ лаемъ онъ

даетъ имъ знать, что тамъ нужна ихъ помощь. Они идутъ вслѣдъ за нимъ; прекрасное животное приводитъ ихъ къ мѣсту несчастья и даетъ людямъ возможность проявить свою любовь и оказать помощь несчастному страдальцу.

Какая польза отъ рѣкъ.

Хорошо той странѣ, гдѣ есть много большихъ рѣкъ! По рѣкамъ люди ѣздятъ на лодкахъ и пароходахъ;

по нимъ перевозятъ хлѣбъ, дрова, желѣзо и всякіе товары, которыхъ въ одномъ мѣстѣ гдѣ-нибудь много, а въ другомъ — мало. Весной, когда рѣки очень богаты водою, по нимъ сплавляютъ лѣсъ.

Для этого срубленные стволы деревьевъ связываютъ по сто штукъ и болѣе: выходитъ плотъ; плоты плывутъ по теченію рѣки до какого-нибудь города; гамъ у пристани они останавливаются, и ихъ разбираютъ по бревну. Крѣпкія бревна распиливаются на доски, а плохія идутъ на дрова.

Но рѣки важны для людей не только какъ удобныя и дешевыя дороги: рѣки даютъ еще воду, которой нужно людямъ очень много, — и для питья, и для стирки, и для купанья, и для фабрикъ, и для заводовъ.

Весною рѣки разливаются, и послѣ половодья на береговыхъ лугахъ вырастаетъ прекрасная сочная и густая трава; траву скосятъ, и сѣномъ кормятъ многое-множество лошадей, коровъ и овецъ. Кромѣ всего этого, рѣки даютъ намъ рыбу и раковъ.

Сколько людей находятъ себѣ заработокъ на рѣкѣ и по берегамъ ея! Одни служатъ на пароходахъ и судахъ, другіе нагружаютъ барки, третьи сплавляютъ лѣсъ, иные занимаются рыбной ловлей, а иные строятъ пароходы, барки, дѣлаютъ лодки, плетутъ сѣти и т. д. — всѣхъ занятій сразу и не перечесть.

Не даромъ и въ русской пѣснѣ поется:

„Гой ты, Днѣпръ, ты нашъ широкій!
Лейся быстрою волной!
Днѣпръ широкій и глубокій,
Ты — кормилецъ нашъ родной!..“

Рѣки Россіи.

Въ Россіи очень много рѣкъ. Есть у насъ и большія рѣки, которыя пробѣгаютъ тысячи верстъ, есть и меньшія, длиною всего въ нѣсколько верстъ. Рѣки текутъ или въ море, или въ озеро; но если рѣка не доходитъ до моря или до озера, а впадаетъ въ другую рѣку, то такая рѣка называется притокомъ.

У нашихъ большихъ рѣкъ много притоковъ, которые приносятъ своей главной рѣкѣ большое количество воды.

Такія рѣки, по которымъ могутъ свободно плавать пароходы и всякія суда, называются судоходными рѣками.

Главные рѣки Европейской Россіи слѣдующія: Волга, Днѣпръ, Донъ, Уралъ, Сѣверная Двина, Печора, Западная Двина, Висла.

Изъ нихъ самая длинная и судоходная рѣка — Волга. Многимъ тысячамъ людей она доставляетъ работу, и русскій народъ съ любовью называетъ ее „матушка Волга“.

Въ Азіатской Россіи Сибирь тоже богата большими рѣками. Рѣки Сибири еще длиннѣе и полноводнѣе, чѣмъ рѣки Европейской Россіи.

Важнѣйшія рѣки Сибири слѣдующія: Обь, Енисей, Лена, Амуръ, Сыръ-Дарья и Аму-Дарья.

Откуда и куда текутъ рѣки?

Хороша широкая, многоводная рѣка! Привольно по ней бѣгутъ пароходы съ сотнями пассажировъ, плывутъ тяжелыя, нагруженныя до верху барки, тянутся одинъ за другимъ плоты, мелькаютъ то тамъ, то сямъ лодки, — всѣхъ ихъ несетъ на себѣ рѣка, и всѣмъ имъ легко итти по ея теченію. По широкой, судоходной рѣкѣ люди перевозятъ такія тяжести, какихъ по землѣ не свезти и на сотнѣ лошадей.

Особенно красива большая рѣка весною, когда она выступаетъ изъ своихъ береговъ и разливается вширь на далекое пространство; и съ каждымъ днемъ вода въ ней прибываетъ, подымается все выше и заливаетъ прибрежныя мѣста, — и рѣка кажется тогда необъятнымъ моремъ.

Откуда же берется вода въ рѣкѣ? И почему и куда эта вода безостановочно все бѣжитъ?

Если поѣхать по рѣкѣ противъ ея теченія и такъ ѣхать долгое время, то можно замѣтить, что рѣка

становится все ўже и ўже; наконецъ, доберешься до такого мѣста, гдѣ и проѣхать нельзя даже на самой маленькой лодочкѣ: рѣка тамъ уже не рѣка, а просто ручеекъ.

Если будешь идти по берегу этого ручейка, то можешь иногда добраться и до того мѣста, откуда она вытекаетъ: это будетъ или болото, или озеро, или же родникъ воды, вытекающій изъ-подъ земли (такіе родники называются иначе источниками, или ключами). Вотъ это мѣсто, гдѣ начинается рѣка, и называется истокомъ рѣки.

Не у всѣхъ рѣкъ, однако, истоки находятся въ болотахъ, озерахъ или родникахъ: есть множество рѣкъ, которыя текутъ съ горъ. Тамъ, на высокихъ горахъ, скопляется много снѣгу; этотъ снѣгъ мало-по-малу подтаиваетъ снизу, и вода изъ-подъ него просачивается въ разныхъ мѣстахъ маленькими струйками; струйки сливаются вмѣстѣ и катятся внизъ по склону горы въ видѣ узенькаго ручейка. По дорогѣ ручеекъ встрѣчается со множествомъ такихъ же проворныхъ и весело журчащихъ ручейковъ, соединяется съ ними, — и вотъ по косому склону горы бѣжитъ уже шумный потокъ. Нѣсколько такихъ потоковъ у подошвы горы сливаются вмѣстѣ, и образуется горная рѣчка, которая съ страшной быстротою прокладываетъ себѣ дорогу въ ближайшую долину, куда направляются и съ другихъ горъ ручьи и рѣчки; изъ нихъ - то въ долину образуется широкая и многоводная рѣка.

И рѣки, вытекающія изъ озеръ или болотъ, или берущія свое начало изъ подземныхъ родниковъ, тоже сначала текутъ узенькимъ ручейкомъ. Эти ручейки встрѣчаются съ другими, сливаются съ ними и пре-

вращаются въ рѣчки. Когда нѣсколько рѣчекъ соединится, то составляется большая рѣка, получающая свою воду отъ всѣхъ своихъ многочисленныхъ притоковъ.

Углубленіе, по которому протекаетъ рѣка, называется ложбиной, или русломъ рѣки; края этого углубленія называются берегами; одинъ изъ нихъ считается правымъ берегомъ, другой — лѣвымъ. Люди рѣшили называть правымъ берегомъ тотъ, который будетъ на правой сторонѣ, если человѣкъ станетъ лицомъ въ ту сторону, куда течетъ рѣка; а лѣвый, конечно, тотъ, который будетъ слѣва у человѣка, стоящаго лицомъ по теченію рѣки.

Рѣки, вытекающія изъ озеръ или болотъ, не бѣгутъ такъ быстро и шумно, какъ тѣ, которыя берутъ свое начало съ горъ. Но все-таки во всякой рѣкѣ вода не стоитъ, а течетъ безостановочно, потому что истоки рѣки всегда находятся на возвышенномъ мѣстѣ; это возвышенное мѣсто имѣетъ склонъ въ какую-нибудь сторону; по этому-то склону вода и направляется, прокладывая себѣ дорогу туда, гдѣ мѣстность становится все ниже и ниже.

И бѣжить, течетъ вода въ рѣкѣ до тѣхъ поръ, покуда не встрѣтитъ самаго низкаго мѣста: тамъ только она и остановится. Самыя же низкія мѣста, т.-е. углубленія земли, заняты морями и озерами: вотъ рѣки и направляются въ эти моря или озера.

То мѣсто, гдѣ рѣка оканчивается и впадаетъ въ море или въ озеро, называется устьемъ рѣки.

Дологъ путь рѣки отъ ея истока до устья! И сколько изгибовъ, излучинъ и поворотовъ сдѣлаетъ иная рѣка, пока доберется до далекаго моря!

М о р е.

Человѣку, никогда не видавшему моря, очень трудно представить его себѣ мысленно; самая большая рѣка, какъ напр., Волга во время весенняго разлива, едва-едва можетъ дать намъ понятіе о морѣ. И всякій, кто въ первый разъ увидитъ предъ собою

безбрежное море, будетъ пораженъ величественнымъ видомъ его.

Хорошо оно, когда, отражая въ себѣ небо, солнце и облака, выпукло лежитъ, раскинувшись на необозримое пространство. Цвѣтъ морской воды совсѣмъ особенный, какого нигдѣ — ни въ рѣкѣ, ни въ прудѣ, ни въ озерѣ — не увидишь: онъ или свѣтло-зеленоватый, или синій. Когда стоишь на берегу моря въ

тихую погоду, то передъ глазами разстиляется такая огромная поверхность этой необыкновенно прекрасной синева-зеленой воды, что и конца ей не видно: глаза не различаютъ, гдѣ кончается море и гдѣ начинается небо, — кажется, будто тамъ, далеко-далеко, море сходится съ небомъ. Большіе корабли, плывущіе вдали по морю, кажутся съ берега крохотными жучками: такая страшная даль отдѣляетъ ихъ отъ насъ!

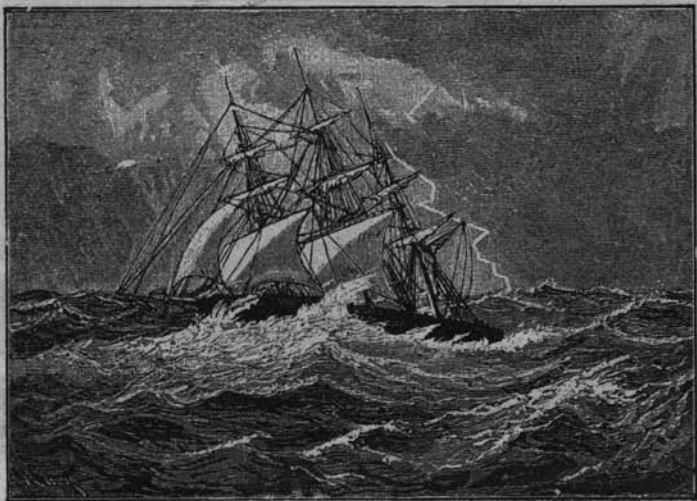

Чудно-прекрасенъ видъ моря въ тихую погоду! Но въ бурю оно страшно: все оно колышется, вздымается, а высокіе валы съ пѣнистыми бѣлыми гребнями бѣгутъ одинъ за другимъ безконечными рядами. Съ шумомъ и рокотомъ набѣгаютъ они на скалистые берега, но, встрѣтивъ высокія каменные стѣны, ударяются о нихъ, рассыпаются милліонами брызгъ и съ ревомъ и плескомъ рушатся въ море, уступая свое мѣсто другимъ, непрерывно набѣгающимъ волнамъ.

Жутко становится на душѣ при видѣ этого грознаго, разъяреннаго моря, — даже если стоишь на высокой скалѣ и знаешь, что волны его не достигнуть до тебя.

Каково же въ такую бурю кораблямъ посреди моря?!

Море бросаетъ ихъ, какъ мячикъ; волна то подхватываетъ корабль на свою кипящую вершину, то

разступается подъ нимъ, и судно вдругъ погружается въ пучину, а справа и слѣва отъ него поднимаются новые водяные валы и грозятъ залить собою всю палубу и смыть оттуда людей, какъ букашекъ: смерть ежеминутно грозитъ мореплавателямъ...

Не даромъ пословица говоритъ: „Кто на морѣ не бываль, тотъ и горя не видалъ“.

Зачѣмъ же люди пускаются въ море? Зачѣмъ они подвергаютъ себя такой смертельной опасности?

А затѣмъ, что въ далекихъ странахъ, лежащихъ за морями, есть такіе предметы, которые людямъ по-

вседневно нужны, но которыхъ у насъ нѣтъ. Вотъ, напр., резина: нужна она и ученикамъ, нужна и на калоши, и на пожарныя трубы, и еще для многихъ тысячъ вещей, — а гдѣ ее достать? Въ нашей странѣ ея нѣтъ, и надо за нею отправляться въ заморскія страны. И многое-множество разныхъ предметовъ привозятъ изъ-за морей на корабляхъ; ихъ всѣхъ не перечислить, но вотъ главнѣйшіе изъ нихъ: чай, кофе, рисъ, шоколадъ, лимоны, апельсины, изюмъ, ладанъ, резина, вино, машины, сталь и пр. и пр.

Кромѣ того, что корабли перевозятъ многочисленныя и разнообразныя товары, они служатъ еще и для переѣзда людямъ: ежегодно тысячи народа изъ разныхъ приморскихъ городовъ отправляются по своимъ дѣламъ въ далекія страны, садятся на морскіе пароходы и плывутъ черезъ моря и океаны, моля Создателя о тихой, ясной погодѣ на все время своего переѣзда.

И не одни они молятся о счастливомъ окончаніи своего путешествія: наша православная Церковь трогательно и любвеобильно возсылаетъ тоже въ каждую службу свои моленія къ Творцу: „О плавающихъ, путешествующихъ“... молимся мы за всѣхъ людей, которые гдѣ-то тамъ, далеко отъ насъ, подвергають свою жизнь большой опасности.

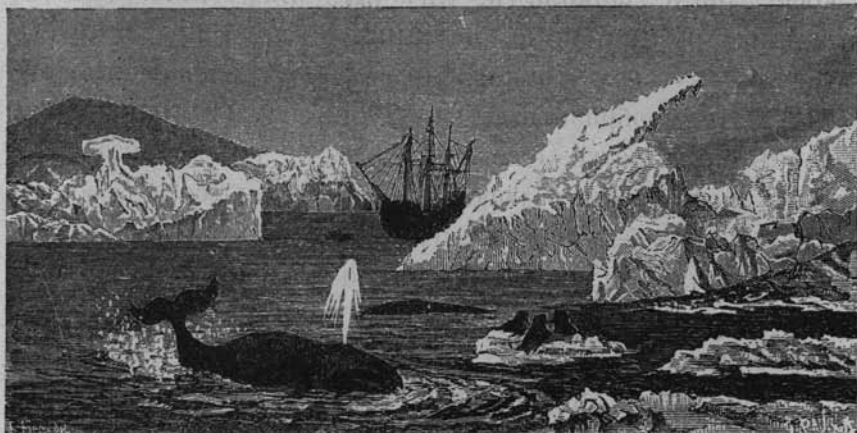
М о р я Р о с с і и.

Хотя море и страшно, и опасно своими бурями, но не всегда же гибнуть корабли: несчастія случаются все-таки рѣдко; зато оно представляетъ удобную, дешевую и часто единственную дорогу въ далекія страны. Вотъ почему каждое государство заботится о томъ, чтобы въ его владѣніяхъ были и моря.

И наша Россія долго и много воевала съ своими сосѣдями изъ-за того, чтобы они уступили ей нѣкоторыя моря.

Теперь наше обширное государство владѣетъ нѣсколькими морями; не всѣ они одинаково удобны для плаванья и не отъ всѣхъ ихъ одинаковая выгода.

Самыя важныя для насъ слѣдующія четыре моря: Бѣлое, Балтійское, Черное и Каспійское.

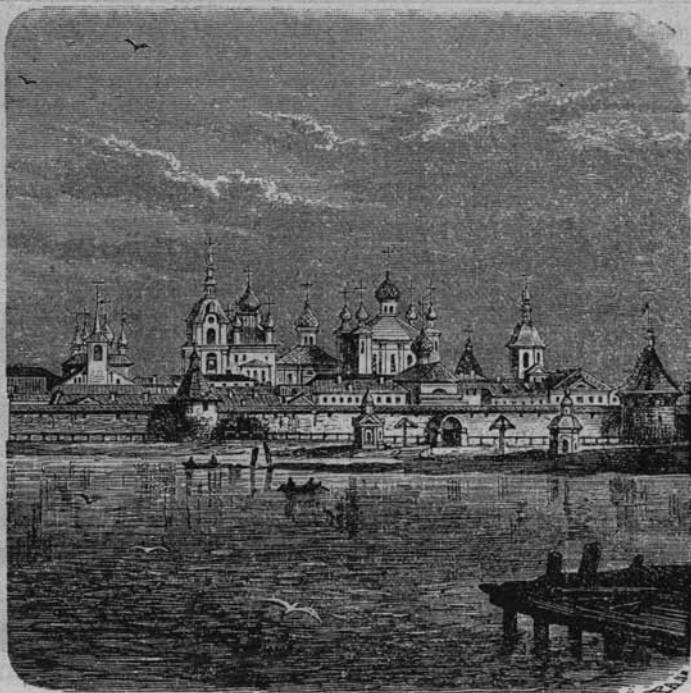

Бѣлое море лежитъ въ той странѣ Россіи, гдѣ всегда очень холодно: тамъ лѣто продолжается всего три недѣли, и люди не знаютъ, что такое жара; а зимою морозы такіе лютые, что дышать человѣку больно. По морю плаваютъ такъ много льдинъ, что все оно кажется бѣлымъ. Черезъ это море русскіе корабли отправляются только для охоты на огромныхъ морскихъ животныхъ — китовъ; ѣхать же въ чужія страны по Бѣлому морю неудобно изъ-за льдинъ и далеко, — большой кругъ придется сдѣлать.

Иностранные корабли пріѣзжаютъ къ намъ черезъ Бѣлое море разъ въ годъ — лѣтомъ, когда море свободно ото льда; они нагружаются у насъ лѣсомъ,

хлѣбомъ и пенькой (для веревокъ и канатовъ) и спѣшати отплыть отъ нашихъ береговъ, чтобы льдины не загромоздили имъ дороги.

На берегу этого холоднаго, непривѣтливаго моря находится только одинъ большой городъ — Архангельскъ. На Бѣломъ морѣ лежатъ знаменитые Соло-

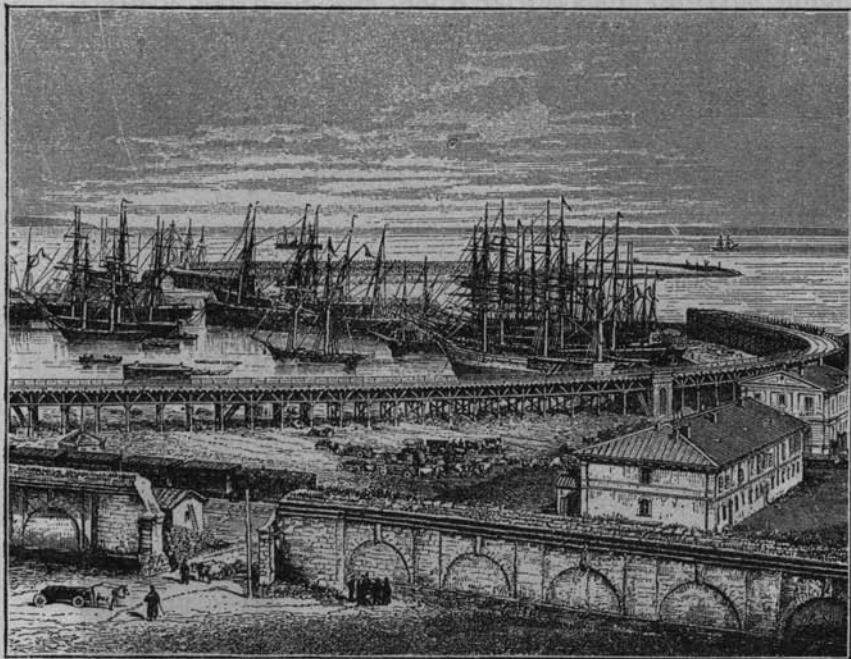

Соловецкій монастырь.

вецкіе острова; они знамениты своимъ стариннымъ монастыремъ, въ которомъ находятся мощи преподобныхъ Зосимы и Савватія; на поклоненіе имъ богомольцы собираются сюда съ разныхъ концовъ нашей обширной матушки-Руси.

Для торговли и отъѣзда въ чужія земли нашимъ кораблямъ есть другая дорога: это — Балтійское море.

На берегахъ его стоитъ много большихъ городовъ, какъ напр.: Петербургъ, Ревель, Либавъ, Рига. Множество кораблей приходитъ и отъѣзжаетъ отсюда, и каждый нагруженъ товарами. Тысячи людей день и ночь работаютъ тамъ, таская кули и тюки то на пароходы, то съ пароходовъ.

Одесскій портъ.

Привезенные къ намъ товары отправляютъ по желѣзнымъ дорогамъ внутрь страны, въ разные города и деревни.

Такимъ образомъ, и люди, живущіе далеко отъ моря, пользуются все-таки его услугами.

Но и Балтійское море не совсѣмъ хорошо: оно не такъ глубоко, какъ другія моря, и потому въ него не отправляютъ самыхъ большихъ кораблей, которые

могли бы привезти еще больше товаровъ; кромѣ того, на Балтійскомъ морѣ бывають часто туманы, и это мѣшаетъ пароходамъ смѣло и быстро итти впередъ: капитаны должны опасаться, чтобы не столкнуться съ другимъ пароходомъ и не потопить грузъ и пассажировъ.

Черное море гораздо глубже Балтійскаго моря и потому удобнѣе его: здѣсь плавають самыя большіе наши корабли и перевозятъ пассажировъ и различные товары.

Хотя оно и называется Чернымъ, но вода въ немъ на видъ такая же синяя, какъ и въ другихъ моряхъ; только во время бури оно дѣлается темнымъ, почти чернымъ.

Лежить оно на югѣ Россіи, т.-е. въ теплой ея сторонѣ. На берегу Чернаго моря находится много большихъ торговыхъ городовъ: Севастополь, Феодосія, Евпаторія и другіе, но лучший изъ всѣхъ — Одесса. Изъ Одессы отходятъ пароходы въ самое далекое плаваніе; отсюда же выѣзжаютъ и всѣ тѣ богомольцы, которые съ разныхъ концовъ Россіи направляются въ городъ Іерусалимъ, въ Святую землю.

По Каспійскому морю ходитъ мало пароходовъ; это потому, что по берегамъ его нѣтъ богатыхъ странъ, которыя могли бы торговать съ нами своими товарами.

Только рыбой своей славится Каспійское море; особенно много рыбы ловится при устьѣ Волги: тутъ сотни рабочихъ заняты рыболовствомъ, сотни женщинъ чистятъ рыбу, солятъ и вялятъ ее на солнцѣ. Вяленая рыба (вобла, тарашъ) развозится по всей Россіи и продается очень дешево, такъ что ею могутъ пользоваться и самыя бѣдные люди.

Вотъ какую разнообразную пользу доставляютъ всеѣмъ людямъ моря: богатые люди получаютъ дорогіе заморскіе товары; бѣдняки находятъ себѣ тамъ работу; жители одной страны отправляютъ моремъ то, чего у нихъ много (напр.: хлѣбъ, лѣсъ, чай, желѣзо) въ другія страны, гдѣ нуждаются въ этихъ предметахъ.

О к е а н ъ .

Много въ моряхъ воды, — конца ей не видать, а все-таки есть на свѣтѣ кое-что гораздо больше моря и глубже его, это — океанъ.

Въ океанѣ такое огромное количество воды, что, кромѣ тѣхъ морей, которыя теперь есть, могло бы выйти еще нѣсколько сотенъ ихъ.

Море, это — только небольшая часть океана, лежащая возлѣ суши; но если корабль проѣдетъ море и удалится отъ суши, то онъ входитъ въ океанъ. Океанъ окружаетъ сушу со всеѣхъ сторонъ, и суша на немъ расположена какъ бы громадными островами.

Большое пространство суши, окруженное со всеѣхъ сторонъ океаномъ, называется материкомъ.

Материковъ три: Восточный, Западный и Южный.

Самый большой изъ нихъ — Восточный; онъ состоитъ изъ трехъ частей: Азіи, Африки и Европы; Западный материкъ считается четвертой частью свѣта и называется Америкой; небольшой Южный материкъ составляетъ пятую часть свѣта и называется Австраліей.

Тремя материками всемірный океанъ дѣлится на части, которыя носятъ особыя названія: Великій или Тихій океанъ, Атлантическій океанъ, Индійскій океанъ, Сѣверный Ледовитый и Южный Ледовитый океаны.

Такимъ образомъ, суша дѣлится на пять частей свѣта, и всемірный океанъ дѣлится тоже на пять океановъ.

Но воды гораздо больше на свѣтѣ, чѣмъ суши. Возьми листъ бумаги, раздѣли его на четыре равныя части; три части положи съ одной стороны и одну часть — съ другой: эти три части будутъ какъ бы вода, а одна часть — суша.

Мы знаемъ, что на сушѣ живетъ множество людей и животныхъ: люди понастроили городовъ и деревень, животныя заняли лѣса, — всѣмъ нужно не мало мѣста...

А океанъ занимаетъ втрое больше пространства, чѣмъ вся суша.

Казалось бы: зачѣмъ на свѣтѣ такъ много воды? Развѣ не лучше бы было, если бъ все то пространство, что занимаетъ теперь океанъ, занимала суша?

Какое раздолье было бы тогда людямъ! Они не тѣснились бы, и у каждаго земли было бы столько, сколько ему надо...

Такъ разсуждаетъ человѣкъ; но Богъ, въ Своей высокой премудрости, устроилъ все въ мірѣ ко благу людей и всего творенія, — и не напрасно въ океанѣ столько воды: вода океана нужна, чтобъ орошать сушу.

Понимаешь ли ты, что это значить?

Это значить: всѣ рѣки, протекающія по землѣ и приносящія столько пользы людямъ, всѣ ручьи, орошающіе поля и луга и помогающіе урожаямъ, всѣ озера, окруженныя зелеными лѣсами, да и всякій родникъ, всякая лужица, даже всякая капля дождя, какъ и всякая легкая снѣжинка, — все это идетъ къ намъ, расходится по всей землѣ, направляется въ

разныя страны все оттуда—изъ далекаго, обширнаго и богатаго водою океана.

Какъ это можетъ статься? Какъ изъ далекаго океана вода могла попасть, напимѣрь, въ нашъ колодець? И какъ это морская горько-соленая вода, противная на вкусъ и не годная для употребленія, сдѣлалась нашей прѣсной водой? Этому просто повѣрить трудно!

Ты правъ: этому трудно повѣрить, если не знаешь, какъ все это происходитъ. Но когда тебѣ разъяснять, какъ совершается это чудо, то ты поймешь и увидишь, что великая премудрость и сила Божія сотворила и творить ежедневно и ежеминутно дивныя дѣла.

Путешествіе воды.

Кому только не нужна вода: и травкѣ, и звѣрю, и птицѣ, и человѣку! Вотъ почему Богъ наполнилъ водою большія моря и огромные океаны. Но въ моряхъ вода горько-соленая, да и не всѣ живутъ у самого моря: какъ же очистить воду? какъ перенести ее за тысячи верстъ? какъ поднять на высокія горы?

Работу эту задалъ Господь прилежному солнышку. Своими теплыми лучами согрѣваетъ солнышко въ океанѣ воду, а согрѣтая вода мало-по-малу обращается въ легкіе, невидимые для глаза пары. Водяные пары оставляютъ соль въ морѣ, а сами поднимаются высоко-высоко кверху и кажутся намъ серебряными облаками на голубомъ небѣ.

Подымутся пары облаками; но не стоятъ же имъ надъ моремъ! Выходитъ тутъ на работу вѣтеръ и разноситъ громадныя облака, какъ легкія перышки, во всѣ стороны свѣта бѣлаго.

Въ каждомъ такомъ облакѣ такъ много воды, что если бы она вся разомъ хлынула на землю, то затопила бы города, села, людей и животныхъ. Но Господь устроилъ дѣло иначе: вода изъ облаковъ сѣется, какъ сквозь сито, мелкими каплями дождя, или же пары замерзаютъ тамъ, наверху, и опускаются къ намъ на землю въ видѣ пушистыхъ снѣжинокъ.

Освѣжить дождевая вода луга и нивы и начнетъ просачиваться въ землю; въ землѣ — капля за каплей — собирается она въ струйки; струйка пробирается къ струйкѣ, и изъ нихъ подъ землей образуется ручей. Люди роютъ колодцы и берутъ воду изъ этихъ подземныхъ ручьевъ.

А въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вода пробивается сама изъ-подъ земли свѣтлымъ, холоднымъ ключомъ.

Бьетъ ключъ и льется по землѣ ручейкомъ; пророешь себѣ ручеекъ русло въ землѣ и бѣжитъ, журчитъ по камешкамъ; встрѣтится со своимъ братомъ, такимъ же говорливымъ ручейкомъ, сольются и побѣгутъ они вмѣстѣ.

Бѣгутъ они вмѣстѣ, а къ нимъ по дорогѣ пристанетъ третій, четвертый, пятый товарищъ, — глядишь: уже порядочная рѣчка течетъ въ зеленыхъ берегахъ. Долго-долго бѣжитъ рѣчка по землѣ, пока не доберется до моря: ему она возвращаетъ ту воду, которую получила отъ него же.

Много воды вливаетъ рѣчка въ море, а солнце все работаетъ: опять поднимаетъ воду въ облака и высылаетъ ее, съ помощью вѣтра, по бѣлому свѣту.

Льются вѣчно рѣчки въ моря и никакъ вылиться не могутъ; черпаетъ вѣчно солнышко воду изъ морей и никакъ вычерпать не можетъ: такъ премудро устроилъ это дѣло Создатель!

Дождевыя капли.

Капля дождевая

Говорить другимъ:

„Что мы здѣсь въ окошко

Громко такъ стучимъ?“

Отвѣчаютъ капли:

„Здѣсь бѣднякъ живетъ;

Мы ему приносимъ

Вѣсть, что хлѣбъ растетъ“.

А. Плещеевъ.

В ъ т е р ь .

Вокругъ всей земли—воздухъ. Солнце нагрѣваетъ воздухъ, но не вездѣ и не всегда ровно. И воздухъ отъ этого не вездѣ одинаковъ; въ одномъ мѣстѣ онъ сильно разогрѣется, а въ другомъ остынетъ: отъ этого и бываетъ вѣтеръ.

Тяжелый, холодный воздухъ идетъ низомъ въ сторону легкаго, разогрѣтаго воздуха, а легкій, теплый воздухъ идетъ вѣрхомъ въ сторону холоднаго воздуха.

Такъ вѣчно и двигается воздухъ: изъ жаркихъ странъ въ холодныя идутъ теплые вѣтры, а изъ холодныхъ въ жаркія дуютъ холодные вѣтры.

С о л н ц е .

Выйди зимой въ тихій морозный день въ лѣсъ или въ поле, посмотри кругомъ себя и послушай: вездѣ снѣгъ, ручьи и рѣки замерзли, сухія травы безжизненно торчатъ изъ-подъ снѣга, на сучьяхъ деревьевъ снѣжная бахрома; насѣкомыхъ совсѣмъ нѣтъ; рѣдко увидишь звѣря и птицу. Все будто замерло и оцѣпенѣло.

Посмотри лѣтомъ: рѣки бѣгутъ, шумятъ, въ каждой лужицѣ лягушки кричатъ, птицы перелетаютъ, поютъ, мухи и комары вьются, жужжать; земля заросла травой, цвѣтами, а деревья весело шумятъ листвою. Вездѣ жизнь и веселье.

И все это отъ теплоты: гдѣ нѣтъ тепла, тамъ все мертво; гдѣ теплота, тамъ жизнь и движенье.

Откуда же берется тепло на свѣтѣ?

Теплота идетъ отъ солнца; значить, отъ солнца зависитъ на землѣ и жизнь, и движенье. Ходитъ солнце низко зимой, стороной отъ земли, посылаетъ намъ мало тепла, — и нѣтъ у насъ движенья: все точно замираетъ.

Станетъ солнышко выше ходить надъ землею, станетъ оно посылать къ намъ прямые лучи, — отогрѣется все на свѣтѣ, возрадуется. Станетъ весною снѣгъ таять, потрескается ледъ на рѣкѣ, полетится вода съ горъ, поднимутся пары изъ воды въ облака, пойдетъ дождь... Кто все это сдѣлалъ? — Солнце.

Оттаютъ въ согрѣтой землѣ сѣмена растений, выпустятъ ростки и корни, потомъ пойдутъ побѣги, начнутъ расти деревья и травы... Кто все это сдѣлалъ? — Солнце.

Разогрѣется въ одномъ мѣстѣ воздухъ, поднимется кверху, а на его мѣсто пойдетъ воздухъ похолоднѣе, — отъ этого произойдетъ вѣтеръ, нужный землѣ. Кто это сдѣлалъ? — Солнце.

Вырастутъ травы, хлѣба, плоды, деревья; насытятся животныя, напитаются люди и соберутъ еще корма и топлива въ запасъ на зиму. Кто все это имъ приготовилъ? — Солнце.

Человѣкъ построилъ себѣ домъ изъ бревенъ. Бревна вырублены изъ деревьевъ: деревья вырастило

солнце. Человѣкъ строитъ каменный домъ изъ кирпича и извести. Кирпичъ и известь обожжены дровами: дрова заготовило солнце.

Бѣтъ человѣкъ хлѣбъ, картофель, приготовляетъ изъ пеньки и льна ткани на одежду. Кто вырастилъ растенія?

Бѣтъ человѣкъ мясо, приготовляетъ мѣховую и шерстяную одежду. Кто выкормилъ животныхъ и птицъ? Травы и сѣмена растений. А растенія кто вырастилъ?

Все, что людямъ нужно, что идетъ имъ на потребу, все это заготавливается солнцемъ, и во всемъ много солнечнаго тепла. Кто заготовить себѣ на зиму хлѣбъ и дрова, тотъ запасается солнечнымъ тепломъ на холодное время.

А когда есть тепло, есть и движеніе. Какое ни на есть движеніе, — все отъ тепла; либо прямо отъ солнечнаго тепла, либо отъ того тепла, которое заготовило солнце въ углѣ, въ дровахъ, въ хлѣбѣ, въ мясѣ.

Лошади возятъ, люди работаютъ: что ихъ двигаетъ? Тепло. А откуда они взяли тепло?—Изъ корму. А кормъ заготовило солнце.

Водяныя и вѣтряныя мельницы вертятся и мельютъ. Кто ихъ двигаетъ?—Вѣтеръ и тепло. А вѣтеръ кто гонитъ?—Тепло. Оно же подняло и воду парами вверхъ, а безъ этого вода не поливала бы землю.

Паровозъ тянетъ поѣздъ, машина работаетъ, — ее движетъ паръ. А паръ кто дѣлаетъ?—Дрова. А въ дровахъ—солнечное тепло.

И тепло, и движеніе, и жизнь зависятъ отъ солнца.

Солнце и знаніе.

Вотъ уже таютъ снѣга,
Шумно потоки бѣгутъ;
Скоро и лѣсъ и луга
Въ новой красѣ зацвѣтутъ.
Въ небѣ такъ чисто, свѣтло...
Солнышку скажемъ привѣтъ:
Солнце даетъ намъ тепло,
Солнце приноситъ намъ свѣтъ.
Праздникъ весны засіялъ...
Пусть же и въ сердцѣ твоёмъ
Все, что изъ книгъ ты узналъ,
Яснымъ засвѣтитъ лучомъ.
Солнышкомъ правды согрѣтъ,
Возненавидишь ты зло.
Знанье приноситъ намъ свѣтъ,
Знанье даетъ намъ тепло!

Водовозовъ.

Закатъ солнца.

Угасающее солнце
Изъ-за темныхъ высей горъ
На широкій міръ бросаетъ
Свой послѣдній кроткій взоръ.
Но какъ свѣтель и спокоенъ
Этотъ взоръ!.. Взгляни, родной:
Солнце тихо угасаетъ,
Оставляя міръ земной.
Сознаетъ оно какъ будто
Въ свой послѣдній этотъ часъ,
Что добра и пользы много
Принесло оно для насъ:

Сколько жизни имъ согрѣто,
Сколько силъ оживлено,
Сколько радости и счастья
Приносило въ міръ оно!..

Счастливъ тотъ, кто, умирая
На закатъ долгихъ лѣтъ,
Съ этимъ сладостнымъ сознаньемъ
Оставляетъ Божій свѣтъ,—
И сказать себѣ онъ можетъ
Предъ могильною плитой:
„Я не даромъ жилъ на свѣтѣ,
Я исполнилъ долгъ святой“.

Г о р ы.

1. Всякій слыхалъ о горахъ, да не всякій видалъ ихъ. Жителямъ средней Россіи надо проѣхать не одну тысячу верстъ, чтобъ увидать настоящія высокія горы.

Горъ на землѣ очень много. Та страна, гдѣ есть горы, называется горной страной, а такая страна, гдѣ нѣтъ горъ, называется равниной. Не всѣ горы на землѣ одинаковой высоты: есть низкія, среднія и высокія горы. Низкой горой считается та, которая въ высоту имѣетъ не болѣе одной версты (это, примѣрно, какъ сто колоколенъ, поставленныхъ одна на другую), среднія горы — не больше трехъ верстъ; высокія же горы бываютъ въ четыре, въ пять, въ шесть и даже въ семь верстъ высоту.

Нижняя часть всякой горы называется подошвой, или основаніемъ ея; средняя часть (т.-е. бока) называется склономъ, а верхняя часть—вершиной горы.

Горы на землѣ рѣдко гдѣ стоятъ въ одиночку; чаще всего онѣ идутъ одна за другою непрерывнымъ рядомъ или даже нѣсколькими рядами вмѣстѣ; рядъ горъ называется хребтомъ, или цѣпью горъ.

Иной горный хребетъ идетъ на многія сотни верстъ, а иногда и на цѣлыя тысячи верстъ. Издали эти

Кавказскія горы.

ряды горъ кажутся громадной зубчатой стѣной, которая поднимается высоко-высоко, до самыхъ облаковъ.

Всходить на такія горы приходится по нѣсколькимъ часамъ, да и не на всякую взойдешь: у иной горы склоны такъ круты, что—того и гляди—оступишься и полетишь въ страшную пропасть.

Чѣмъ выше подниматься по горѣ, тѣмъ все холоднѣе и холоднѣе становится; и воздухъ на высокой горѣ не такой, какъ у насъ, на равнинѣ: онъ тамъ

рѣдкій, такъ что его нехватаетъ для дыханія; потому-то люди, всходящіе на вершины высокихъ горъ, быстро утомляются, дышать имъ очень трудно, у нихъ кружится голова, въ глазахъ темнѣетъ, и иногда начинается итти кровь изъ носа и горла.

Гора Араратъ.

Вершины высокихъ горъ покрыты снѣгомъ, который идетъ тамъ во всякое время года изъ облаковъ, проносящихся мимо; а такъ какъ воздухъ на высотѣ всегда холодный, то снѣгъ этотъ на поверхности никогда не таетъ, и потому называется вѣчнымъ снѣгомъ.

Путнику, дошедшему съ великимъ трудомъ до вершины такой горы, и отдохнуть негдѣ: кругомъ него—снѣгъ и ледъ, надъ головой—холодныя снѣжныя облака, а внизу—туманъ и тучи, скрывающія собою ту

мѣстность, откуда вышелъ смѣлый путешественникъ... Холодно, жутко, непривѣтливо и тихо, — такъ тихо, какъ никогда не бываетъ у насъ на равнинѣ.

2. Горы для людей важны тѣмъ, что въ нихъ находятся всякіе металлы, драгоцѣнные и простые: золото, серебро, желѣзо, мѣдь, олово, свинецъ, цинкъ и др.

Всѣ эти богатства содержатся въ глубинѣ земли, и, чтобъ добыть ихъ оттуда, нуженъ огромный трудъ: люди роютъ глубокіе-глубокіе колодцы (шахты) и подземные коридоры (штольни). Все мѣсто, на которомъ производится добываніе металловъ, называется рудникомъ.

Работа въ рудникѣ считается самой тяжелой изъ всѣхъ работъ на свѣтѣ: глубокая тьма окружаетъ

тамъ челоѣка; удушливый, спертый воздухъ производитъ головокруженіе; коридоры, въ которыхъ работаютъ рудокопы, бывають иногда такъ узки и низки, что по нимъ можно только ползти; работать приходится лежа, отъ этого руки и ноги отекають, млѣють, а спину нестерпимо ломить.

Работа въ рудникѣ не только тяжела, но и опасна: рудокопъ роетъ землю или ломаетъ каменистую почву, въ которой содержатся металлы, а въ это время иногда обрушивается потолокъ коридора, гдѣ онъ работаетъ, и засыпаетъ его землю вмѣстѣ съ десятками другихъ рудокоповъ. Каждый рудокопъ, спускаясь утромъ въ шахту, не знаетъ навѣрно, выйдетъ ли онъ оттуда вечеромъ.

Но, несмотря на всѣ опасности, несмотря на страшную тяготу работы въ горахъ, люди все же неумолимо трудятся, отважно проникають въ сокровенныя нѣдра горъ, чтобы добыть оттуда и вынести на свѣтъ Божій, для общей пользы, тѣ металлы, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни богачъ, ни бѣднякъ, ни знатный вельможа, ни скромный крестьянинъ.

Пѣсня рудокоповъ.

Дружнѣй! Работа есть лопатамъ!

Не даромъ мы сюда пришли,

Не даромъ Богъ насытилъ златомъ

Утробу матери-земли.

Трудись, покамѣсть служить руки!

Не сѣлуй, не лѣнись, не трусь,—

Спасибо скажутъ наши внуки,

Когда разбогатѣетъ Русь!

Н. Некрасовъ.

Горы Россіи.

Горы въ Европейской Россіи находятся только по окраинамъ государства, въ срединѣ же ея высокихъ горъ нѣтъ: Россія расположена на великой равнинѣ. Мѣстами, только кое-гдѣ, на этой обширной равнинѣ возвышаются холмы, про которые хоть и говорятъ мѣстные жители „горы“, но тому, кто видалъ настоящія высокія горы, эти небольшіе холмы не покажутся горами.

На окраинахъ Европейской Россіи находятся слѣдующія горы: на югѣ, въ теплой сторонѣ Россіи, находятся Кавказскія и Таврическія (или Крымскія) горы; на сѣверѣ, за Петербургомъ, лежатъ разбросанно Финляндскія горы, а на востокѣ тянутся непрерывнымъ хребтомъ съ сѣвера на югъ Уральскія горы.

Таврическія и Финляндскія горы — самыя невысокія въ Россіи: менѣе одной версты. Металловъ въ нихъ не открыто; Финляндскія горы славятся только своимъ камнемъ, изъ котораго онѣ состоятъ; онъ называется гранитомъ и идетъ на постройку дворцовъ, церквей и памятниковъ въ Петербургѣ и Москвѣ.

Уральскія горы гораздо выше, версты въ три, и лежатъ на границѣ Европейской и Азіатской Россіи. Это самыя богатая наши горы: въ нихъ добываютъ огромное количество желѣза, мѣди и серебра, множество разноцвѣтныхъ драгоценныхъ камней, а также находятъ тамъ золото и платину.

Кавказскія горы высотой въ 6 версты; ихъ вершины уходятъ далеко за облака; склоны рѣдко гдѣ покрыты лѣсами; множество обрывовъ и пропастей

дѣлаютъ ихъ опасными для прохода, а часто свали-
вающійся съ ихъ вершинъ снѣгъ (лавины) загромо-

ждаетъ со-
бою не толь-
ко дороги,
но и рѣки,
которыя
протекаютъ
у ихъ по-
дошвъ. Такъ
какъ Кав-
казскія го-
ры состоятъ
изъ чрезвы-
чайно твер-
даго камня,
то рыть ихъ
очень труд-
но, и по-
тому-то эти
горы вели-
каны до-
ставляютъ
мало богат-
ствъ.

Въ Си-
бири горъ
много; по-
чти всѣ онѣ
богаты дра-

Лавина.

гоцѣнными
металлами, но особенно много золота и серебра на-
ходятъ въ Алтайскихъ и Нерчинскихъ горахъ.

Серебряный рубль.

Серебряный рубль—очень хорошенькая вещица; но сколькихъ трудовъ стоило его появленіе на свѣтъ Божій!

Серебро добываютъ изъ глубины земли съ большимъ трудомъ. Хотя серебро—благородный металлъ, но оно рѣдко встрѣчается въ чистомъ видѣ, а чаще всего въ соединеніи съ другими неблагородными металлами,—обыкновенно съ мѣдью или свинцомъ; мѣдь же и свинецъ, въ свою очередь, бываютъ соединены съ сѣрой. Такія соединенія нѣсколькихъ металловъ называются рудой. Въ рудѣ серебро не бросается въ глаза: его тамъ и не примѣтишь,—и только опытные люди знаютъ, что скрывается въ некрасивой на видъ рудѣ и какъ надо поступать, чтобъ разъединить всѣ эти металлы и выдѣлить серебро изъ руды.

Много тяжкаго труда употребляетъ человѣкъ, чтобы добыть руду изъ земли; но не мало хлопотъ и умѣнья нужно, чтобъ изъ руды вышли, въ концѣ концовъ, блестящіе и красивые серебряные рубли.

Прежде всего роютъ въ горѣ шахту, иногда такую глубокую, что въ нее помѣстилось бы нѣсколько церковныхъ колоколенъ, одна надъ другою; когда докопаются до того мѣста, гдѣ находится руда, то начинаютъ рыть подземные ходы—коридоры, которые расходятся во всѣ стороны подъ землею; въ этихъ коридорахъ рудокопы мало-по-малу отбиваютъ отъ стѣнъ кусокъ за кускомъ; но земля часто каменистая, да и руда сама по себѣ тверда, какъ камень, иногда цѣлый часъ приходится долбить киркою, пока отвалится кусокъ руды.

Отвалившіеся куски руды выносятъ изъ шахты на свѣтъ Божій; здѣсь рабочіе разбиваютъ ихъ на мелкіе кусочки, потомъ толкутъ и даже мелютъ, какъ муку;

затѣмъ сваливаютъ въ большіе чаны съ водою, воду сильно взбалтываютъ, мутятъ, а потомъ оставляютъ все на нѣсколько часовъ въ покоѣ. Тогда частицы серебра, какъ самыя тяжелыя, осѣдаютъ прежде всѣхъ другихъ прямо на дно; другія же частицы ложатся сверхъ ихъ. Когда солютъ воду, то осторожно разгребаютъ эту кучу осадковъ и выбираютъ то небольшое количество серебра, которое осѣло на дно чана.

Но не думайте, что серебро уже чисто и можно его употребить на рубли и гривенники; нѣтъ, еще много мытарствъ предстоитъ ему, и много должны повозиться съ нимъ люди, чтобъ этотъ благородный металлъ показалъ себя настоящимъ.

Отъ серебра надо отдѣлить сѣру, свинецъ, частицы камня и земли; всѣ эти вещества плотно соединены съ серебромъ, и ихъ удалить не такъ-то просто.

На плавильномъ заводѣ накаляютъ руду въ особыхъ печахъ; отъ сильнаго жара сѣра улетучивается въ воздухъ, но частицы камня и земли все еще портятъ серебро. Чтобы избавиться отъ нихъ, отправляютъ серебро еще въ другія печи; тамъ день и ночь горитъ страшное пламя: отъ его жара плавится не только серебро, но и каменные частицы. Расплавленное серебро, или серебрястая жечь, опускается на дно тигля, а остальные вещества плаваютъ сверху. Затѣмъ пламя тушатъ и даютъ всему остыть. Молотками отбиваютъ куски камня отъ серебрястой жечи; камни бросаютъ, а серебрястую жечь опять отправляютъ въ особія печи: теперь остается отдѣлить отъ серебра свинецъ. Въ эти печи мѣхами вдуваютъ поминутно свѣжій воздухъ; тогда раскаленный свинецъ, отъ дѣйствія сильнаго жара и свѣжаго воздуха, мало-по-малу отдѣляется отъ серебра и всплываетъ наверхъ; чрезъ особія

трубы, вдѣланныя сбоку печи, его понемногу выливаютъ, открывая время отъ времени краны этихъ трубъ. Когда же весь свинецъ выльется, и въ трубѣ уже покажется серебро, то мастеръ закрываетъ кранъ: теперь настоящее серебро готово,—всѣ примѣси его наконецъ-то удалены.

Чистое серебро остываетъ, и куски его отправляютъ на монетный дворъ. Но и тамъ съ нимъ предстоитъ еще не мало хлопотъ: если бы вздумали дѣлать монеты прямо изъ чистаго серебра, то такія монеты никуда не годились бы, потому что чистое серебро очень мягко, и всякая вещь, сдѣланная изъ него, очень скоро стирается, царапается, гнется, — вообще, портится. Для того, чтобы сдѣлать серебро болѣе плотнымъ и прочнымъ, его сплавляютъ съ небольшимъ количествомъ мѣди, и изъ этого уже сплава приготавливаютъ металлическія доски различной толщины: однѣ такой толщины, какъ рубль, другія — какъ полтинникъ, третьи — въ толщину гривенника и т. д.

Каждая такая доска вдвигается въ особенную машину, которая своимъ устройствомъ немного напоминаетъ швейную машину: какъ въ швейной машинѣ есть иголка, которая движется то вверхъ, то внизъ и пробиваетъ насквозь матерію, подложенную подъ нее, такъ и въ монетной машинѣ движется вверхъ и внизъ длинный рычагъ и ударяетъ съ большой силой по серебряной доскѣ, пробивая въ ней круглыя дырочки; выпадающій при этомъ серебряный кружочекъ и оказывается монетой: то рублемъ, то двугривеннымъ, то прехорошенькимъ пятаккомъ.

Вотъ сколько приходится потрудиться людямъ, чтобъ вышли эти маленькія монеты, которыя такъ легко потерять и такъ трудно заработать!

Пѣсня въ честь труда.

Честь и слава всѣмъ трудамъ!

Слава каждой каплѣ пота!

Честь мозолистымъ рукамъ,

Да спорится ихъ работа!

Кто идетъ во глубь земли,

Или молотомъ махаетъ,

Кто сѣтями для семьи

Хлѣбъ насущный добываетъ;

Кто за плугомъ льетъ свой потъ,

Кто наемникъ господина,

Кто подъ ношей спину гнетъ

Для жены своей, для сына,—

Честь имъ! Слава ихъ трудамъ!

Слава каждой каплѣ пота!

Честь мозолистымъ рукамъ,

Да спорится ихъ работа!

Вспомнимъ съ честью и о томъ,

Кто безропотно страдаетъ

И, работая умомъ,

Горькій вѣкъ свой убиваетъ...

Честь и слава всѣмъ трудамъ!

Слава каждой каплѣ пота!

Честь мозолистымъ рукамъ,

Да спорится ихъ работа!

Ө. Миллеръ.

Голось совѣсти.

Въ одной деревнѣ жилъ бѣдный работникъ Иванъ. Жена его умерла, и онъ остался съ ребенкомъ на рукахъ. Онъ работалъ на кирпичномъ заводѣ и тѣмъ прокармливалъ себя и свое дитя; но однажды онъ

сильно простудился, заболѣлъ и нѣсколько дней пролежалъ дома. За это время у него вышелъ весь хлѣбъ, а купить было не на что. Иванъ боялся, что ребенокъ умретъ съ голоду, и, собравъ все силы, поднялся, вышелъ на улицу, рѣшивъ просить милостыню.

Быль вечеръ. Иванъ подошелъ къ однимъ воротамъ, чтобы тамъ постучаться; но ему стало невыносимо стыдно просить милостыни, и онъ отошелъ не постучавшись... Такъ подходилъ онъ къ нѣсколькимъ домамъ и все не могъ пересилить свой стыдъ. Наконецъ онъ сказалъ себѣ: „Нѣтъ, не могу!..“ и рѣшился воротиться домой ни съ чѣмъ. Идя по дорогѣ, онъ вдругъ наступилъ ногой на что-то такое, что зазвенѣло.

Онъ нагнулся и поднялъ небольшой кожаный мѣшокъ съ деньгами. Иванъ обрадовался. „Теперь не надо просить милостыни! теперь мы богаты!“ думалъ онъ.

Но радость Ивана продолжалась недолго: въ душѣ его заговорила совѣсть. „Твои ли это деньги? Развѣ ты можешь ими распоряжаться? Можешь ли ты ихъ тратить, если онѣ не заработаны тобою?..“ Съ такими думами дошелъ Иванъ до своего дома. Легъ онъ спать, а мысли покоя ему не даютъ. И представилъ онъ себѣ: что теперь чувствуетъ тотъ человекъ, который потерялъ такъ много денегъ? Каково-то ему?

Чуть свѣтъ, пошелъ Иванъ въ волостное правленіе и заявилъ старшинѣ о своей находкѣ. Сосчитали деньги,—оказалось больше ста рублей. Старшина спросилъ, какъ было дѣло; узнавъ, что Иванъ вышелъ на улицу просить милостыни, онъ сейчасъ же помогъ бѣдняку: далъ ему хлѣба и муки.

Черезъ нѣсколько часовъ въ правленіе пришелъ изъ сосѣдней деревни сборщикъ податей, чтобы заявить, что онъ потерялъ вчера вечеромъ общественныя деньги. Несчастный былъ страшно измученъ безпокойствомъ за свою судьбу: деньги были общественныя, и его строго накажутъ за потерю ихъ. Старшина успокоилъ его и возвратилъ ему деньги, говоря: „Благодари Бога, что нашелъ ихъ совѣстливый человѣкъ“.

Сборщикъ отъ радости плакалъ; потомъ онъ побѣждалъ къ Ивану, поклонился ему до земли и благодарилъ со слезами за то, что Иванъ своей честностью спасъ его отъ гибели. Увидя бѣдность въ избѣ, сборщикъ далъ Ивану денегъ; тотъ долго отказывался, наконецъ согласился взять ихъ взаймы, пока поправится здоровьемъ и станетъ зарабатывать. Сборщикъ предложилъ взять ребенка Ивана къ себѣ въ домъ: тамъ жена и его старшія дѣти будутъ присматривать за малюткою, а Иванъ будетъ навѣдываться по праздникамъ. Такъ и сдѣлали.

И съ тѣхъ поръ не было болѣе дружныхъ людей, какъ бѣднякъ Иванъ и спасенный имъ сборщикъ податей.

О чемъ надо молиться.

Молитесь всѣ, чтобъ Богъ послалъ

Намъ царствіе Его;

Чтобъ честный трудъ на свѣтѣ сталъ

Почетнѣе всего.

Прежде всего, прежде всего,

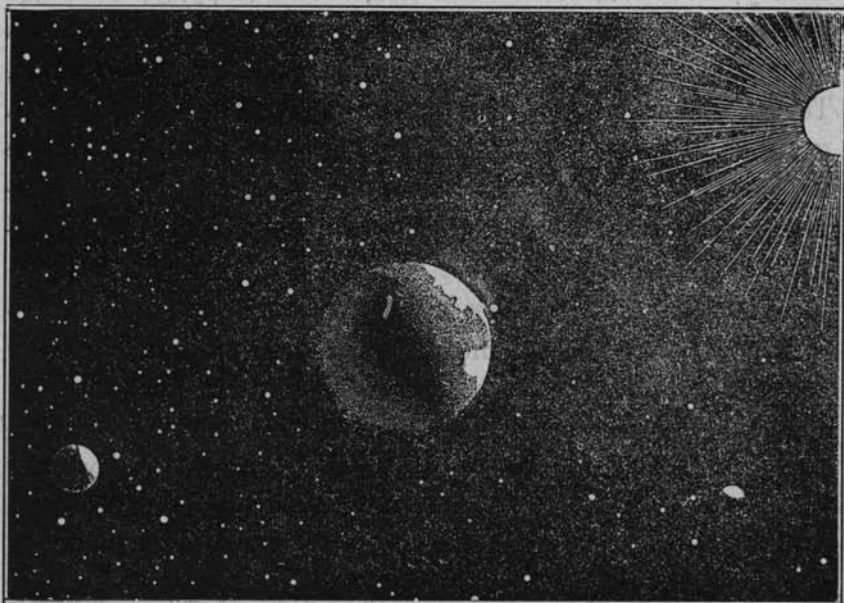
Отнынѣ и вовѣкъ,—

Чтобъ человѣку человѣкъ

Былъ братъ прежде всего.

Подземный огонь.

Много людей разъѣзжало, путешествовало по бѣлу свѣту; объѣхали они и моря, и сушу, и океаны... А никто никогда не доходилъ до края земли,— не нашель такого мѣста, гдѣ бы земля или море сходились съ небомъ и чтобъ дальше ѣхать нельзя уже

было. Какова же наша земля? думали они. Умные люди догадались, что она, должно-быть, круглая, какъ арбузь, какъ мячъ,— словомъ, какъ шарь.

Когда муха ползеть по арбузу, то она вѣдь тоже краю ему не находитъ; а если будетъ долго-долго ползти все впередъ, то приползеть снова на то мѣсто, откуда началось ея путешествіе. Такъ было и съ людьми: ѣхали они, ѣхали все впередъ и, въ концѣ концовъ, пріѣхали въ свою же страну.

И вотъ, когда люди убѣдились, что наша земля— шаръ, когда они познакомились со многими различными странами, и холодными и жаркими, когда они извѣздили моря и океаны, то захотѣлось имъ еще узнать: а что же подъ землей? Что тамъ, внутри этого шара?

Рудокопы отлично это знаютъ: когда они выроютъ шахту, чтобъ достать изъ-подъ земли руду, то вѣдь они забираются далеко вглубь земли и, выйдя потомъ на свѣтъ Божій, могутъ поразсказать, каково тамъ. Тамъ темно, душно, сыро, кое-гдѣ вода каплетъ съ потолка подземнаго коридора, при чемъ иногда ее набирается такъ много, что всѣ подземные ходы заливаются ею, и рѣдко кто спасается отъ этого наводненія.

Но вода встрѣчается не всюду подъ землей; а что рудокопы замѣтили повсюду, это — чѣмъ глубже рыться въ землю, тѣмъ становится тамъ теплѣе и теплѣе. Въ самыхъ глубокихъ шахтахъ такъ жарко, что люди работаютъ безъ одежды и обливаются потомъ.

Ученыхъ это заинтересовало: почему внутри земли тепло даже зимою, и притомъ — всегда одинаково тепло? И почему это, чѣмъ глубже уходить въ землю, тѣмъ тамъ теплѣе становится?

Умнымъ людямъ покоя нѣтъ, если они чего-нибудь не понимаютъ. Хорошо бы забраться въ глубину земли на нѣсколько верстъ! Тогда дѣло объяснилось бы само собою; но вырыть шахту больше, чѣмъ въ одну версту глубиною, оказалось невозможнымъ: уже тамъ была такая жара, что ни одинъ рабочій не могъ вынести.

Между тѣмъ, ученые знаютъ, что отъ поверхности земли до ея середины (центра)—6000 верстъ. Что жъ

туть значить одна верста? Бросили рыть, — стали умомъ доходить: что тамъ внутри земли?

Великую силу далъ Господь человѣческому разуму! Онъ, Всемогущій, создалъ всю необъятную вселенную, даровалъ ей множество сокровищъ и богатствъ, но кто бы пользовался этими сокровищами, если бы Богъ не создалъ и человѣка — разумное, мыслящее твореніе, которое можетъ постигать предначертанія Божіей премудрости и употреблять дары и силы природы для общаго блага?

Человѣкъ, изъ любви и почтенія къ своему Создателю, старается понять, постичь все созданное Имъ, — все то, что окружаетъ человѣка и что не даромъ сотворено Зиждителемъ міра.

Мыслящій человѣкъ задумался надъ тѣмъ, что внутри земли? А Богъ отъ вѣка создалъ ясный отвѣтъ...

На землѣ есть въ разныхъ мѣстахъ такія горы, изъ которыхъ то постоянно, то временами выходитъ дымъ, иногда же показывается страшный огонь; такія горы называются вулканами.

Въ вулканахъ бываютъ отверстія, называемыя кратеромъ, или жерломъ; чрезъ эти-то жерла и выбрасывается изнутри земли огонь. Страшно жить подлѣ такой горы! Но еще страшнѣе, когда начинается изверженіе вулкана.

Чтобы понять, что такое изверженіе, надо рассказать о немъ подробно и по порядку.

Иной вулканъ лѣтъ пятьдесятъ стоитъ смиренненько, — не часто даже дымъ показывается изъ него. Уже люди, считая его потухшимъ, понастроили себѣ у его подошвы домишекъ, а по склонамъ развели прекрасные виноградники, фруктовые сады. Деревня то-

нетъ въ зелени, жители не нарадуются обильнымъ урожаемъ фруктовъ и винограда...

Вдругъ подъ землей раздается грохотъ, сначала точно отдаленный громъ, затѣмъ онъ усиливается, становится оглушительнымъ; изъ жерла горы вырывается столбъ паровъ и удушливый сѣрный дымъ; потомъ оттуда летитъ пепелъ; его такъ много, что онъ, поднявшись высоко въ воздухѣ, образуетъ тамъ цѣлыя тучи, затемняющія солнце даже въ полдень.

Эти тучи пепла встрѣчаются въ воздухѣ съ тѣми тучами, которыя образовались изъ паровъ, вырвавшихся изъ-подъ земли, — смѣшиваются съ ними, и начинается итти грязный дождь. Дождевой воды, смѣшанной съ пепломъ, льется столько, что по землѣ уже бѣгутъ быстрые и полноводные ручьи, ломающіе и заливающіе все на своемъ пути, — и дома и деревья...

Между тѣмъ изъ вулкана вылетаютъ огромные раскаленные докрасна камни; они подбрасываются невидимой силою высоко надъ горой, а затѣмъ еще съ большей быстротою устремляются внизъ. Горе тому дому, на крышу котораго они попадутъ!

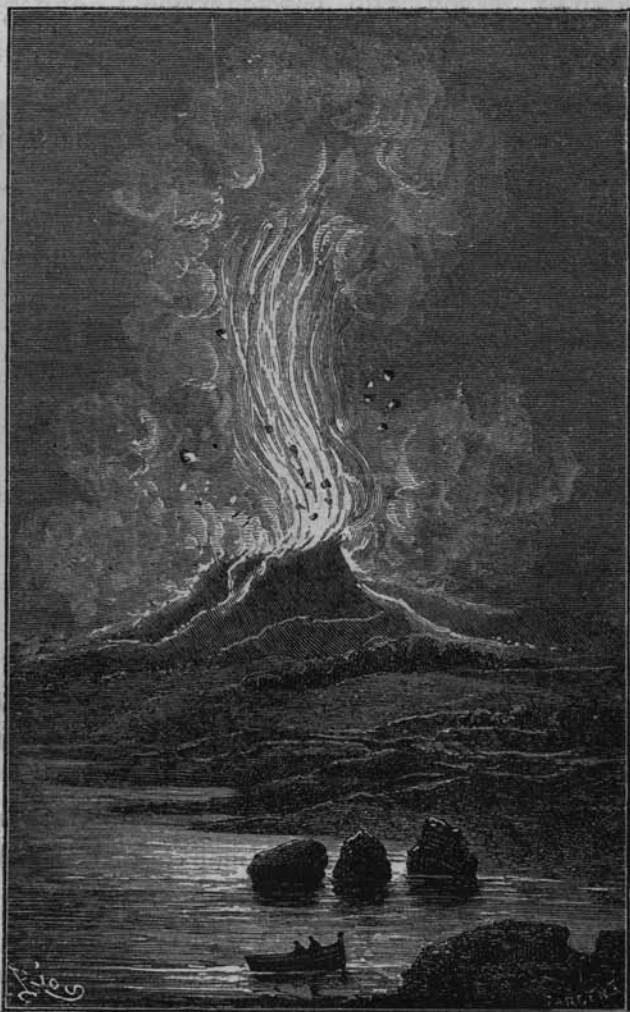
Пока все это совершается, внутри горы что-то грозно клокочетъ, шумитъ, какъ самая страшная буря въ океанѣ... И вотъ, изъ кратера вулкана выливается огненная жидкая масса, которую люди называютъ лавой. Лава извергается вулканомъ не только изъ кратера, — по бокамъ горы дѣлаются трещины оттого, что кипящая лава, не успѣвая вылиться черезъ жерло, напираетъ на бока горы, разрываетъ ихъ и бьетъ оттуда кипящими ключами.

Ужасный потокъ раскаленной лавы льется по склону горы, сжигая и расплавляя все, что попадется

по дорогѣ: встрѣтится дерево, — оно загорается, какъ спичка; лежитъ огромный камень, — онъ таетъ, какъ кусочекъ сахара въ кипятокѣ. А потокъ, захвативъ все это съ собою, сползаетъ, какъ страшное огненное чудовище, все ниже и ниже — въ долину. Тамъ деревня, поля, виноградники, сады, — все это гибнетъ въ нѣскольکو минутъ...

Но когда начала извергаться лава, внутри вулкана мало-по-малу все ути-

хаетъ: подземный грохотъ прекращается, изъ кратера больше не выходитъ ни паровъ, ни дыму.

Изверженіе вулкана Этны.

Вотъ этими-то огнедышущими горами Господь ясно указываетъ намъ на то, что есть внутри земного шара: если уже на глубинѣ одной версты такъ жарко, что человѣкъ не въ силахъ вынести, то каково же должно быть на глубинѣ шести тысячъ верстъ, т.-е. въ самомъ центрѣ земного шара?

Вулканы во время своего изверженія выбрасываютъ кипящую и расплавленную массу, которая клочетъ въ глубинѣ земли, и тѣмъ самымъ обнаруживаютъ то, до чего допытывается человѣческой разумъ, и отвѣчаютъ на его вопросъ,—что находится внутри нашего земного шара?

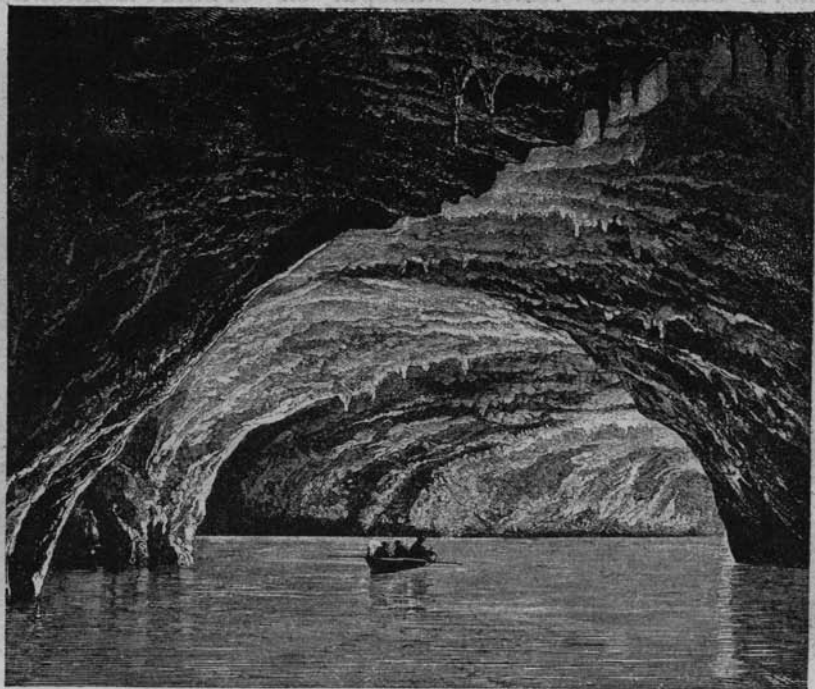
Землетрясеніа.

Страшно и грозно изверженіе вулкана! Много гибели оно несетъ съ собою и людямъ, и растеніямъ, и даже камнямъ. Но бываетъ на земномъ шарѣ еще большее бѣдствіе, это — землетрясеніе. Отчего и какъ оно происходитъ? — А вотъ послушай.

Три четверти поверхности земного шара покрыты водою. Изъ морей вода вѣчно испаряется и невидимыми пузырьками уходитъ въ воздухъ; море не жалѣетъ этихъ капелекъ-бѣглянокъ: оно не уменьшится оттого, что онѣ ушли съ его поверхности; да и не навсегда же онѣ убѣжали отъ родимаго моря: постранствуютъ-постранствуютъ по бѣлу свѣту и воротятся снова въ его могучія объятія отдохнуть послѣ всѣхъ работъ, которыя пришлось имъ выполнить за время своего путешествія по далекимъ странамъ.

Но у моря есть и еще непосѣдливыя дѣти; только они рвутся не въ небеса, а въ глубину земли: они просачиваются чрезъ песокъ, лежащій на днѣ моря,

просачиваются и идутъ все дальше и дальше. Не знаютъ эти безпокойныя капельки, что онѣ тамъ встрѣтятъ,—идутъ да идутъ себѣ въ глубь земли. Сначала имъ только тепло,—согрѣваются онѣ послѣ холода моря; потомъ становится такъ жарко, что капельки

воды готовы закипѣть; наконецъ онѣ попали въ такую баню, что не успѣли опомниться, какъ уже превратились въ горячій парь.

Парь взвивается клубами и раздается во все стороны, требуя себѣ простора, свободнаго мѣста. Онѣ тѣснится подь землей, пробивается во все щелочки: тѣсно ему, тѣсно тамъ! Вотъ отыскалась подь землей пещера,—парь хлынулъ туда клубами; но въ пещерѣ жара еще ббольшая,—парь расширяется еще сильнѣе:

ему ужъ и тутъ тѣсно. А новые пары все прибавляются да прибавляются; одни клубы тѣснятъ другіе, тѣ прижимаются къ горячимъ стѣнкамъ пещеры и давятъ на нихъ.

Проходятъ десятки лѣтъ. Пещера больше не можетъ выносить такого напора: ея стѣны медленно

Землетрясеніе въ приморскомъ городѣ Лиссабонѣ.

раздвигаются, потолокъ обвисаетъ. Но паръ не знаетъ пощады: ему нуженъ просторъ. Если стѣны раздвинулись, то почему бы имъ не податься еще и еще? И стѣны расползаются во все стороны, пока, наконецъ, потолокъ, оставшійся безъ опоры, не обрушивается въ подземную пропасть; такъ какъ на этомъ потолкѣ пещеры лежали пласты земли, то и они движутся вслѣдъ за нимъ; надъ стѣнами пещеры тоже

вѣдь были пласты, — и тѣ передвигаются: одни вправо, другіе влѣво...

Такая перетасовка идетъ внутри земли; а въ это время на поверхности ея люди съ ужасомъ замѣчаютъ, что земля подъ ихъ ногами трясется, куда-то движется, — дома трескаются, рушатся, вода изъ рѣкъ

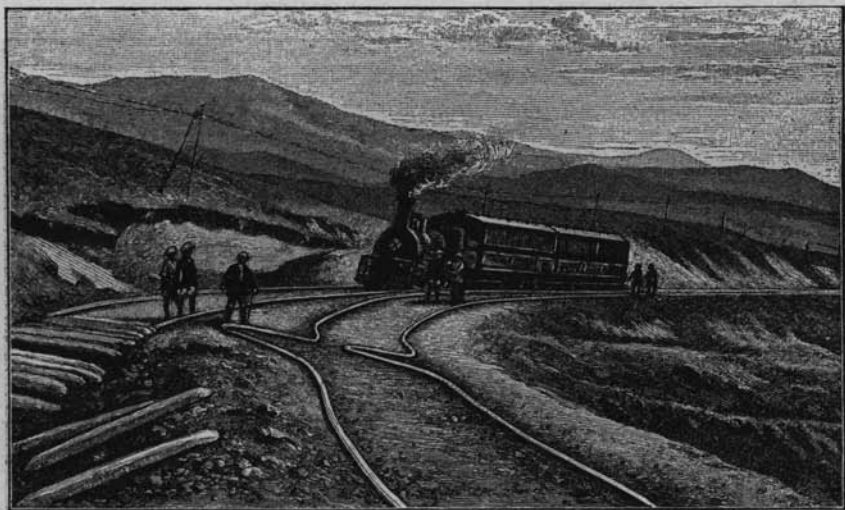

Трещины въ землѣ, образующіяся во время землетрясенія.

и морей выступаетъ и безъ бури волнуется, то заливая берега, то далеко отступая отъ своего обычнаго ложа. Корабли моментально исчезаютъ подъ водой, точно ихъ кто-нибудь втянулъ въ себя огромнымъ ртомъ...

Въ городахъ во время землетрясенія дома разсыпаются и обломками своими убиваютъ бѣгущихъ по улицамъ людей, которые, обезумѣвъ отъ ужаса, мечутся, сталкиваются другъ съ другомъ, но не въ силахъ помочь ни себѣ, ни другимъ. Одни бѣгутъ

въ дома, въ церкви, думая тамъ спастись; но и дома и церкви колеблутся, шатаются, точно они поставлены на волнующійся океанъ, стѣны ихъ трескаются, кирпичи летятъ въ разныя стороны и убиваютъ наповаль столпившихся людей. Другіе выбѣгаютъ на улицу,

Рельсы, передвинутые во время землетрясенія.

но бѣжать имъ некуда: предъ ними—холмы отъ разрушенныхъ домовъ или отъ поднявшейся, вздувшейся почвы.

За городомъ, на просторѣ, землетрясеніе еще поразительнѣе, какъ рассказываютъ тѣ очевидцы, которымъ удалось какимъ-то чудомъ спастись отъ гибели: земля въ однихъ мѣстахъ подымается, въ другихъ опускается, точно это и не твердая земля, а жидкая вода, которая отъ вѣтра волнуется; иногда же вдругъ треснетъ почва, раскроется огромная щель, и туда проваливаются лѣсъ, деревня,—что случится на томъ злополучномъ мѣстѣ.

Землетрясеніе продолжается недолго,—иногда нѣсколько секундъ; но что успѣваетъ совершиться за это короткое время!

На мѣстѣ города — гряда развалинъ и страшный пожаръ; въ иномъ мѣстѣ — бездонная пропасть; гдѣ прежде была равнина, тамъ теперь холмы, бугры, камни, вывороченные изнутри земли; даже проѣзжія дороги исковерканы и повернуты въ другую сторону; рельсы желѣзныхъ дорогъ бывають послѣ землетрясенія изогнуты въ дугу.

А тамъ, гдѣ было море, простирается на много верстъ песчаная пустыня, — его дно, которое поднялось изъ воды и стало сушей.

Такъ въ незапамятныя времена, вѣроятно, образовалась величайшая въ мірѣ пустыня Сахара. Она тянется на цѣлыя тысячи веретъ и вся покрыта неисчерпаемымъ слоемъ песку, который лежалъ, очевидно, когда-то на днѣ моря.

Каменный уголь.

Въ темномъ лѣсу, на глубокомъ черномъ болотѣ, стояло въ незапамятное время большое дерево; на немъ росли только вѣтки да листья, а цвѣтовъ и плодовъ вовсе не было.

Ни одна птичка не жила на этомъ деревѣ и не вила гнѣздышка; въ цѣломъ лѣсу, который росъ на этомъ болотѣ, не было ни одной бѣлки; только комары да мошки вились тамъ тучами въ сыромъ воздухѣ. Глухо и пусто было въ этомъ болотистомъ лѣсу.

Дерево мало-по-малу состарилось; корни его подгнили. Вотъ подулъ вѣтеръ и пошатнулъ стволъ; дерево упало и погрязло въ черномъ болотѣ. Черезъ

него переползали большія ящерицы; его покрыла грязная тина; водою нанесло на него песку и глины, и съ каждымъ днемъ зарывался стволъ мертваго дерева все глубже и глубже. Зеленые листья почернѣли и сгнили, а стволъ, послѣ многихъ лѣтъ, былъ до того сдавленъ тяжелымъ слоємъ песку и глины, что дерево стало твердо, какъ камень.

Та же самая исторія повторилась и со всѣми остальными деревьями, составлявшими лѣсъ на болотѣ.

Прошло нѣсколько сотъ лѣтъ. Болото высохло; на томъ мѣстѣ поселились люди, развели сады и поля, построили города и деревни. Никто изъ жителей и не зналъ, что здѣсь глубоко-глубоко въ землѣ зарытъ мертвый лѣсъ.

Деревья, лежа подъ страшной тяжестью верхнихъ пластовъ земли, подогрѣвались снизу подземнымъ огнемъ; отъ всего этого они сдѣлались тверды, какъ камень, и черны, какъ уголь.

Разъ какъ-то рудокопы вырыли въ землѣ глубокую шахту: они искали благородныхъ металловъ, а нашли черный окаменѣлый лѣсъ.

— А! Каменный уголь! — вскричали они радостно: — Ну, въ добрый часъ!

Скоро мертвыя деревья очутились на поверхности земли, подъ лучами краснаго солнышка. Но кто бы, глядя на то, что вытаскиваютъ рудокопы изъ-подъ земли, сказалъ, что это — бывшія деревья? Теперь, это — просто огромные куски чего-то чернаго, блестящаго, тяжелаго, какъ камень, но горючаго, какъ самое лучшее смолистое дерево.

И вотъ эти куски, выйдя на свѣтъ Божій, снова начинаютъ жить, но конечно, уже совѣмъ иначе, чѣмъ жили прежде.

Одинъ кусокъ каменнаго угля попалъ на кухню городского дома: его бросили въ печку и при его помощи сварили супъ, изжарили мясо и испекли пирожное.

Другой кусокъ окаменѣлаго ствола попалъ на стеклянный заводъ: тамъ раскалили имъ печи и расплавили песокъ, чтобы сдѣлать стекло.

Третій кусокъ попалъ на желѣзную дорогу, въ паровозъ: кочегаръ растопилъ печку, печка согрѣла воду, а изъ воды образовался паръ, который разошелся по трубочкамъ внутри паровоза; дойдя до рычаговъ машины, паръ толкнулъ ихъ; рычаги задвигались и завертѣли колеса: поѣздъ помчался изъ города въ городъ и повезъ съ собою множество народа и всякихъ товаровъ.

Четвертый кусокъ каменнаго угля отправили на газовый заводъ: тамъ его заперли въ желѣзный ящикъ, плотно закупорили и стали калить на огнѣ. Тогда изъ угля отдѣлился горючій воздухъ, или свѣтильный газъ. По трубкамъ, вставленнымъ въ желѣзный ящикъ, пропустили этотъ горючій воздухъ въ большія трубы, которыя проложены подъ землей по всему городу; эти трубы доходятъ до уличныхъ фонарей. Свѣтильный газъ по трубкѣ входитъ въ фонарь, но дальше ему ходу нѣтъ: маленькій рожокъ, придѣланный на концѣ трубки, закрывается краномъ.

Вечеромъ приходитъ фонарщикъ, отвертываетъ кранъ, — свѣтильный газъ вырывается на свободу! А фонарщикъ зажигаетъ его у самага выхода изъ рожка, — и свѣтильный газъ горитъ дрожащимъ пламенемъ, освѣщая улицу, толпу прохожихъ, дѣтей, экипажи. Онъ веѣмъ имъ подмигиваетъ и точно говоритъ своимъ широкимъ желтымъ языкомъ: „Торопитесь, торопитесь, но не толкайтесь! Не мѣшайте другъ другу: всякому должна быть свободна дорога, чтобы онъ поспѣлъ, куда торопится. Уступайте же дорогу другъ другу!“

Остался еще кусокъ каменнаго угля; онъ былъ особенно твердъ и блестящъ. Его купилъ токарь и сдѣлалъ красивыя черныя пуговицы для новаго платья мальчика; онѣ блестятъ на солнцѣ, и дитя любитъся ими.

Только этотъ кусокъ и не сгорѣлъ, только онъ и остался живъ, а тѣ — погибли... Ты думаешь, что они въ самомъ дѣлѣ погибли? Напрасно! И тѣ живы, и тѣми ты любишься, хотя и не узнаешь ихъ: они приняли новый видъ.

Когда куски каменнаго угля сгорають, то дымъ и горячій воздухъ, отдѣлившись отъ нихъ, летятъ вверхъ, къ облакамъ. Тамъ они достигаютъ до мельчайшихъ капелекъ воды и вмѣстѣ съ ними, подгоняемые вѣтромъ, путешествуютъ подъ небесами, пока облако не превратится въ тучу, которая прольется, наконецъ, надъ землею благодатнымъ дождемъ.

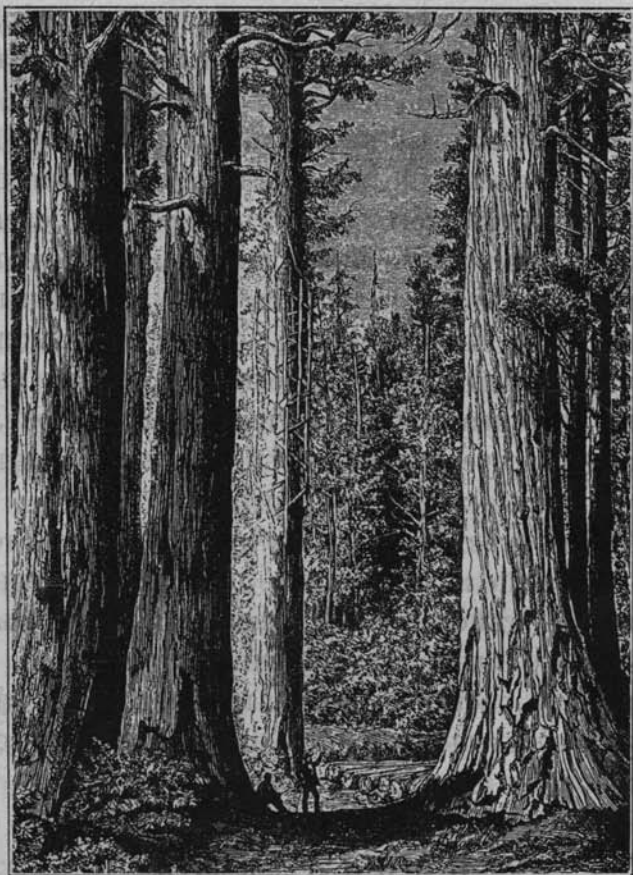
Дождевыя капли, освѣживъ цвѣты, траву и деревья, просачиваются въ землю къ корешкамъ растеній; а корешки жадно ловятъ капельки драгоцѣнной влаги, — и отъ этого растутъ деревья, зеленѣютъ, цвѣтутъ и приносятъ плоды и сѣмена. Вѣтеръ подхватываетъ сѣмена, разноситъ ихъ въ разныя стороны и сѣетъ повсюду, какъ самый заботливый садовникъ, потомъ прикроетъ еще эти сѣмена пылью и сухими листочками. Изъ этихъ сѣмянъ появляются молоденькія деревца, а лѣтъ черезъ двадцать они представляютъ уже почтенный лѣсъ.

Но этотъ лѣсъ гораздо лучше и красивѣе того, въ которомъ росло наше древнее дерево, превратившееся потомъ, отъ дѣйствія воды, тяжелыхъ пластовъ земли и подземнаго огня, въ каменный уголь: въ этомъ новомъ лѣсу растутъ душистые цвѣты, на вѣтвяхъ щебечутъ веселыя птички, а внизу дѣти рѣзвой толпой собираютъ грибы и ягоды.

К а р а н д а ш ь .

Карандашъ сдѣланъ изъ дерева и графита. Темно-сѣрый графитъ и есть собственно карандашъ, а дерево — только его оправа. Графитъ съ перваго взгляда похожъ на свинецъ: и свинцовая палочка, если ея провести по бумагѣ, оставляетъ темную черту, какъ

карандашъ; но этимъ и ограничивается ихъ сходство, а на самомъ дѣлѣ графитъ ничего общаго не имѣетъ со свинцомъ, и разница между ними огромная: свинецъ—металлъ и плавится отъ жара, а графитъ мо-

жетъ вынести самый сильный огонь и ничуть не измѣнится (потому-то изъ него и дѣлаютъ тѣ тигли, въ которыхъ плавятъ металлы). Графитъ—не металлъ, но и не камень; это — лучший сортъ каменнаго угля и образовался также изъ древнихъ растений, прока-

ленныхъ подземнымъ огнемъ; графитъ находятъ въ землѣ на очень большой глубинѣ, — гораздо глубже, чѣмъ каменный уголь.

Дерево, которое идетъ на карандаши, не такое, какое обыкновенно употребляется у насъ для выдѣлки разныхъ вещей. Разсмотримъ его хорошенько. Его волокна расположены не такъ, какъ въ сосновой или еловой линейкѣ; кромѣ того, оно имѣетъ нѣжный, пріятный запахъ.

Это дерево привозится къ намъ на корабляхъ изъ Америки; оно сродни нашему можжевельнику, только растетъ не кустомъ, а имѣетъ высокій стройный стволъ. Въ Сибири тоже есть такія деревья, но они ростомъ и толщиной меньше своихъ американскихъ сородичей. Это дерево употребляется на карандаши потому, что оно чрезвычайно мягко и, когда рѣжешь его ножомъ, не колется само собою и не ломаетъ графита. Если же фабрикантъ покупится купить американскій можжевельникъ, а сдѣлаетъ карандашные футляры изъ сосноваго или еловаго дерева, то его карандаши хоть и дешево будутъ стоить, но зато никуда не годятся: начнешь ихъ чинить, а грубое дерево, откалываясь само собою, ломаетъ тоненькую палочку графита. И выходитъ дѣло по пословицѣ: „Дорого, да мило; дешево, да гнило“.

М ъ л ь.

Мѣлъ, которымъ ты пишешь въ классѣ на доскѣ, произошелъ вотъ какимъ образомъ.

Въ морской водѣ живутъ крошечныя животныя, непримѣтныя для человѣческаго глаза, потому что каждое изъ нихъ въ двадцать разъ меньше тѣхъ

бѣлыхъ пятнышекъ, которыя иногда показываются у тебя на ногтяхъ. Каждое такое животное имѣетъ на своемъ тѣльцѣ, какъ улитка, домикъ-раковинку, состоящую изъ бѣлой извести; этой извести много содержится въ морской водѣ, откуда и получаетъ ее искусная малютка.

Въ раковинѣ этой, какъ въ ситѣ, находится множество маленькихъ скважинъ, сквозь которыя животное высовываетъ свои многочисленныя лапки и щупальцы. У него вѣдь нѣтъ ни глазъ, ни ушей, ни рукъ, ни ногъ, а только эти лапки и щупальцы. Оно высовываетъ ихъ сквозь скважины своего домика и ощупываетъ ими кругомъ себя: нѣтъ ли гдѣ чѣмъ полакомиться?

Это животное лежитъ на днѣ моря или на какой-нибудь подводной скалѣ и, несмотря на то, что у него много лапокъ, двигается медленно и съ трудомъ.

Старыя мѣловыя животныя порождаютъ молодыхъ, а тѣ — опять множество другихъ, себѣ подобныхъ; такъ размножаются ихъ цѣлые миллионы. Живутъ они сообща, и всѣ вмѣстѣ отлично уживаются. Когда животное умираетъ, остается его домикъ, а такъ какъ и умираютъ они миллионами, то домиковъ остается послѣ нихъ такая пропасть, что черезъ какія-нибудь сотни лѣтъ на днѣ моря образуется пластъ, толщиною въ нѣсколько сажень, или же — цѣлый рядъ мѣловыхъ холмовъ.

Въ незапамятныя времена бывали страшныя землетрясенія, во время которыхъ дно иного моря совсѣмъ подымалось изъ-подъ воды, а самое море уходило за

сотни верстъ, и на его мѣстѣ появлялись мѣловые холмы и бѣлыя, какъ снѣгъ, мѣловыя поля.

Послѣ долгаго времени этотъ мѣлъ темнѣетъ отъ пыли, которую наноситъ вѣтеръ, потомъ засыпается ею и мало-по-малу скрывается подъ верхнимъ пластомъ черной земли, который съ каждой сотней лѣтъ становится все толще и толще. Вѣтеръ наноситъ на эту почву различныхъ сѣмянъ, и вотъ на мѣстѣ бывшаго морского дна появляются лѣса... А тамъ приходятъ и люди, начинаютъ пахать землю, рыть колодцы и—докапываются до подпочвеннаго мѣловаго пласта; откалываютъ острыми кирками глыбы мѣла и отправляютъ его въ города и деревни на продажу.

У насъ, въ Россіи, такихъ мѣловыхъ холмовъ и подпочвенныхъ мѣловыхъ пластовъ очень много; холмы хоть и невысоки, но рядъ ихъ тянется больше чѣмъ на тысячу верстъ.

Подумай, сколько на всемъ этомъ пространствѣ помѣщалось тѣхъ крошечныхъ животныхъ, изъ раковинъ которыхъ образовались эти холмы!

Огромные памятники оставили они послѣ себя, — какихъ не оставляютъ ни великаны-слоны, ни исполины-киты. А почему? Только потому, что эти крошки дружно жили вмѣстѣ. Видно, не даромъ у людей сложилась пословица: „Дружно — не грузно, а врозь — хоть брось!“

С т е к л о .

Изъ чего дѣлается стекло? И какъ это люди придумали дѣлать стекло?

Было время, когда человѣкъ не имѣлъ даже понятія о стеклѣ; да и на что оно ему, если и дома у древняго человѣка не было. Жилъ такой первобыт-

ный человекъ или въ землянкѣ, или въ шалашѣ изъ вѣтокъ; въ странахъ похолоднѣе люди дѣлали палатки изъ звѣриныхъ шкуръ, а зимой обкладывали ихъ снѣгомъ. Одѣвались они тоже въ звѣриныя шкуры и видомъ своимъ больше походили на звѣрей, чѣмъ на людей. Живя въ этихъ шалашахъ и палаткахъ, первобытный человекъ не нуждался въ окнахъ.

Какъ придумали люди дѣлать стекло, объ этомъ такъ рассказываетъ въ старинныхъ книгахъ.

Давнымъ-давно, за пять тысячъ лѣтъ до нашего времени, ѣхали вдоль одного берега мореплаватели; везли они на своихъ корабляхъ селитру (селитра добывается изъ земли большими кусками, какъ и каменная соль, — она и вкусомъ напоминаетъ ее; селитра употребляется у насъ для выдѣлки пороха, при солении мяса, рыбы и пр.).

Присталъ корабль къ берегу; берегъ песчаный, пустынный; рѣшили мореплаватели тутъ отдохнуть нѣсколько дней. Вечеромъ разложили на берегу костеръ, чтобъ варить ужинъ; котелокъ не на чемъ было поставить, такъ принесли съ корабля нѣсколько глыбъ селитры и положили ихъ въ середину костра. „Селитра — камень, — думали они, — выдержитъ огонь“. Ужинъ сварился; поужинали матросы и пошли спать на корабль. Огня никто не заливалъ: въ пустынѣ нечего бояться пожара.

На утро опять надо разводить костеръ, — обѣдь готовить.

Подошли матросы къ вчерашнему костру, смотрятъ, — а тамъ селитры нѣтъ, только лежатъ какіе-то блестящіе куски, мутно-прозрачные, сѣро-молочнаго цвѣта. Стали люди гадать, откуда и какъ это взя-

лось? Недолго пришлось думать, — отгадать нетрудно: селитра растаяла на огнѣ, смѣшалась съ пескомъ, вотъ и вышло что-то новое, — стекло.

Чтобъ удостовѣриться, что это именно такъ произошло, принесли снова куски селитры, развели еще большій огонь и стали наблюдать: что будетъ? Отъ сильнаго жара расплавилась селитра, расплавился и песокъ, — и вновь получились куски такого же стекла.

Обрадовались люди своему открытію и, пріѣхавъ домой, стали производить стекло, но не большими безформенными глыбами, а маленькими кусочками: имъ нравилось, какъ оно блеститъ, и стали его употреблять для разныхъ украшеній. Потомъ попробовали выдѣлывать фигурки изъ стеклянной массы: пока она еще не остыла, она похожа на тѣсто, и можно лѣпить изъ нея лошадокъ, птичекъ, человѣчковъ и т. п. А затѣмъ стали дѣлать стаканчики, чаши, блюда, — всякую посуду.

Если къ стеклянной массѣ подмѣшать особыхъ красокъ, то стекло выходитъ цвѣтное: синее, красное, зеленое.

Много сотенъ лѣтъ работали люди надъ выдѣлкой стекла; много всякихъ способовъ перепробовали, — разныя облегченія себѣ въ работѣ придумывали, и вотъ теперь выдѣлка стекла доведена до такого искусства, которое покажется просто сказочнымъ и невѣроятнымъ тѣмъ людямъ, которые не видѣли производства стеклянныхъ издѣлій на самомъ заводѣ.

На обширныхъ стеклянныхъ заводахъ устроены особыя печи, куда ставятъ котлы съ пескомъ, поташомъ и известью; эти три вещества отъ дѣйствія сильнаго жара превращаются въ жидкую и прозрачную стеклянную массу.

Всѣ, вѣроятно, знаютъ, какъ выдуваются черезъ соломинку мыльные пузыри: почти такъ же дѣлаютъ и стеклянную посуду.

Рабочій беретъ длинную желѣзную трубку и однимъ концомъ ея захватываетъ изъ котла немного стеклянной массы; взявъ въ ротъ другой конецъ,

оправленный въ дерево, онъ начинаетъ дуть, безпрестанно поворачивая трубку то вверхъ, то внизъ, ловко управляя ею, какъ инструментомъ, — и черезъ нѣсколько минутъ у него готова бутылка.

Посмотришь на эту работу со стороны, — какъ все просто! И работой какъ будто нельзя назвать это занятіе: машетъ-машетъ человѣкъ трубкой, — точно забавляется, а бутылка точно сама собою вырастаетъ. Но много лѣтъ человѣкъ долженъ учиться, чтобы

только одной простой трубкой да своимъ дыханіемъ ухитрится сдѣлать то бутылъ, то графинъ, то маленькій пузырекъ. И не думай, что умѣлому рабочему никакого труда не стоитъ выдѣлывать бутылки: цѣлый день, съ утра до вечера, все только дуть, — это утомительно и для легкихъ, и для головы.

Оконныя же и зеркальныя стекла дѣлаютъ особые мастера, и работа эта до того сложна, что разеказать о ней на словахъ такъ, чтобъ было всѣмъ понятно, нельзя: надо видѣть все производство, и тогда каждый поразится и искусствомъ мастеровъ, и умомъ тѣхъ людей, которые придумали, какъ изъ ничтожныхъ песчинокъ сдѣлать такое прекрасное гладкое и прозрачное стекло.

Человѣкъ.

Я — человѣкъ, и у меня, какъ и у всѣхъ людей, есть тѣло и душа.

Тѣло мое состоитъ изъ различныхъ частей, и всякая часть его исполняетъ какую-нибудь отдѣльную службу: глаза служатъ мнѣ для разсматриванія, уши — для слушанія, ноги — для ходьбы, ротъ и языкъ — для ѣды и для разговора, руки — для работы, носъ — для нюханія и т. д. Каждая часть тѣла называется органомъ: глаза — органъ зрѣнія, уши — органъ слуха, языкъ — органъ вкуса, носъ — органъ обонянія, пальцы — органъ осязанія.

Зрѣніе, слухъ, вкусъ, обоняніе и осязаніе, это — наши внѣшнія чувства; благодаря имъ, люди познаютъ все то, что есть на свѣтѣ, познаютъ различные предметы, которые окружаютъ ихъ; посредствомъ этихъ пяти внѣшнихъ чувствъ мы научаемся различать также и свойства или качества предметовъ.

Душа человѣка.

Душа человѣка невидима, но она оживляетъ все тѣло. Благодаря душѣ, человѣкъ обладаетъ многими внутренними чувствами и способностями. Напримѣръ, когда ученикъ сдѣлаетъ все то, что ему приказано сдѣлать, когда онъ исполнитъ свою обязанность, то на душѣ у него легко, спокойно; онъ играетъ или занимается своими дѣлами, и внутри его не раздастся никакого укора совѣсти; если же ученикъ или какой-нибудь человѣкъ не исполнитъ своей обязанности или сдѣлаетъ дурное дѣло, то его мучитъ совѣсть; его душа неспокойна, ему стыдно и страшно, онъ уже не можетъ веселиться отъ души, — онъ какъ бы слышитъ внутри себя чьи-то упреки и жалобы: это говоритъ его совѣсть.

Совѣсть человѣческая — это та способность нашей души, которая удерживаетъ людей отъ дурныхъ поступковъ; а если человѣкъ когда-нибудь не послушается голоса своей совѣсти, то все равно она не дастъ ему покоя и, рано или поздно, заставитъ его покаяться.

И не одна совѣсть удерживаетъ человѣка отъ дурныхъ поступковъ: въ душѣ нашей есть еще другая способность — воля.

Хорошій человѣкъ своею волею удерживаетъ себя отъ дурныхъ дѣлъ и выполняетъ свои обязанности, даже когда ему это трудно. Припомнимъ, для примѣра, стихотвореніе „Кончилъ дѣло, гуляй смѣло“: тамъ говорится, какъ хотѣлось мальчику, который сидѣлъ за уроками, погулять въ саду, гдѣ и солнышко такъ заманчиво свѣтитъ, и птички такъ весело и беззаботно поютъ, и вкусныя вишенки

краснѣютъ, — однако, онъ заставилъ себя исполнить все, что долженъ былъ сдѣлать: значить, у него была воля. Если бы не эта добрая воля, то мальчикъ, бросивъ работу, ушелъ бы въ садъ играть; но тогда его совѣсть не дала бы ему покоя.

Кромѣ совѣсти и воли, въ душѣ человѣческой есть и еще одна способность: это — вѣра въ Бога.

Богъ есть Духъ, и Его видѣть невозможно; но люди вѣрують, что Онъ существуетъ, вѣрують, что Онъ, Всемогущій, создалъ все и всѣмъ распоряжается; отъ Него, Всеблагото Промыслителя, зависитъ и наша жизнь, и наше здорье, и наше счастье. Поэтому-то мы всей душой молимся Ему, Отцу нашему небесному, обращаемся къ Нему и въ радости, и въ нуждѣ. Принимаясь за дѣло, мы говоримъ: „Господи, благослови!“ Окончивъ дѣло, мы говоримъ: „Слава Богу!“ Этимъ мы выражаемъ вѣру нашей души въ то, что все — и начало, и конецъ — зависитъ отъ Бога. Самъ Иисусъ Христосъ сказалъ такъ:

„Возлюби Господа Бога твоего всею душою твоею“.

Когда настанетъ время нашей смерти, то тѣло разрушается, но душа не умираетъ: она безсмертна.

Умъ человѣка.

Кромѣ всѣхъ этихъ способностей, Богъ одарилъ человѣка еще другими душевными способностями — умственными.

Первая и самая простая умственная способность — пониманіе. Ребенокъ долго не понимаетъ, что ему говорятъ; не понимаетъ, какъ ему обращаться съ вещами, и потому портитъ ихъ, ломаетъ или бьетъ; не

понимаетъ, что онъ мучить котенка, когда давить его своими ручонками. Со временемъ онъ пойметъ все это, научится понемногу и слова понимать, и съ вещами обращаться,—будетъ понимать и разговоръ, и игры, и ученье... Но много еще лѣтъ нужно ему для того, чтобы вполнѣ понимать все то, что всякому человѣку надо знать.

Способность пониманія не у всѣхъ людей одинакова: иному можно втолковать дѣло въ нѣсколько минутъ, а другой и за часъ его не пойметъ. У тѣхъ, кто учится, способность пониманія все болѣе и болѣе развивается: то, чего ученикъ не можетъ понять въ этомъ году, въ слѣдующемъ году станетъ ему понятнымъ; что казалось ему вначалѣ труднымъ, со временемъ становится легкимъ; иная задача, напримѣръ, кажется ученику совсѣмъ непонятной, а когда учитель растолкуетъ ему ее, объяснить, то она становится учащемуся ясной и понятной. Объ этомъ и въ стихотвореніи „Ученье — свѣтъ“ говорится такъ: „Не хитра наука, если все понять“. А въ другомъ стихотвореніи сказано: „Въ классѣ быть, такъ не зѣвать, а стараться понимать“.

Но не одной только способностью пониманія одаренъ человѣческій умъ; есть у людей еще и другая умственная способность: это — память. Благодаря этой способности, мы запоминаемъ названія предметовъ, имена людей, дорогу отъ нашего дома къ дому знакомыхъ или къ школѣ; учась, мы запоминаемъ буквы, молитвы, стихи, объясненія учителей, приказанія и совѣты старшихъ; помнимъ разные случаи изъ нашей жизни, помнимъ, куда спрятали какую-нибудь вещь.

Словомъ, наша память служить намъ ежеминутно очень важную службу: безъ нея ученикъ, выучившій вчера свои уроки, не могъ бы сегодня ихъ отвѣчать, и весь его трудъ пропалъ бы даромъ; безъ нея мы, прочитавъ интересную книгу, черезъ недѣлю уже и не знали бы, о чемъ тамъ говорилось; безъ памяти плохо пришлось бы самому понятливому ученику: сегодня онъ выслушалъ объясненія учителя, понялъ его, а завтра—у него уже нѣтъ ничего въ головѣ, онъ все позабылъ и отвѣчаетъ такъ же плохо, какъ и тотъ, кто не понялъ словъ учителя.

Пониманіе и память — вотъ двѣ чрезвычайно важныя умственные способности человѣка; обѣ онѣ въ одинаковой степени, одновременно и нераздѣльно, необходимы каждому изъ насъ: если будешь только понимать, но не запомнишь того, что понялъ,—пользы для тебя мало, и нельзя надѣяться, чтобъ изъ тебя вышелъ умный человѣкъ; если будешь только запоминать, не стараясь понять то, что учишь на память,—научишься только болтать языкомъ, а ума и толку не прибавишь ни себѣ, ни другимъ.

Кромѣ пониманія и памяти, человѣческой умъ имѣетъ еще способность: это — воображеніе.

Воображеніемъ называется та умственная способность, при помощи которой мы мысленно представляемъ себѣ то, чего въ настоящую минуту вовсе нѣтъ передъ нашими глазами; напр.: мы можемъ себѣ представить пожаръ, не видя его; зимой мы мысленно представляемъ себѣ зеленый лѣсъ, луга, цвѣтушіе сады; можемъ вообразить себя въ положеніи лошади, которая съ трудомъ везетъ тяжелый возъ и которую

при этомъ еще безпощадно бьютъ,—и станемъ чувствовать тѣмъ большую жалость къ кроткому животному; мы, силой нашего воображенія, можемъ представить себя въ положеніи птички, запертой въ клеткѣ или потерявшей своихъ птенцовъ,—и чувство состраданія тогда живо заговоритъ въ нашей душѣ.

Какъ часто дѣти мучатъ животныхъ только потому, что у нихъ еще не развилась способность вообразить себѣ, что животныя испытываютъ страданія отъ неосторожнаго съ ними обращенія.

Когда въ классѣ учитель рассказываетъ про горы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, или про жаркія пустыни, гдѣ, кромѣ песку и камней не встрѣтишь ничего иногда на цѣлую сотню верстъ, или про море, какъ оно бушуетъ, какія страшныя волны ходятъ по нему,—ученики, никогда не видавшіе ни горъ, ни пустынь, ни моря, все-таки могутъ мысленно вообразить ихъ себѣ.

Значить, воображеніе приноситъ намъ большую пользу: оно помогаетъ намъ представить себѣ тотъ міръ, въ которомъ, быть-можетъ, въ дѣйствительной жизни намъ никогда не придется побывать; а пробуждая въ насъ чувства жалости и состраданія, воображеніе дѣлаетъ нашу душу добрѣе, останавливаетъ насъ отъ многихъ дурныхъ дѣлъ.

Мы разсмотрѣли уже три умственные способности человѣка: пониманіе, память и воображеніе. Теперь остается сказать еще объ одной способности человеческого ума: о соображеніи.

Когда человѣкъ думаетъ, то онъ въ одно и то же время и понимаетъ, и припоминаетъ, и воображаетъ.

Возьмемъ, для примѣра, ученика, который прочелъ задачу и принялся обдумывать, какъ ее рѣшить. Чтобъ этотъ ученикъ додумался до правильнаго рѣшенія, надо, конечно, чтобы онъ понялъ смыслъ задачи и взаимную связь всѣхъ данныхъ чиселъ; когда онъ пойметъ все это, то припомнитъ, какъ онъ поступалъ раньше въ подобныхъ случаяхъ, и какія именно дѣйствія совершалъ; воображеніе ученика въ это время тоже не дремлетъ: если въ задачѣ говорилось о мѣшкахъ, то ученикъ и представитъ себѣ мѣшки, а если о яблокахъ, то — яблоки.

Вотъ, когда всѣ эти наши умственные способности дружно и разомъ примутся за работу и ни одна не отстанетъ отъ другой, мы и додумаемся до того, и какъ задачу рѣшить, и какъ всякое дѣло свое сдѣлать, т.-е. мы сообразимъ.

Но если у человѣка одна какая-нибудь умственная способность слабѣе другихъ (память, напр., бываетъ медлительна, или пониманіе тугое), то такой человѣкъ окажется несообразительнымъ, и въ то время, какъ другіе, можетъ-быть, уже половину работы сдѣлали, онъ все еще не знаетъ, какъ и съ чего ему начинать.

Итакъ, наше соображеніе есть одновременная дѣятельность нашихъ главнѣйшихъ умственныхъ способностей: пониманія, памяти и воображенія. Упражня наше соображеніе, задавая ему почаще работу, мы тѣмъ самымъ упражняемъ наши умственные способности, развиваемъ и укрѣпляемъ нашъ умъ.

Ларчикъ.

Случается нерѣдко намъ

И трудъ, и мудрость видѣть тамъ,

Гдѣ стоитъ только догадаться,
За дѣло просто взяться.
Къ кому-то принесли отъ мастера ларець.
Отдѣлкой, чистотой ларець въ глаза кидался;
Ну, всякій ларчикомъ прекраснымъ любовался.

Вотъ входитъ въ комнату механики мудрецъ.
Взглянувъ на ларчикъ, онъ сказалъ:

„Ларець съ секретомъ;
Такъ; онъ и безъ замка;

А я берусь открыть; да, да, увѣренъ въ этомъ.
Не смѣйтесь такъ исподтишка!

Я отыщу секретъ и ларчикъ вамъ открою:
Въ механикѣ и я чего-нибудь да стою“.

Вотъ за ларець принялся онъ:
Вертитъ его со всѣхъ сторонъ,—

То гвоздикъ, то другой, то скобку пожимаетъ.
Туть, глядя на него, иной

Качаетъ головой,
Тѣ шепчутся, а тѣ смѣются межъ собой.

Въ ухахъ лишь только отдается:
„Не туть, не такъ, не тамъ!“ Механикъ пуще рвется.

Потѣлъ, потѣлъ, но наконецъ усталъ,
Отъ ларчика отсталъ

И, какъ открыть его, никакъ не догадался.
А ларчикъ просто открывался.

Крыловъ.

Древніе люди.

Ты знаешь, что есть на свѣтѣ разные народы:
нѣмцы, французы, турки, греки и другіе; всѣ они не
не похожи на насъ, русскихъ, и не похожи другъ на
друга: они отличаются и видомъ, и языкомъ, и обы-
чаями. Но въ давнее-давнее время между людьми не
было такой замѣтной разницы.

На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находятся благоустроенныя государства, какъ Россія, Франція, Германія и др., тысячи за три лѣтъ до нашего времени обитали древніе люди. Это были безпомощные неразумные дикари. Жили они въ лѣсахъ или по берегамъ рѣкъ; но жилья постояннаго еще не умѣли устроить. Питались эти дикари, чѣмъ попало: рыбой, сырымъ мясомъ убитаго животнаго или корешками растений; но и эта неприхотливая пища не каждый день попадалась,—надо было все это раздобыть, промыслить, и потому вся жизнь древняго человѣка проходила въ поискахъ за пищей, и много людей погибало отъ дикаго звѣря, отъ ядовитыхъ растений, а то и просто отъ голода.

Жили такіе люди въ одиночку или семьями, но общинъ не было: каждый боялся, какъ бы другой не захватилъ его добычи; и когда встрѣчались двѣ семьи на охотѣ въ лѣсу или на берегу ручья, то происходили драки и убійства.

Голодно и безпокойно было жить дикарямъ: вѣчно надо быть на сторожѣ то отъ дикаго звѣря, то отъ своего же брата-дикаря. Хищный звѣрь нападаетъ и днемъ, и ночью, а защиты противъ него у дикаря никакой: у звѣря когти, зубы, сильныя лапы, у человѣка же, кромѣ своей небольшой тѣлесной силы, никакого орудія.

Но всѣ эти страданія, продолжавшіяся не одну сотню лѣтъ, научили, наконецъ, древнихъ людей отыскивать средства къ защитѣ: сначала въ рукахъ дикаря была только дубина, которой, однако, онъ не всякаго звѣря могъ убить; потомъ придумалъ человѣкъ къ толстой палкѣ привязать камень (для этого употреблялись жилы животныхъ); а впослѣдствіи стали

выдѣлывать оружіе изъ камня, обтесывая его въ видѣ широкаго копья, которое прикрѣплялось къ древку тоже жилами убитыхъ животныхъ. Когда люди придумали себѣ каменное оружіе, то они стали меньше страдать отъ дикихъ звѣрей.

На охоту дикарь отправлялся со всею семьею; у всѣхъ въ рукахъ палки съ каменными острыми наконечниками. Они толпой нападаютъ на животныхъ и быстро приканчиваютъ ихъ; тутъ же усаживаются пожирать добычу, рвутъ ее на куски руками или рѣжутъ каменной пилой, а жилы животного, какъ драгоценность, сохраняются для новыхъ оружій. Тутъ же, наѣвшись до отвалу, укладываются спать. На другой день идетъ дикарь дальше; за

нимъ плетутся и его старшія дѣти, а маленькихъ несетъ жена въ корзинкѣ за плечами.

Но охота не всякій день бываетъ удачна: звѣри тоже бродятъ, и часто проходитъ нѣсколько дней, пока попадется хоть что-нибудь съѣдобное.

Тяжела жизнь бродячаго дикаря! Много въ ней труда, муки, опасностей, а радость только одна: наѣсться до отвалу, до безчувствія, да крѣпко уснуть.

Кочующіе люди.

Тяжело жилось первобытному человѣку,— не было у него ни жилья, ни пищи: охотясь за животными,

чтобы добыть себѣ пропитаніе, онъ не могъ жить на одномъ мѣстѣ; и животныя не всегда попадались ему,—приходилось очень часто голодать.

Раздумывая о своей горькой жизни, древній человекъ, вѣроятно, не разъ вздыхалъ о томъ, какъ бы хорошо было, если бы животныя, нужныя для его пропитанія, были постоянно при немъ: когда захотѣлъ, тогда и съѣлъ. А отъ этой мысли недалеко и до соображенія: какъ бы это такъ сдѣлать?

Весьма вѣроятно, что случай помогъ ему: пришлось дикарю когда-нибудь повстрѣчаться въ лѣсу съ молодыми животными, оставшимися безъ матки; они страха не знаютъ и отъ человекъ не бѣгутъ; забралъ онъ ихъ да и рѣшилъ вырастить при себѣ. Ухаживалъ дикарь за молодыми животными, кормилъ и поилъ ихъ, а они привыкали къ нему помаленьку.

Теперь на охоту не идутъ уже всей семьей: жена и ребятишки остаются въ шалашѣ и присматриваютъ за скотиной; скотина не отбивается отъ человекъ, понимая, что это — ея кормилецъ. Такъ и приручилъ дикарь животныхъ; а они стали плодиться,—и развелись у человекъ домашнія животныя.

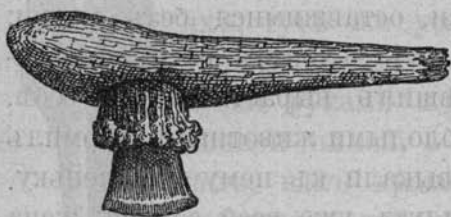
Легче стало первобытнымъ людямъ, когда они обзавелись скотиной: пища всегда подъ рукой, любую корову выбирай, и не надо съ нею сражаться,—она сама довѣрчиво подходитъ къ человекъ.

Но, занявшись скотоводствомъ, человекъ измѣнилъ и свой образъ жизни. Заботясь, чтобъ у скотины было всегда вдоволь корма, хозяинъ долженъ былъ часто мѣнять мѣсто своего обитанія: какъ только скотъ поѣлъ и вытопталъ траву на одной полянкѣ, — надо было его перегонять на другую, отыскавъ подходящую. Разбирался шатеръ, собирались пожитки, оружіе, на-

вьючивалась вся семья и перекочевывала въ новыя мѣста, пригодныя для пастбы.

Такъ человѣкъ изъ бродячаго дикаря сталъ кочевымъ. Бродячій человѣкъ идетъ, куда глаза глядятъ; кочевой идетъ на выбранное имъ, болѣе удобное мѣсто; бродячій не знаетъ, что съ нимъ завтра будетъ, — найдетъ ли онъ добычу, или голодать придется; кочевникъ имѣетъ пропитанія вдоволь и для себя, и для своей семьи: теперь онъ не охотникъ, а пастухъ.

Каменное оружіе и прирученіе животныхъ — вотъ

два обстоятельства, которыя улучшили жизнь первобытныхъ людей.

Но тяжело было человѣку во время кочевья таскать на себѣ все свое имущество; сталъ онъ придумывать, какъ бы облегчить себя.

Вотъ онъ идетъ, нагруженный своими каменными топорами, шкурами звѣрей, кольями да огромными морскими раковинами, которыя замѣняли ему и нашу посуду, и лопаты, — а скотина бредетъ подлѣ... „Ишь, какъ ей вольготно!“ думаетъ хозяинъ: „вотъ понесла бы, какъ я, всѣ эти тяжести... А почему нѣтъ? Дай-ка, попробую!“

И навьючилъ человѣкъ на коровъ и на козъ свои хозяйственные вещи; тѣ — хоть бы что!

„Ладно! — думаетъ человѣкъ: — и всегда буду дѣлать такъ“.

И скотина стала помощникомъ человѣка.

Мало по-малу, годъ за годомъ, проба за пробой, — и придумалъ кочевникъ телѣгу, нескладную сначала (дерево было срублено и обтесано каменнымъ топо-

ромъ), но проходить сотня-другая лѣтъ, и все понемногу улучшается: чего не придумалъ отецъ, то, можетъ, придетъ въ голову его внуку; внуку научить своихъ дѣтей, а изъ этихъ дѣтей отыщется еще какой разумникъ, который улучшить то, чему его научили...

Такъ постепенно поколѣніе за поколѣніемъ придумываетъ одно улучшение за другимъ, и жизнь отъ этого становится все легче и легче. Теперь люди уже меньше враждуютъ другъ съ другомъ: они не вступаютъ въ драку изъ-за добычи, а, встрѣчаясь, дружатся, любопытствуя узнать, какъ и что дѣлается у другихъ, перенимаютъ полезное, совѣтуются о дѣлахъ и мирно расходятся, отыскивая на широкомъ просторѣ новыя пастбища.

Кочевая жизнь и разнообразныя заботы о хозяйствѣ постоянно заставляли человѣка думать; отъ этого его умственные способности стали изощряться, развиваться: кочевникъ гораздо сообразительнѣе, умнѣе первобытнаго дикаря; его нравъ, характеръ также отличается отъ нрава и характера бродячаго человѣка: прежняя звѣроподобная жестокость замѣнилась мирнымъ дружелюбіемъ и интересомъ къ жизни другихъ людей.

Осѣдлые народы.

Приручилъ себѣ дикарь смирныхъ травоядныхъ животныхъ, запасся постоянной пищей, мясомъ и молокомъ, и сталъ онъ изъ дикаря кочевникомъ. Но чѣмъ больше присматривался пастухъ къ своимъ кормильцамъ, тѣмъ больше придумывалъ онъ, какую пользу можно еще отъ нихъ получить: сначала онъ попробовалъ запрягать коровъ, потомъ быковъ, наконецъ и лошадь. Затѣмъ онъ сталъ и одежду свою

отъ нихъ получать: то надѣвалъ на себя содранную шкуру овцы, потомъ мало-по-малу придумалъ изъ ея шерсти дѣлать войлокъ, а впоследствии и сукно.

И сталъ скотъ доставлять своему хозяину не только пищу, но и одежду.

Выгодно кочевнику заниматься скотоводствомъ, — вотъ онъ и бережетъ свои стада, доставляетъ имъ удобныя пастбища, охраняетъ ихъ отъ хищнаго звѣря. И знаетъ онъ, что его скотина любитъ, что ей идетъ въ прокъ и что вредить. Замѣтилъ разъ заботливый хозяинъ-пастухъ, что его коровы поѣдаютъ съ особеннымъ аппетитомъ какое-то колосистое растеніе; присмотрѣлся онъ поближе къ этому лакомству: растеніе совсѣмъ невзрачное, — тоненькій, желтый, совсѣмъ сухой стебелекъ, на которомъ ни одного зеленого сочнаго листочка нѣтъ, а на верху стебелька повисла головка съ зернышками. Что же такъ жадно поѣдаютъ коровы и лошади? Оказалось: эти самыя головки съ зернышками. — „Дай, попробую!“ думаетъ пастухъ. — Ничего... Съѣлъ еще и еще. Отъ скуки, приемотривая за стадомъ, онъ вышелушилъ не мало этихъ хлѣбныхъ колосевъ, пока не почувствовалъ, что онъ сытъ.

— Ага! Вотъ еще чѣмъ можно напиться мнѣ! — рѣшилъ заботливый хозяинъ. Пошелъ домой, разскалъ о своемъ открытіи женѣ и дѣтямъ и послалъ ихъ на другой день собирать колосья да шелушить зерна. Запасли не мало.

Когда скотъ вытолокъ тутъ всѣ растенія, пришлось сниматься кочевникамъ съ этого мѣста; перешли на новыя пастбища, но здѣсь уже нѣтъ этихъ понравившихся человѣку зернышекъ, и растетъ только простая трава. Скоту ничего, — и травой довольны животныя, а человѣку жалко, что лишился онъ выгод-

ной пищи. „Хорошо, если бъ тѣ растенія росли всюду, куда ни придешь!“ размышляетъ кочевникъ. Но такъ какъ онъ давно уже примѣтилъ, что растенія вырастаютъ изъ зеренъ, то ему не трудно было сообразить, что надо сдѣлать для того, чтобы полезное ему растеніе выросло и тутъ: онъ побросалъ въ землю тѣ зерна, которыя у него еще оставались, т.-е. посеялъ ихъ возлѣ своего становища.

Взошли его первые посѣвы, да плохо: мало колосьевъ явилось. Сталъ человекъ оберегать свое поле отъ скота: самому, моль, мало,—вы и травкой пропитаетесь. И сталъ онъ голову ломать: отчего на томъ мѣстѣ колосья росли густо, а тутъ у него гдѣ-нигдѣ колосокъ выросъ? Много лѣтъ прошло, пока человекъ доглядѣлся до того, что нужно зернамъ, чтобы они хорошо прорастали. Оказалось: надо ихъ сѣять не на землю, а въ землю. Попробовалъ онъ расковырять землю своими каменными орудіями, и хотя дѣло шло медленно и многихъ трудовъ стоило ему и его семьѣ, но зато какъ густо взошли зеленыя травинки!

„Вотъ теперь будетъ ладно!“ думаетъ обрадованный труженикъ.

Ждетъ онъ хорошаго урожая. Но вотъ бѣда: скоту здѣсь нечѣмъ уже пастись, надо перегонять его на другое мѣсто и самому перекочевывать на новое становище, а хлѣбъ далеко еще не созрѣлъ.

Жалко кочевнику бросать свою ниву, политую его потомъ; велитъ онъ своимъ сыновьямъ гнать стадо на другое пастбище, а самъ съ женой и дочками остается здѣсь. Созрѣлъ наконецъ хлѣбъ; собрали зерно,—теперь надо догонять сыновей. Неохотно разстается хозяинъ съ насиженымъ мѣстечкомъ; однако идетъ. На новомъ мѣстѣ, гдѣ онъ нагналъ

сыновей и свои стада, отецъ и вся семья принимаютъ опять ковырять землю, опять сѣютъ хлѣбъ и ждутъ урожая. Но теперь уже старикъ не хочетъ переходить съ этого поля; онъ велитъ сыновьямъ отправляться на новыя мѣста, и потомъ не итти дальше, а вернуться сюда, къ нему. Прошелъ мѣсяць-другой; выросъ хлѣбъ, выросла и вытолоченная скотомъ трава, поднялась послѣ дождей и снова готова принять къ себѣ на прокормъ стада. И пришли они, возвратились со своими пастухами; тѣ думали, что никакого корму тутъ не будетъ, — анъ вышло такъ, что и людямъ есть, что ѣсть, и скоту пастбище готово.

Понялъ тогда человѣкъ, что ему незачѣмъ перекочевывать съ мѣста на мѣсто, слоняться всю жизнь по всей странѣ, когда можно, живя въ своемъ уголку, обезпечить и себя, и свой скотъ пищею на круглый годъ.

Такимъ-то образомъ, въ теченіе многихъ вѣковъ, постепенно умнѣлъ человѣкъ: присматриваясь къ природѣ, онъ подмѣчалъ въ ней все новые дары, придумывалъ разные способы употребить ихъ себѣ на пользу, а отъ этого его жизнь становилась все покойнѣе, сытѣе и обезпеченнѣе.

Свои познанія люди передавали другъ другу изъ поколѣнія въ поколѣніе; къ познаніямъ дѣдовъ прибавлялись новыя открытія внуковъ, дѣлались улучшения орудій и способовъ работы, и отъ всего этого мало-по-малу измѣнялся образъ жизни древнихъ людей: изъ бродячаго дикаря-охотника человѣкъ превратился въ кочевника-пастуха; кочевникъ, оставаясь все еще пастухомъ, сдѣлался осѣдлымъ человѣкомъ, какъ только началъ заниматься обработкой земли; потомъ онъ уже не сталъ нуждаться въ большихъ стадахъ: его главной кормилицей сдѣлалась земля, — и онъ

скотины держалъ уже немного, зато земли распахи-валъ все больше и больше, — и сталъ наконецъ че-ловѣкъ настоящимъ хлѣбопашцемъ.

Огонь и металлы.

Сильно измѣнился образъ жизни первобытныхъ людей послѣ прирученія животныхъ; еще рѣзче стала замѣтна разница, когда люди начали засѣвать поля хлѣбомъ, но самая большая перемѣна совершилась съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ открылъ способъ обработки металловъ и принялся выдѣлывать металлическія ору-жія и орудія.

Но раньше, чѣмъ научиться выдѣлывать вещи изъ металловъ, человѣкъ долженъ былъ познакомиться съ огнемъ и узнать его свойства. Какъ и когда это произошло, — въ точности неизвѣстно.

Вѣроятно, случай натолкнулъ человѣка на откры-тіе огня: послѣ грозы горѣло дерево, въ которое уда-рила молнія; человѣкъ увидалъ это, заинтересовался новымъ для него явленіемъ и сталъ наблюдать его. Замѣтивъ, что огонь согрѣваетъ (что было пріятно промокшему подъ дождемъ человѣку), онъ сталъ под-держивать горѣніе, подбрасывая въ огонь вѣтки и сучья. Потомъ, со временемъ, человѣкъ перенесъ огонь въ свое жилище, заботясь постоянно, и день и ночь чтобы этотъ дивный даръ неба не погасъ.

Или же дѣло могло произойти и такъ: перевозя свои пожитки на грубо сколоченной телѣгѣ, человѣкъ замѣтилъ, что ось возлѣ колеса задымилась; не по-нимая, что это такое, хозяинъ смотрѣлъ равнодушно, пока разохшееся дерево не загорѣлось, и если это было въ холодную погоду, то онъ славно огрѣлъ

свои руки, спасая пожитки съ деревянной повозки. Затѣмъ пострадавшій человѣкъ сталъ думать: отчего произошла такая бѣда? Отправляясь въ дорогу на слѣдующій разъ, человѣкъ сталъ уже внимательно приглядываться: что происходитъ съ осью и колесомъ? Ощупывая ихъ рукою нѣсколько разъ, онъ замѣтилъ, что ось и колесо въ томъ мѣстѣ, гдѣ они прилегаютъ другъ къ другу, нагрѣваются и становятся все горячѣй и горячѣй.—Это оттого, что они трутся,—рѣшилъ внимательный наблюдатель. Онъ взялъ два куска дерева и сталъ ихъ сильно тереть одинъ о другой,—произошло то же, что и съ осью: они задымились, а потомъ и затлѣлись. Тогда человѣкъ узналъ, какъ добыть огня.

Какъ бы то ни было, — такъ или иначе открылъ впервые человѣкъ огонь, — не это важно: важно то, что огонь былъ открытъ и началъ свою службу на потребу человѣка. Вотъ и еще одинъ слуга и помощникъ людей! И какой могучій, сильный! Передъ нимъ ничто не можетъ устоять: отъ его жару трескаются камни, а громадное дерево, которое человѣкъ и въ мѣсяць не срубилъ бы, валится, какъ подкошенное, если обгорить снизу...

Но самое главное, что порадовало человѣка, было слѣдующее: давно уже онъ находилъ въ землѣ необыкновенно тяжелые камни, которые казались ему пригодными для его орудій и молотовъ, да справиться съ ними ему было не подъ силу, — ничѣмъ такого камня не раздробишь на куски; огонь же, добравшись до этихъ особенныхъ камней, растопилъ ихъ, сдѣлалъ жидкими...

То были не камни, а металлы. И увидѣлъ человѣкъ, что теперь ему легко отдѣлать отъ большого

куска какую угодно часть и, пока она не остыла, сдѣлать изъ нея, что угодно, — придать ей всякую форму.

Тогда начали дѣлать металлическія вещи: молотки, что-то въ родѣ топора, что-то похожее на ножъ или на косу, лопаты и т. п. Всѣ эти вещи были неказисты, грубо сдѣланы, а все же своею прочностью оказывали человѣку не мало услугъ въ работѣ: металлической лопатой легче рыть землю, чѣмъ раковиной или камнемъ, привязанными къ палкѣ; грубымъ и мало-заостреннымъ ножомъ или топоромъ все же лучше рубить дерево, чѣмъ каменнымъ; а металлическій молотъ никогда не разлетается въ куски, когда имъ разбиваютъ большіе камни.

Стало людямъ легче работать, — стало имъ лучше жить. И пища, и одежда, и жилье, и упряжь, и орудія труда — все стало иное, чѣмъ прежде. Пища варится и печется на огнѣ, а не пожирается сырьемъ; хлѣбныя зерна перетираются камнями въ муку, а изъ муки пекутся лепешки; уже имѣется разная посуда, такъ какъ человѣкъ научился обжигать глину; одежда, выкроенная хоть и тупымъ ножомъ, все же аккуратнѣе прежней, и человѣкъ не походитъ въ ней на звѣря; упряжь и телѣги тоже другія; ножомъ удалось разрѣзать бычачью кожу на полосы, которыя замѣнили собой прежнюю мочальную сбрую, а телѣги не такія уже неуклюжія, потому что дерево обтесывается металлическимъ топоромъ лучше, чѣмъ камнемъ. И жилье человѣка становится просторнѣе и краше: это ужъ не шалашъ изъ вѣтокъ и не хижина, въ которой еле повернуться можно, это — изба изъ бревенъ.

Съ открытіемъ огня и металловъ кончился для человѣка каменный вѣкъ.

Силы природы и умъ человѣка.

Съ незапамятныхъ временъ присматривался человекъ къ природѣ, — ко всему, что есть въ обширномъ и прекрасномъ мірѣ Божіемъ: наблюдалъ за тѣмъ, что есть на землѣ для него опаснаго, вреднаго, смертоноснаго, и что можетъ ему послужить на пользу. Эти знанія накопились у человечества медленно, вѣками. Но что приобрѣталось однимъ поколѣніемъ, то передавалось другому; что составляло для одного времени новинку, открытіе, то становилось предметомъ обыкновеннымъ въ послѣдующія времена. Человѣчество одарено разумомъ, — этимъ величайшимъ даромъ Создателя, наградившаго имъ слабаго, беззащитнаго человека взамѣнъ физической силы, данной животнымъ; человечество одарено и памятью, которая задерживаетъ въ нашемъ сознаніи то, чего добился разумъ, и не позволяетъ погибнуть безслѣдно ни одной разумной и полезной мысли; человечество одарено и воображеніемъ, приходящимъ на помощь даже тогда, когда передъ глазами у человека нѣтъ того предмета, о которомъ онъ думаетъ или о которомъ ему рассказываетъ кто-нибудь другой; человечеству дано соображеніе, — та умственная сила, которая двигаетъ и составляетъ одновременно работать всѣ остальные способности человеческого ума.

Всѣ эти умственные способности человекъ получилъ въ даръ отъ своего Вѣчнаго Промыслителя и, благодаря имъ, онъ покорилъ и неразумныхъ животныхъ, и бездушную природу: теперь въ его распоряженіи и растенія, и твари, и камни, и огонь, и металлы.

Но человекъ не довольствуется побѣдой надъ своими близкими сосѣдями; чувствуя свое могущество,

сталъ онъ пытаться покорить себѣ и то, что отстоятъ далеко отъ него.

Замѣтилъ онъ силу теченія воды.

Переплывая черезъ рѣки и озера, онъ приглядѣлся къ тому, какая разница между стоячей водой и текучей: стоячая не помогаетъ ему плыть, не уноситъ за собой, но зато и не мѣшаетъ, не препятствуетъ подвигаться ему, куда онъ хочетъ; только требуетъ она постоянной работы

отъ пловца: все гребни да гребни, если хочешь очутиться далеко. Совсѣмъ не то на рѣкѣ: ея вода сама движется и несетъ за собою все, что на ея поверхности; и если попадетъ плотъ человѣка или его грубо выдолбленная изъ ствола дерева ладья, то они уносятся теченіемъ рѣки и не требуютъ для своего передвиженія работы человѣка. Замѣтилъ это че-

ловѣкъ и сталъ пользоваться рѣкой, какъ даровой силой; нагрузить свой плотъ или лодку разнымъ добромъ и пустится по теченію внизъ, — рѣка уноситъ его на далекое пространство, куда ему — ни пѣшему, ни конному — не пробраться бы. Такъ стали люди посѣщать чужія, далекія страны, стали сношаться съ другими людьми, привозя имъ свои товары. Рѣки — это самыя древнія дороги.

Но воспользовавшись силой теченія рѣки, человѣкъ не упустилъ изъ виду и маленькіе ручейки: отъ нихъ онъ провелъ канавки на свои луга, чтобы проходящая по нимъ вода давала сырость землѣ и способствовала росту густой и сочной травы. На берегахъ рѣчекъ построилъ онъ нехитрыя водяныя мельницы-коло-товки и, задавъ работу водѣ, пересталъ съ тѣхъ поръ растирать ручными жерновами зерна хлѣба въ муку.

Также не мало времени и мысли понадобилось, чтобъ запрячь въ работу вѣтеръ. Ужъ на что, ка-

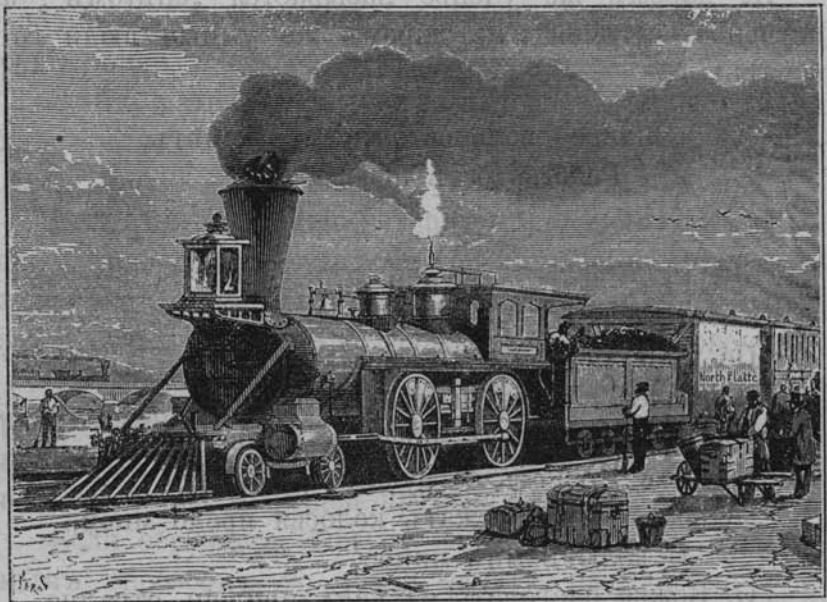
жется, свободный гуляка и не-
посѣда вольный вѣтеръ! Только
и дѣла у него, что разносить
по свѣту тучи, срывать листья
и сѣмена растений, переносить
пыль цвѣточную да обмѣнивать,
освѣжать воздухъ отъ дыма,
гари и дурного запаха... Но че-
ловѣку показалось и этого мало:
пожелалъ онъ, чтобъ вѣтеръ
помогалъ ему въ тѣхъ дѣлахъ,

гдѣ своихъ силъ у него нехватало. Однако, какъ изловить вольный вѣтеръ? И тутъ сила разума одолѣла силу природы, — приспособила ее къ потребности людской: на своихъ лодкахъ, баркахъ и корабляхъ поставилъ человѣкъ паруса и, повернувъ ихъ какъ слѣдуетъ, понесся точно на крыльяхъ и противъ те-
ченія воды, и по безбрежному морю. А крылья вѣтря-
ныхъ мельницъ завертѣли жернова и стали молоть хлѣбъ даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было ни рѣки, ни быстрого, многоводнаго ручья.

Въ недавнее время (всего только сто лѣтъ назадъ) приспособилъ человѣкъ себѣ въ услуженіе и еще одну

силу—паръ. Этой могучей силой ученые воспользовались и придумали паровозы и поѣзда, пароходы и паровыя мельницы и тысячи различныхъ машинъ, которыя на многочисленныхъ фабрикахъ и заводахъ изготовляютъ полотна, сукна, матеріи, нитки, иголки, гвозди, перья, земледѣльческія орудія и безчисленное множество всевозможныхъ предметовъ, безъ которыхъ не обходится теперь и самый бѣдный человѣкъ.

Вотъ къ чему привели знанія человѣка, которыя онъ накоплялъ изъ вѣка въ вѣкъ, наблюдая природу: накоплялъ онъ эти знанія тысячами лѣтъ и передавалъ ихъ своимъ дѣтямъ въ наукѣ, въ мастерствѣ,— и сталъ теперь владыкой многихъ природныхъ силъ, скрытыхъ въ тайникахъ земли, воды и воздуха. А сколько же еще остается въ природѣ неизвѣданнаго, недоступнаго для человѣческаго ума! Сколько еще

предстоитъ открытій и усовершенствованій, которыхъ мы въ настоящее время и предвидѣть не можемъ, какъ не предвидѣли наши предки ни желѣзныхъ дорогъ, ни пароходовъ.

Но умъ человѣческій, просвѣтленный ученьемъ, быстрѣе и легче доходить до того, до чего наши предки, бѣдные еще образованіемъ, съ трудомъ додумывались долгіе вѣка.

Не даромъ же ученье называется „свѣтомъ“, а неученье — „тьмой“; не даромъ же умные люди говорятъ:

„Знанье—вольность, знанье—свѣтъ,
Рабство безъ него!“

Н и в а.

По нивѣ прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цѣпкой лебедой.
Куда ни оглянусь,—повсюду рожь густая!
Иду, съ трудомъ ее руками разбирая.
Мелькаютъ и жужжать колосья предо мной,
И колютъ мнѣ лицо...

О, Божья благодать! О, какъ прилечь отрадно
Мнѣ въ тѣнь высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
Бесѣду важную ведутъ между собой.

О, Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай—дары святые неба;
Но, хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!

Майковъ.

О занятіяхъ людей.

Человѣку для поддержанія его жизни нужны: пища, одежда, жилище. Всѣ предметы для нашихъ насущныхъ потребностей производить, по благодати Божіей, природа. Но въ природѣ нѣтъ готоваго хлѣба, сотканнаго платя и выросшей изъ земли избы: природа даетъ только матеріаль, надъ которымъ человѣкъ долженъ не мало потрудиться, чтобы получились тѣ предметы, которые необходимы намъ для удовлетворенія нашихъ жизненныхъ потребностей.

Этотъ матеріаль, добываемый разными способами изъ земли, обрабатывается затѣмъ или ручнымъ трудомъ, или же машинами.

Всѣ занятія людей, которыя направлены только къ тому, чтобы добыть изъ земли различные матеріалы, называются добывающей промышленностью; такъ напр.: земледѣліе, горное дѣло, добываніе нефти, садоводство.

Тѣ же занятія людей, при помощи которыхъ „сырой“ матеріаль перерабатывается въ разнообразные предметы, годные для употребленія людьми, называются обрабатывающей промышленностью.

Если обработка сырыхъ матеріаловъ ведется ручнымъ способомъ, то такое занятіе называется ремесломъ; если же матеріалы обрабатываются машинами на фабрикахъ, то это уже — фабричное дѣло.

Не во всѣхъ странахъ земли есть все необходимое для человѣка; такъ напр.: въ одномъ мѣстѣ есть много желѣза, да нѣтъ хлѣба; въ другомъ — много хлѣба, а нѣтъ желѣза. Поэтому людямъ приходится излишекъ своихъ произведеній перевозить въ другую страну, гдѣ въ нихъ нуждаются, и обмѣнивать ихъ на то, чѣмъ богаты другіе люди: въ этомъ состоитъ торговля.

Для различныхъ занятій требуются разныя силы людей: въ иномъ дѣлѣ требуется только физическая сила да терпѣніе; въ другомъ—требуются уже знанія, а иногда—большая ученость; въ нѣкоторыхъ дѣлахъ достаточно ловкости, сноровки, а въ нѣкоторыхъ нужно большое искусство.

Чтобы приступить къ какому-нибудь труду, надо заранѣе развить въ себѣ тѣ силы, которыхъ онъ потребуетъ.

Скворецъ.

У всякаго талантъ есть свой;
Но часто, на успѣхъ прельщаяся чужой,
Хватается за то иной,
Въ чемъ онъ совсѣмъ не годенъ.

А мой совѣтъ такой:

Берись за то, къ чему ты ероденъ,
Коль хочешь, чтобъ въ дѣлахъ успѣшнѣй былъ
конецъ.

Какой-то смолоду скворецъ
Такъ пѣть щегленкомъ научился,
Какъ будто бы щегленкомъ самъ родился.
Игривымъ голоскомъ весь лѣсъ онъ веселилъ,
И всякій скворушку хвалилъ.

Иной бы былъ такой доволенъ честью,
Но скворушка услышь, что хвалятъ соловья,—

А скворушка завистливъ былъ, къ несчастью,—
И думаетъ: „Постойте же, друзья,

Спою не хуже я
И соловьинымъ ладомъ“.

И подлинно запѣлъ,—
Да только лишь совсѣмъ особымъ складомъ:

То онъ пищаль, то онъ хригѣль,

То верещаль козленкомъ,

То не путемъ

Мяукаль онъ котенкомъ;

И, словомъ, разогналь всѣхъ птицъ своимъ пѣньемъ.

Мой милый скворушка, ну что за прибыль въ томъ?

Пой лучше хорошо щегленкомъ,

Чѣмъ дурно—соловьемъ.

Крыловъ.

Обмѣнъ труда.

Если бы каждый человѣкъ жилъ отдѣльно отъ другихъ, то онъ не могъ бы добыть все необходимое, потому что одному и тому же человѣку трудно и землю воздѣлывать, и платье шить, и домъ строить, и торговать. Поэтому людямъ лучше жить не въ одиночку, а обществомъ, гдѣ каждый человѣкъ занимается своимъ дѣломъ, принося имъ пользу и для другихъ: въ благоустроенномъ человѣческомъ обществѣ каждый трудится для всѣхъ и всѣ для каждого.

Земледѣлецъ обрабатываетъ землю, добывая хлѣбъ для множества людей, но не умѣетъ сдѣлать сохи, выковать топоръ, научить грамотѣ дѣтей, сочинить книгу. Ученый не умѣетъ пахать, не можетъ сшить сапоги, приготовить пищу.

Ни одинъ человѣкъ не можетъ сдѣлать самъ для себя все, что ему нужно: на это ни умѣнія, ни знанія не хватитъ ни у кого. Поэтому-то люди подѣлили между собою занятія: каждый беретъ на себя одно какое-нибудь дѣло и обмѣниваетъ затѣмъ свои труды на труды другихъ. Земледѣлецъ отдаетъ свой хлѣбъ ремесленнику и ученому; ремесленникъ служитъ своимъ мастерствомъ земледѣльцу и ученому, а ученый служитъ всѣмъ своими знаніями.

Чтобы легче было мѣнять трудъ на трудъ, люди придумали деньги и обмѣниваютъ на нихъ свои товары и трудъ, установивъ на все цѣны. Человѣкъ заработаетъ деньги и покупаетъ на нихъ у купца издѣлія другихъ людей, которыя ему необходимы для удовлетворенія разныхъ житейскихъ потребностей.

Но кромѣ простыхъ, тѣлесныхъ потребностей, человѣкъ имѣетъ еще потребности и духовныя. Для удовлетворенія своихъ духовныхъ потребностей человѣкъ строитъ церкви, устраиваетъ различныя учебныя заведенія и заботится вообще о просвѣщеніи.

И чѣмъ образованнѣе народъ, тѣмъ легче его трудъ; а произведенія труда знающаго человѣка цѣнятся гораздо дороже, чѣмъ предметы, сработанные неумѣлыми руками. Потому-то такъ необходимы всякой странѣ школы, такъ нужны учителя.

Г и м н ъ.

Господь! Твори добро народу!
Благослови народный трудъ,
Упрочь народную свободу,
Упрочь народу правый судъ!
Чтобы благія начинанья
Могли свободно возрасти,
Разлей въ народѣ жажду знанья
И къ знанью укажи пути.

Н. Некрасовъ.

Разные народы.

Кому случилось побывать въ отдаленныхъ краяхъ нашего обширнаго отечества, тотъ, проѣзжая черезъ разныя губерніи, замѣтилъ, конечно, какіе различные

народы населяютъ русскую землю. Не замѣтить этого нельзя, потому что и одѣваются они разнo, и лица ихъ отличаются отъ русскихъ, а главное — говорить они на разныхъ языкахъ.

Въ Россіи живетъ болѣе ста разныхъ народовъ; впрочемъ, они не всѣ рѣзко отличаются другъ отъ

Киргизъ.

друга: есть между ними и родственные народы одного племени и говорящіе очень сходно; для примѣра можно указать на татаръ, башкиръ, киргизовъ и бухарцевъ; всѣ они одного племени — монгольскаго, и потому сходны въ лицѣ (скуластые, черноволосые, желтокожіе, съ узенькими глазами), говорятъ хотя и на разныхъ

Черногорецъ.

ные между собою лицомъ, но говорящіе совсѣмъ на разныхъ языкахъ.

Русскій народъ составляетъ часть славянской группы кавказскаго племени; ему родственны: поляки, сербы, чехи, моравы, черногорцы. Всѣ эти славянскіе народы, хотя и родственные другъ другу, говорятъ, однако, на различныхъ языкахъ: полякъ не пойметъ серба, а велико-

нарѣчіяхъ, но все-таки кое-что понимаютъ въ разговорѣ другъ съ другомъ.

Мы, русскіе, совсѣмъ другого племени—кавказскаго, и ужь ничуть не похожи на монголовъ и понимать ихъ не можемъ.

Но кавказское племя очень многочисленно и дѣлится на много частей, или группъ, и въ каждой особой его группѣ есть различные народы, хотя и сход-

Сербъ.

россъ не понимаетъ черногорца.

Еще больше разницы между народами другой группы кавказскаго племени — греко-романской; въ этой группѣ немного народовъ: греки, итальянцы, французы и испанцы; но всѣ они еще больше отличаются другъ отъ друга, чѣмъ славяне: грекъ не пойметъ ни одного слова французскаго, а французъ не разговорится съ испанцемъ.

Грекъ.

Третья группа кавказскаго племени — германская; ея народы меньше всего разнятся одинъ отъ другого: нѣмцы, шведы и англичане съ виду похожи и понимаютъ немного другъ друга.

Итальянецъ.

Не подумай, что всѣ эти три группы кавказскаго племени (славянская, романская и германская) составляютъ население Россіи; нѣтъ, тѣ народы, которые заняли огромныя земли нашего отечества, принадлежатъ, главнымъ образомъ, къ монгольскому племени; а изъ кавказскаго племени по Россіи расселилась только славянская его группа (да и то не вся: у насъ нѣтъ ни мораванъ, ни чеховъ, ни сербовъ;

Французскіе крестьяне.

левство — Грецію; они одной съ нами православной вѣры. Перечисленные нами народы и ихъ государства расположились на большомъ пространствѣ суши, которая съ трехъ сторонъ омывается многими морями; суша эта называется Европой. Только наше государство не помѣстилось все въ Европѣ: тутъ находится его меньшая часть (Европейская Россія), населен-

они живутъ по другимъ землямъ, которыя Россіи не принадлежатъ). Народы же греко-романской и германской группъ имѣютъ свои собственные государства: у нѣмцевъ — со-сѣдня съ нами Германія, у шведовъ — тоже сосѣдня намъ Швеція, у англичанъ — далекая отъ насъ Англія; у французовъ — Франція; греки тоже имѣютъ свое собственное коро-

Испанцы.

Бѣлоруссы.

монгольскаго племени, которые, хоть и чужды намъ по происхожденію, однако, такъ же, какъ и всѣ мы, подчиняются Государю Императору („Бѣлому Царю“, какъ они называютъ его), повинуются тѣмъ же законамъ, исполняютъ приказанія посланнаго къ нимъ русскаго начальства, — словомъ, они такія же дѣти нашей общей родной ма-тушки-Россіи.

ная, главнымъ образомъ, великороссами, малороссами, поляками и бѣлоруссами; большая же часть Россійской имперіи — въ Азій, къ которой Европа примыкаетъ своей четвертой стороною: только невысокія Уральскія горы отдѣляютъ небольшую Европу отъ огромной Азій.

Въ Азіатской Россіи живетъ много народовъ

Малороссы.

Наше отечество.

Наше отечество, Россія, занимаетъ теперь огромное пространство въ двухъ частяхъ свѣта, славится своею мощью, имѣетъ благоустройство, законы и судъ, которые обезпечиваютъ жизнь и благосостояніе каждаго подданнаго.

Но какъ и когда все это сложилось? Какъ произошло, что всѣ эти земли въ двухъ частяхъ свѣта, населенныя различными племенами и народами, соединились въ одно государство, слились подъ одной властью, подчинились однимъ законамъ?

Объ этомъ повѣствуетъ намъ Русская Исторія.

Изъ нея мы узнаемъ, что не сразу все это сдѣлалось: понадобилась цѣлая тысяча лѣтъ, чтобы различныя народы сдѣлались дѣтьми одного отечества; понадобилось много трудовъ и подвиговъ, чтобы усмирить всѣхъ враговъ и возвыситься надъ ними до того, что они признали несокрушимость и цѣльность нашего государства; нужно было много ума и сильной власти, чтобы установить порядокъ въ такомъ обширномъ царствѣ; нужно было много заботъ и попеченій, чтобы вывести всѣ эти, вначалѣ грубые и непросвѣщенные, народы на широкій и свѣтлый путь разума, науки и мирнаго, плодотворнаго труда.

Въ продолженіе цѣлой тысячи лѣтъ государи русскіе, одинъ за другимъ, неуклонно вели Россію къ одной цѣли — ко всеобщему благу; десятки тысячъ великихъ тружениковъ всю свою жизнь отдавали на служеніе родинѣ, а милліоны людей отважно сражались противъ многочисленныхъ враговъ, отстаивая безопасность и честь дорогого отечества.

Его Императорское Величество
Государь Императоръ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ,
САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКИЙ.

Благодаря совокупнымъ усилямъ всѣхъ этихъ дѣятелей, наше отечество въ эту тысячу лѣтъ достигло того положенія, которое занимаетъ теперь: необъятное по своему простору, благоустроенное въ своихъ порядкахъ, грозное для сосѣдей и враговъ своей мощью, — оно охраняетъ насъ, своихъ вѣрноподданныхъ, отъ всякаго произвола и насилія и даетъ возможность каждому спокойно жить и мирно работать на благо своей семьи, родины и отечества.

Русь.

Подъ большимъ шатромъ
Голубыхъ небесъ,
Вижу, даль степей
Зеленѣется.

И на граняхъ ихъ,
Выше темныхъ тучъ,
Цѣпи горъ стоятъ
Великанами.

По степямъ въ моря
Рѣки катятся,
И лежатъ пути
Во всѣ стороны.

Посмотрю на югъ —
Нивы зрѣлыя,
Что камышъ густой,
Тихо движутся.

Гляну къ сѣверу —
Тамъ, въ глуши пустынь,
Снѣгъ, что бѣлый пухъ,
Быстро кружится.

Подымаетъ грудь
Море синее,
И горами ледъ
Ходить по морю...

Это ты, моя
Русь державная,
Моя родина
Православная!
Широко ты, Русь,
По лицу земли
Въ красѣ царственной
Развернулася!

Ужъ и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,

Стать за честь твою
Противъ недруга,
За тебя въ нуждѣ
Сложить голову!

Никитинъ.

Христось воскресь!

Скажите мнѣ, отчего въ эту ночь воздухъ всегда такъ тепель и тихъ, отчего въ небѣ горятъ милліоны звѣздъ, природа одѣвается радостью, — отчего сердце у меня словно щемить отъ полноты нахлынувшего вдругъ веселія, отчего кровь приливаетъ къ горлу, и я чувствую, что меня какъ будто уноситъ какою-то невидимою волною?

„Христось воскресь!“ — звучатъ колокола, вдругъ загудѣвшіе во всѣхъ углахъ города; „Христось воскресь!“ — журчатъ ручьи, бѣгущіе съ горы въ оврагъ; „Христось воскресь!“ — говорятъ шпили церквей, внезапно одѣвшіеся огнями; „Христось воскресь!“ — привѣтливо шепчутъ вѣчные огни, горящіе въ глубокомъ, темномъ небѣ; „Христось воскресь!“ — откликается мнѣ давно минувшее мое прошлое.

Я еще вчера явственно слышалъ, какъ жаворонокъ, только-что прилетѣвшій съ юга, бойко и сладко пропѣлъ мнѣ эту славную вѣсть, отъ которой сердце мое всегда билось какою-то чуткою надеждою.

Я еще вчера видѣлъ, какъ добрая купчиха Пелагея Ивановна хлопотала и возилась, изготовляя несчетное множество куличей и пасокъ, окрашивая сотни яицъ и запекая въ тѣстѣ десятки окороковъ.

— Куда вамъ такое множество куличей, Пелагея Ивановна? — спросилъ я ее.

— И, батюшка, все изойдетъ для „несчастненькихъ“! — отвѣчала она, набожно осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

Ужасно люблю я Пелагею Ивановну. Это именно почтеннѣйшая женщина! „Несчастненькими“ она на-

зываетъ арестантовъ и, кажется, всю свою жизнь посвятила на то, чтобъ какъ-нибудь усладить тѣсноту и суровость ихъ заключенія.

Она не спрашиваетъ, кто этотъ арестантъ, которому рука ея подаетъ милостыню Христовымъ именемъ: разбойникъ ли онъ, воръ, или просто „прикосновенный“. Въ глазахъ ея всѣ они — просто „несчастненькіе“, и вотъ каждый воскресный день отправляются изъ ея дома цѣлыя вязки колачей, пуды говядины или рыбы, и „несчастненькіе“ благословляютъ имя Пелагеи Ивановны, зовутъ ее „матушкой“ и „кормилицей“...

И я того мнѣнія, что если кто-нибудь на семь свѣтъ заслуживаетъ царствіе небесное, то, конечно, Пелагея Ивановна больше всѣхъ.

Еще вчера съ вечера я чувствовалъ, что въ городѣ дѣлалось что-то необычайное. Въ половинѣ двѣнадцатаго во всѣхъ окнахъ забѣгали огни, и вслѣдъ за тѣмъ потянулся по всѣмъ улицамъ народъ, застучали экипажи.

И я тоже съ какимъ-то особеннымъ, давно-непривычнымъ мнѣ чувствомъ радости выслушалъ утреню и вышелъ изъ церкви, вынося съ собой безотчетное и свѣтлое чувство дружелюбія, милосердія и снисхожденія.

„Христось воскресъ!“ думалъ я. Онъ воскресъ для всѣхъ: большіе и малые, іудеи и эллины, пришедшіе рано и пришедшіе поздно, мудрые и юродивые, богатые и нищіе, — всѣ мы равны передъ Его воскресеніемъ, передъ всѣми нами стоитъ трапеза, которую приготовила побѣда надъ смертью.

Не даромъ существуетъ въ народѣ повѣрье, что душа грѣшника, умершаго въ Свѣтлый праздникъ,

очищается отъ грѣховъ и уносится въ райскія обители.

Можетъ ли быть допущена идея о смерти въ тотъ день, когда все говоритъ о жизни, все призываетъ къ ней?

Я люблю эти народныя повѣрья, потому что въ нихъ, кромѣ поэтическаго чувства, всегда разлито много свѣтлой, успокаивающей любви...

Онъ воскресъ и для васъ, бѣдные заключенники, неузнанные странники моря житейскаго! Христось, сходявшій въ адъ, сошелъ и въ ваши сердца и очистилъ ихъ въ горнилѣ любви Своей. Всѣ мы братья, всѣ мы невинны и чисты передъ гласомъ любви, всепрощающей, всеискупляющей...

Обнимемъ же другъ друга и всѣмъ существомъ своимъ возгласимъ:

„Други! братья! воскресъ Христось!“

Онъ воскресъ и для тебя, сѣрый армякъ! Онъ сугубо воскресъ для тебя, потому что ты цѣлый годъ, обливая потомъ кормилицу-землю, славилъ имя Его, потому что ты цѣлый годъ трудился, ждалъ и все думалъ: „Вотъ придетъ Свѣтлое Воскресенье, и я отдохну подъ святой сѣнью его!“

И ты отдохнешь, потому что въ полѣ бѣгутъ еще веселые ручьи, потому что земля-матушка только-что первый паръ дала, и ничто еще не вызываетъ въ поле ни твоей сохи, ни твоего упорнаго труда!

Для всѣхъ воскресъ Христось! Всѣ мы, большіе и малые, богатые и убогіе, іудеи и эллины, всѣ мы встанемъ и отъ полноты душевной обнимемъ другъ друга!

Евангеліе.

Когда отрада упованья
Въ тебѣ погаснетъ безъ слѣда,
И будутъ тяжелы страданья,
И за бѣдой придетъ бѣда, —
Тогда бери ты книгу эту!
Здѣсь на страницахъ ты ея
Найдешь призывъ къ добру и свѣту,
И на страданіе твое
Здѣсь чудный голосъ отзовется
Всепокоряющей любви;
Онъ надъ тобою пронесется:
„Страдай! Терпи! Люби! Живи!“
И этотъ голосъ чудной силой
Больную душу оживить:
Она не дрогнетъ предъ могилой
И горе жизни побѣдитъ.

Двѣ дороги мудрыхъ учениковъ.

Вспоминая дни юности своей, св. Григорій Богословъ говорить: „Мы учились съ Василиемъ Великимъ въ Аѳинахъ въ академіи *). Мы знали только двѣ дороги: одну, которая вела насъ въ церковь, къ святымъ наставникамъ; другую, которая вела насъ въ академію, къ учителямъ свѣтскихъ наукъ. Другихъ же дорогъ, по коимъ ходятъ на веселіе, пиршество и гульбища, мы не знали и знать не хотѣли“.

*) Высшее училище.

Сначала со мной общаются Дольки и Белица. Мало-помалу я научилась с ними разговаривать. В 18

есть с ними разговаривать: до того доходить было трудно. Сперва общаются с ней Дольки и Белица.

А л е й.

Въ нашей казармѣ было трое дагестанскихъ татаръ, и всѣ они были родные братья. Два изъ нихъ были уже пожилые, но третій, Алей, былъ не болѣе двадцати двухъ лѣтъ, а на видъ еще моложе. Его мѣсто на нарахъ было рядомъ со мною.

Его прекрасное, открытое, умное и въ то же время добродушно-наивное лицо съ перваго взгляда привлекло къ нему мое сердце, и я такъ радъ былъ, что судьба послала мнѣ его, а не другого кого-нибудь въ сосѣди.

Вся душа его выражалась на его красивомъ, можно даже сказать, прекрасномъ лицѣ. Улыбка его была такъ довѣрчива, такъ дѣтски-простодушна; большіе черные глаза были такъ мягки, такъ ласковы, что я всегда чувствовалъ особое удовольствіе, даже облегченіе въ тоскѣ и въ грусти, глядя на него.

Братья очень любили его и скорѣе какою-то отеческою, чѣмъ братскою любовью. Онъ былъ имъ утѣшеніемъ въ ихъ ссылкѣ, и они, обыкновенно мрачные и угрюмые, всегда улыбались, на него глядя, и когда заговаривали съ нимъ (а говорили они съ нимъ очень мало, какъ будто все еще считали его за мальчика, съ которымъ нечего и говорить о серьезномъ), то суровыя лица ихъ разглаживались, и я угадывалъ, что они съ нимъ говорятъ о чемъ-нибудь шутиломъ, почти дѣтскомъ; по крайней мѣрѣ, они всегда переглядывались и добродушно усмѣхались, когда, бывало, выслушаютъ его отвѣтъ. Самъ же онъ почти не смѣлъ съ ними заговаривать: до того доходила его почтительность.

Сначала со мной онъ былъ только вѣжливъ. Мало-по-малу я началъ съ нимъ разговаривать; въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ выучился прекрасно говорить по-русски, чего братья его не добились во все время своей каторги.

Разъ, уже довольно долго послѣ моего прибытія въ острогъ, я лежалъ на нарахъ и думалъ о чемъ-то тяжеломъ. Алей, всегда работающій и трудолюбивый, въ этотъ разъ ничѣмъ не былъ занятъ, хотя еще было рано спать. Но у нихъ въ это время былъ свой мусульманскій праздникъ, и они не работали. Онъ лежалъ, заложивъ руки за голову, и тоже о чемъ-то думалъ.

Вдругъ онъ спросилъ меня:

— Что, тебѣ очень теперь тяжело?

Я оглядѣлъ его съ любопытствомъ, и мнѣ показался страннымъ этотъ быстрый, прямой вопросъ отъ Алея, всегда деликатнаго, всегда разборчиваго, всегда умнаго сердцемъ; но, взглянувъ внимательнѣе, я увидѣлъ въ его лицѣ столько тоски, столько муки отъ воспоминаній, что тотчасъ же нашелъ, что ему самому было очень тяжело и именно въ эту же самую минуту. Я высказалъ ему мою догадку. Онъ вздохнулъ и грустно улыбнулся. Я любилъ его улыбку, всегда нѣжную и сердечную.

— Что, Алей, ты, вѣрно, сейчасъ думалъ о томъ, какъ у васъ въ Дагестанѣ празднуютъ этотъ праздникъ? Вѣрно, тамъ хорошо?

— Да,—отвѣчалъ онъ съ восторгомъ, и глаза его просіяли, — а почему ты знаешь, что я думалъ объ этомъ?

— Еще бы не знать! Что, тамъ лучше, чѣмъ здѣсь?

— О! Зачѣмъ ты это говоришь...

— Должно-быть, теперь какіе цвѣты у васъ, какой...

— О-охъ, и не говори лучше!

Онъ былъ въ сильномъ волненіи.

— Послушай, Алей, у тебя была сестра?

— Была. А что тебѣ?

— Должно-быть, она красавица, если на тебя похожа.

— Что на меня! Она такая красавица, что по всему Дагестану нѣтъ лучше! Ахъ, какая красавица моя сестра! Ты не видалъ такую! У меня и мать красавица была.

— А любила тебя мать?

— Ахъ! Что ты говоришь! Она, вѣрно, умерла теперь съ горя по мнѣ. Я любимый былъ у нея сынъ. Она меня больше сестры, больше всѣхъ любила... Она ко мнѣ сегодня во снѣ приходила и надо мной плакала.

Онъ замолчалъ, и въ этотъ вечеръ ужъ больше не сказалъ ни слова. Но съ этихъ поръ онъ искалъ каждый разъ говорить со мной, хотя самъ, низъ почтенія, которое онъ неизвѣстно почему ко мнѣ чувствовалъ, никогда не заговаривалъ первый; зато очень былъ радъ, когда я обращался къ нему. Я спрашивалъ его про Кавказъ, про его прежнюю жизнь. Братья не мѣшали ему со мной разговаривать, и имъ даже это было пріятно. Они тоже, видя, что я все болѣе и болѣе люблю Алея, стали со мною гораздо ласковѣе.

— Послушай, Алей,—сказалъ я ему однажды,—отчего ты не выучишься читать и писать по-русски? Знаешь ли, какъ это можетъ тебѣ пригодиться здѣсь, въ Сибири, впоследствии?

— Очень хочу. Да у кого выучишься?

— Мало ли здѣсь грамотныхъ! Да хочешь, я тебя выучу.

— Ахъ, выучи, пожалуйста! — И онъ даже всталъ на нарахъ и съ мольбою сложилъ руки, смотря на меня.

Мы принялись съ слѣдующаго же вечера. У меня былъ русскій переводъ Новаго Завѣта, книга, не запрещенная въ острогѣ. Безъ азбуки, по одной этой книгѣ Алей въ нѣсколько недѣль выучился превосходно читать. Мѣсяца черезъ три онъ уже совершенно понималъ книжный языкъ. Онъ учился съ жаромъ, съ увлеченіемъ.

Однажды мы прочли съ нимъ всю нагорную проповѣдь. Я замѣтилъ, что нѣкоторыя мѣста въ ней онъ проговаривалъ какъ будто съ особеннымъ чувствомъ. Я спросилъ его, нравится ли ему то, что онъ прочелъ.

Онъ быстро взглянулъ, и краска выступила на его лицѣ.

— Ахъ, да! — отвѣчалъ онъ. — Да, Иса — святой пророкъ, Иса Божіи слова говорилъ. Какъ хорошо!

— Что же тебѣ больше всего нравится?

— А гдѣ онъ говорилъ: прощай, люби, не обижай и враговъ люби. Ахъ, какъ хорошо онъ говорить!

Онъ обернулся къ братьямъ, которые прислушивались къ нашему разговору, и съ жаромъ началъ имъ говорить что-то. Они долго и серьезно говорили между собою и утвердительно покачивали головами. Потомъ съ важно-благосклонною, т.-е. чисто-мусульманскою улыбкою, обратились ко мнѣ и подтвердили, что Иса былъ Божій пророкъ и что онъ дѣлалъ ве-

дикія чудеса; что Онъ сдѣлалъ изъ глины птицу, дунулъ на нее — и она полетѣла... и что это у нихъ въ книгахъ написано. Говоря это, они вполнѣ были увѣрены, что дѣлаютъ мнѣ великое удовольствіе, восхваляя Ису, и Алей былъ вполнѣ счастливъ, что братья его рѣшились и захотѣли сдѣлать мнѣ это удовольствіе.

Письмо у насъ пошло тоже чрезвычайно успѣшно. Алей досталъ бумаги (и не позволилъ мнѣ купить ее на мои деньги), перьевъ, чернилъ и въ какихъ-нибудь два мѣсяца выучился превосходно писать. Это даже поразило его братьевъ. Гордость и довольство ихъ не имѣли предѣловъ. Они не знали, чѣмъ возблагодарить меня. На работахъ, если намъ случалось работать вмѣстѣ, они наперерывъ помогали мнѣ и считали это себѣ за счастье. Я уже не говорю про Алея. Онъ любилъ меня, можетъ-быть, такъ же, какъ и братьевъ.

Никогда не забуду, какъ онъ выходилъ изъ острога. Онъ отвелъ меня за казарму и тамъ бросился мнѣ на шею и заплакалъ. Никогда прежде онъ не цѣловалъ меня и не плакалъ.

— Ты для меня столько сдѣлалъ,—говорилъ онъ,— что отецъ мой, мать мнѣ бы столько не сдѣлали: ты меня человѣкомъ сдѣлалъ; Богъ заплатитъ тебѣ, а я тебя никогда не забуду...

Гдѣ-то, гдѣ-то теперь мой добрый, милый, милый Алей!..

З а б ы т а я п у ш к а.

Нѣсколько лѣтъ назадъ мнѣ привелось путешествовать по Кавказу. Цѣлые дни одолѣвалъ я кру-

тизны и ущелья Дагестана, то спускаясь въ прохладныя чащи, притаившіяся у потоковъ, то всползая на пустынные, обнаженныя вершины, гдѣ на самомъ темени ихъ порой мнѣ попадались развалины старыхъ ауловъ.

Ночевать случалось то подъ открытымъ небомъ, сіявшимъ многочисленными звѣздами, то въ убогой и грязной саклѣ.

Тишина была такая, что воображеніе невольно начинало работать, и старья воспоминанія, полу-

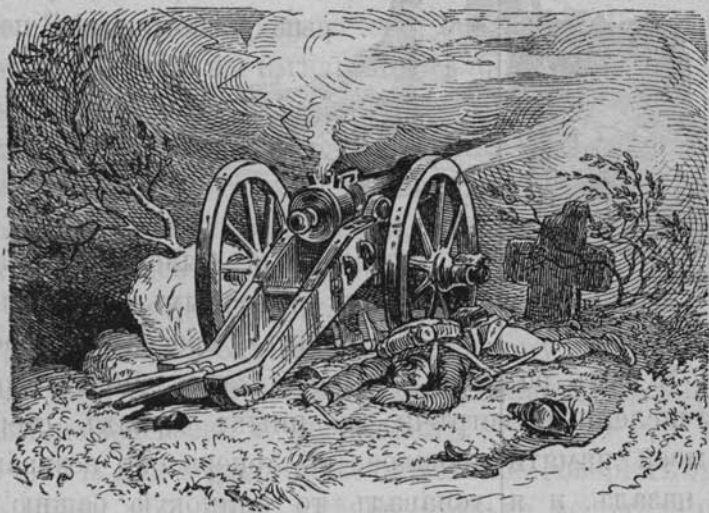
забытыя было, воскресали въ чудесныхъ образахъ и яркихъ краскахъ передо мною. Я самъ родился и выросъ здѣсь. Долгіе годы и безчисленныя встрѣчи въ иныхъ краяхъ стерли изъ моей памяти прошлое; но теперь оно возвращалось назадъ, и я узнавалъ то одинокую башню на голомъ утесѣ, то брошенную крѣпость въ горномъ узлѣ...

На восьмой день поѣздки, съѣзжая по крутому спуску въ глубокую долину, гдѣ пѣнилась рѣчонка и смутно обрисовывались оставленныя укрѣпленія, я наткнулся на забытую горную чугунную пушку. Она одиноко чернѣла посреди цѣпкой, отовсюду поднимавшейся поросли. Голубые цвѣты баятъ-ханы (здѣшней колючки) напояли жаркій воздухъ благоуханіемъ.

Дикая гвоздика съ невиданной роскошью поднимала темно-красные вѣнчики у жадной пасти навсегда замолкшаго орудія. Въ немъ, въ этомъ зловѣщемъ жерлѣ, мерещилось что-то. Я наклонился и взглянулъ, — тамъ было гнѣздо какой-то пташки.

Птенцы вывелись и улетѣли, и оно оставалось одно здѣсь, среди общаго безмолвія окрестностей.

Черный воронъ прилетѣлъ откуда-то, сѣлъ на минуту на сухой стебель кизиловаго куста и высматривалъ оттуда въ долину.

И тутъ когда-то кипѣли бои, звенѣли штыки, слышались: перебѣгающая дробь выстрѣловъ, глухое рокотаніе барабановъ и оглушительные удары горныхъ пушекъ.

Умирили и убивали подъ этимъ нѣжнымъ, кроткимъ небомъ, улыбающимся безоблачною лазурью и такъ ясно говорящимъ человѣческой душѣ о вѣчномъ мирѣ и благоволеніи.

Слышались стоны и крики страданій тамъ, гдѣ было мѣсто только ласковой пѣснѣ да умиленной молитвѣ.

Природа лучше распорядилась съ остатками человѣческой вражды. Она заставила птицъ вить гнѣзда въ жерлахъ брошенныхъ орудій, вырастила кругомъ цвѣты и подъ ихъ роскошью скрыла сломанные лафеты.

Благословляя страданіе, она за каждую каплю крови подняла изъ земли робко и сладко благоухающую фіалку и навѣки схоронила жестокое прошлое, чтобы и люди забыли, наконецъ, ненависть и злобу.

Живите для любви и добра, — внятно говорить она образами, красками и звуками...

Е в а н г е л і е .

Есть книга такая, что, если захочешь,—

Она тебѣ станетъ ясна

И душу твою оживить и согрѣетъ,

Какъ воздухъ и землю весна.

Въ той книгѣ все просто, какъ въ рѣчи дитяти:

Ни лжи, ни лукавства, ни злобы въ ней нѣтъ;

Страницу любую открой, и найдешь ты

На каждый вопросъ свой отвѣтъ.

Нагрянетъ ли горе нежданной грозой,

Согнетъ ли жестоко злодѣйка-судьба, —

Укажетъ тебѣ для побѣды надъ ними

Та книга святая оружье всегда.

Но если же ты не умѣешь молиться,

Надѣяться, вѣрить, любить, —

Святыя слова этой праведной книги

Возмутся тебя научить.

Главнѣйшая добродѣтель.

Св. Іоаннъ Богословъ достигъ глубокой старости и потерялъ силы отъ великихъ трудовъ своихъ. Онъ не могъ уже ходить въ собраніе вѣрныхъ, и его приносили туда ученики на рукахъ своихъ. Онъ считалъ своею обязанностью до послѣднихъ силъ поучать христіанъ. Наконецъ и говорить ему стало трудно. Тогда онъ произносилъ только: „Дѣти мои! любите другъ друга“.

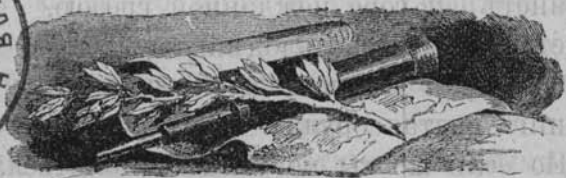
Удивляясь тому, что онъ повторяетъ все одно и то же, ученики спросили его, почему онъ дѣлаетъ это. „Эта заповѣдь Спасителя, — отвѣчалъ Іоаннъ, — есть сокращенное содержаніе всего закона“.

* * *

Помолись за всѣхъ людей ты,
Какъ за братьевъ за родныхъ!

Помолись за всѣхъ умершихъ,
Помолись за всѣхъ живыхъ!

И. Бялоусовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	3
Азбука	5—24
Дни недѣли	25
Годъ	—
Четыре времени года	—
Мѣсяцы	—
Пословицы	26
Нива. Стихотв. <i>Ю. Жадовской</i>	27
Рождество Богородицы	28
Введеніе во храмъ	29
Храмъ Божій	30
Сельскій вечеръ. Стихотв. * * *	31
Изреченія изъ Псалтири	—
Благовѣщеніе	32
Рождество Христово	33
Срѣтеніе Господне	35
Крещеніе Господне	36
Преображеніе Господне	37
Входъ Господень въ Иерусалимъ	39
Воскресеніе Христово	40
Христовъ Воскресъ! <i>Изъ книги Ушинскаго</i>	42
Вознесеніе Господне	43
Сошествіе Св. Духа	44
Успеніе Пресвятой Богородицы	45
Воздвиженіе Креста Господня	47
Покровъ Пресвятой Богородицы	48
Осенніе и зимніе праздники	50
Весенніе и лѣтніе праздники	—
Школа. Стихотв. <i>Соч. слѣпой дѣвочки</i>	51
Поученіе Владимира Мономаха	52
Два богача. <i>Тургенева</i>	54
Христовъ Воскресе! <i>Гончарова</i>	55
Спаситель. Стихотв. <i>К. Р.</i>	56
Нищій. <i>Тургенева</i>	57
Нищіе. Стихотв. <i>Никитина</i>	60
Кусокъ хлѣба. <i>Изъ книги Тихомирова</i>	62
Отчего бываетъ бѣдность и горе. <i>Изъ книги Тихомирова</i>	70
Грушевое дерево. <i>П. А. З.</i>	71
Птичка. Стихотв. <i>Плещеева</i>	72
Добрый человѣкъ. Стихотв. <i>Водовозова</i>	78
Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ <i>П. А. З.</i>	79
Школьникъ. Стихотв. <i>Некрасова</i>	81
Садъ и лѣсъ	83
Лѣса	84
Польза отъ лѣсовъ	85
Древесныя породы чернолѣся. <i>Аксакова</i>	86
Обезьяна. <i>Васня Крылова</i>	86
Лѣсные обитатели. <i>Аксакова</i>	86

Бурый медвѣдь. <i>Изъ книги Вагнера.</i>	87
Трудолюбивый медвѣдь. Басня <i>Крылова.</i>	94
Волкъ. <i>Изъ книги Вагнера.</i>	—
Волкъ и котъ. Басня <i>Крылова.</i>	97
Лисица. <i>Изъ книги Вагнера.</i>	98
Домашняя собака. <i>Изъ книги Вагнера.</i>	102
Какая польза отъ рѣкъ	108
Рѣки Россіи	110
Откуда и куда текутъ рѣки?	111
Море. <i>П. А. З.</i>	114
Моря Россіи.	117
Океанъ. <i>П. А. З.</i>	122
Путешествіе воды. <i>Изъ книги Ушинскаго.</i>	124
Дождевыя капли. Стихотв. <i>Плещеева.</i>	126
Вѣтеръ. <i>Изъ книги Тихомирова.</i>	—
Солнце. <i>Изъ книги Тихомирова.</i>	—
Солнце и знаніе. Стихотв. <i>Водовозова.</i>	129
Закатъ солнца. Стихотв. **	130
Горы	—
Пѣсня рудокоповъ. Стихотв. <i>Некрасова.</i>	134
Горы Россіи	135
Серебряный рубль	137
Пѣсня въ честь труда. Стихотв. <i>Ө. Миллера.</i>	140
Голосъ совѣсти	—
О чемъ надо молиться. Стихотв. **	142
Подземный огонь. <i>П. А. З.</i>	143
Землетрясенія. <i>П. А. З.</i>	148
Каменный уголь. <i>По Вагнеру.</i>	153
Карандашъ. <i>По Вагнеру.</i>	157
Мѣль. <i>По Вагнеру.</i>	159
Стекло.	161
Человѣкъ	165
Душа человѣка	166
Умъ человѣка	167
Ларчикъ. Басня <i>Крылова.</i>	171
Древніе люди	172
Кочующіе люди	174
Осѣдлые народы	177
Огонь и металлы	181
Силы природы и умъ человѣка	184
Нива. Стихотв. <i>Майкова.</i>	188
О занятіяхъ людей	189
Скворецъ. Басня <i>Крылова.</i>	190
Обмѣнъ труда. <i>Изъ книги Тихомирова.</i>	191
Гимнъ. Стихотв. <i>Некрасова.</i>	192
Разные народы	—
Наше отечество.	198
Русь. Стихотв. <i>Никитина.</i>	200
Христосъ воскресъ! <i>Салтыкова.</i>	201
Евангеліе. Стихотв. **	204
Двѣ дороги мудрыхъ учениковъ.	—
Алей. <i>Достоевскаго.</i>	206
Забытая пушка. <i>Немировича-Данченка.</i>	210
Евангеліе. Стихотв. **	213
Главнѣйшая добродѣтель	214
„Помолись“. Стихотв. <i>И. Бѣлусова.</i>	—